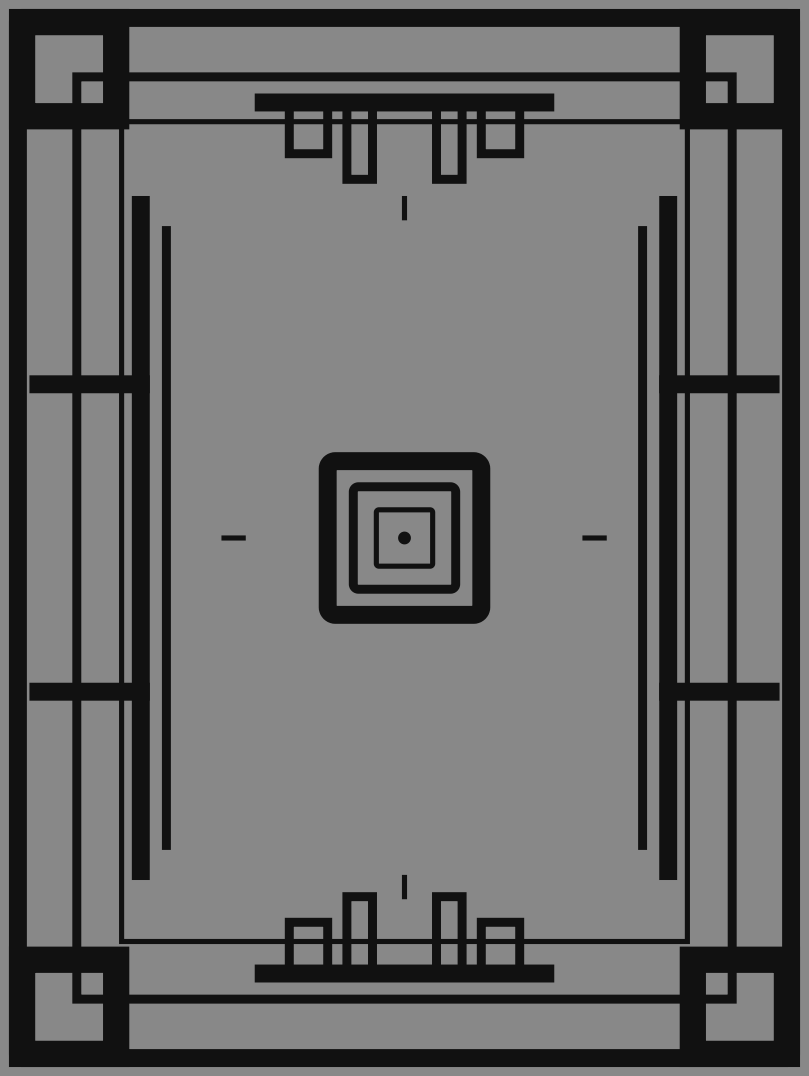

Шпион, который любил меня

Ян Флеминг

Шпион, который любил меня
1. Испуганная кошка
2. Милые сердцу воспоминания
3. Весеннее пробуждение
4. «Дорогая Вив»
5. Птица с подбитым крылом
6. Отправляйтесь-ка на запад, барышня
7. «Приходи ко мне в гости...»
8. Разбойники из страшной сказки
9. И тогда я завизжала
10. Это еще что такое?
11. Вместо вечерней сказки
12. Заснешь — имеешь шанс умереть!
13. Перестрелка
14. Бимбо
15. Сердечные шрамы

Шпион, который любил меня

Моим читателям

То, что вы прочтете дальше, я обнаружил однажды утром на своем письменном столе. Как вы увидите, это история, рассказанная молодой женщиной, очевидно, красивой и не столь уж неискушенной в искусстве любви. Как следует из ее рассказа, она, видимо, была не только увлечена романтической любовью, но и вовлечена в рискованное дело тем самым Джеймсом Бондом, чьи подвиги на ниве секретной службы я сам время от времени описываю. К рукописи была прикреплена записка, под которой стояло имя — «Вивьен Мишель». Содержание записки убедило меня в том, что все написанное — чистейшая правда, откровение души. Мне было весьма интересно взглянуть на Бонда под совершенно другим, так сказать, углом зрения, и, получив разрешение на некоторые незначительные нарушения Закона о государственной тайне, я с

большим удовольствием помог опубликовать эту рукопись.
Ян Флеминг

1. Испуганная кошка

Я убегала. Убегала из Англии, от своего детства, от зимы, от вереницы случайных, малопривлекательных любовных приключений, от немногочисленных предметов мебели и кучи поношенной одежды, которые окружали меня в моей той, лондонской жизни.

Я убегала от серости, затхлости, снобизма, боязни невидимых горизонтов, от собственной неспособности вырваться вперед в этой крысиной гонке — хотя я и очень привлекательная крыса. В действительности же я убегала почти ото всего. Кроме закона.

Я пробежала довольно длинный путь — чуть ли, с небольшим преувеличением, не половину экватора. Физически я преодолела путь от Лондона до Дрими Пайнз Мотор Корт, который находился в десяти милях к западу от Лейк Джордж, знаменитого американского туристического курорта в горах Адирондака, — огромном пространстве, покрытом скалами, озерами и сосновыми лесами, которые составляют большую часть северного района штата Нью-Йорк. Я начала путешествие

первого сентября, и вот уже наступила пятница тринадцатого октября. Когда уезжала, мрачная и надменная кленовая аллея на моей улице была зеленой настолько, насколько деревья могут быть зелеными в Лондоне в середине августа. Здесь же, среди миллиардной армии сосен, марширующих на север к канадской границе, настоящие дикие клены полыхали, как разрывы шрапнели. И я почувствовала, что вся я, или во всяком случае моя кожа, сильно изменилась, преобразилась: зловещий бледно-желтый цвет, свойственный многим в той лондонской жизни, сменил здоровый естественный цвет, который появляется, если проводишь много времени на воздухе, рано ложишься спать и делаешь множество других милых, но скучных вещей, составляющих часть моей жизни в Квебеке еще до того, как было решено, что я должна ехать в Англию чтобы стать «настоящей леди». Конечно, цвет лица, свойственный физически здоровым и жизнерадостным людям с румянцем во всю щеку, нынче не в моде. Я даже перестала красить губы и делать маникюр, но для меня это было все равно что сбросить искусственную кожу, стать самой собой. Глядя в зеркало, я была по-детски довольна своим внешним видом и мне вовсе не

хотелось рисовать какое-то другое лицо на своем собственном. Я не хвастаюсь. Мне нужно было убежать от себя такой, какой я была последние пять лет. Не то, чтобы я была так уж довольна собой, но ту, другую, я ненавидела и презирала и рада была отделаться в том числе и от ее лица.

Радиостанция УОКО (могли бы придумать название поблагозвучней), ведущая передачи из Олбани, столицы штата Нью-Йорк, от которой я находилась милях в пятидесяти к югу, сообщила время: шесть часов. Далее шел прогноз погоды. Предупредили и о приближающемся урагане, который двигался с севера и должен был достичь Олбани около восьми вечера. Это означало, что ночь будет беспокойная. Но мне было все равно. Ураганом меня не удивишь, хотя ближайшая живая душа, насколько известно, находилась от меня милях в десяти, если ехать отсюда по довольно разбитой проселочной дороге в направлении к Лейк Джордж. Сама мысль о том, что скоро станут гнуться сосны, загремит гром и засверкают молнии, сразу заставила меня почувствовать уют и тепло четырех стен, под защитой которых можно переждать грозу.

И я была одна! Совсем одна! «Одиночество — любовник, уединенье — сладкий грех». Где я это

вычитала? Кто это написал? Это так точно совпадало с тем, что я всегда чувствовала в детстве, явствовала до тех пор, пока не заставила себя «отправиться в плавание», «слиться с толпой» — шикарной толпой гостей на балу. Но из этой «компанейской ситуации» вышло черт-те что! Я постаралась выбросить из головы воспоминания о неудачах. Вовсе не обязательно жить в толпе. Художники, писатели, музыканты — люди одинокие. Равно как и государственные деятели, а также адмиралы и генералы. Однако, добавила при этом я, дабы быть справедливой, — это следует отнести и к преступникам, и к сумасшедшим. Иначе говоря, следует признаться (что ж теперь поделаешь) — сильные личности всегда одиноки. Это, впрочем, не достоинство — как раз наоборот, человек должен участвовать в жизни общества, если хочет быть полезным. То что я счастлива в одиночестве, свидетельствовало о моей ущербности и неврастеничности. Я повторяла себе это столько раз за последние пять лет, что в тот вечер лишь пожала плечами и, решив не расставаться со своим одиночеством, пересекла холл и вышла из дома, чтобы полюбоваться последними сумерками.

Ненавижу сосны. Они темные. Стоят неподвиж-

но и под ними нельзя укрыться, нечего пытаться и взобраться на них. Они очень грязные, покрыты какой-то совсем не древесной черной грязью. И если испачкаться в ней, да еще если она смешана со смолой, то представляете, какой ужас? Я нахожу зазубренные очертания сосен враждебными. Они стоят так плотно друг к другу, что создается впечатление, будто целый лес копий преграждает путь. Единственное, что есть в них хорошего — запах, и когда у меня есть хвойная эссенция для ванн, я с удовольствием ею пользуюсь. Здесь в Адирондаке бесконечные ряды сосен вызывают у меня приступы тошноты. Они покрывают каждый квадратный ярд земли в долинах и карабкаются на вершину горы. Впечатление такое, что колючий ковер расстилается до самого горизонта — бесконечная панорама довольно-таки глупо выглядящих зеленых пирамид, ждущих, чтобы их вырубили на спички, вешалки для одежды и экземпляры «Нью-Йорк таймс».

Акров пять этих дурацких деревьев были вырублены, чтобы построить мотель, и это место действительно для него подходящее. Теперь слово «мотель» стараются не употреблять. Принято говорить, например, — «постоялый двор» или «загородные нумера» — это потому, что мотели

стали ассоциироваться с проституцией, гангстерами и убийствами, так как для этих занятий их анонимность и отсутствие контроля создают определенные удобства. А место это, с точки зрения туризма, было очень хорошее. По лесу петляла проселочная дорога, идти по которой даже приятней, чем по той, что соединяет Лейк Джордж и Глен Фолз на юге. На середине пути — небольшое озеро, удачно названное сонным, традиционное место для пикников. Мотель располагался на южном берегу озера. Главный корпус, в котором были административные службы, был обращен фасадом к дороге. Жилые домики находились позади него. Они шли полукругом. Их было ровно сорок — в каждом кухня, душ и туалет. Из любого домика так или иначе видно озеро. Постройка и планировка — самые современные. Стены отделаны полированной сосной. Симпатичные островерхие крыши, кондиционеры, детская площадка, бассейн, телевизор, поле для игры в гольф, расположенное вдоль озера. В общем все, что душе угодно. Даже мячи для гольфа были нетонущими (пятьдесят мячей — один доллар). Как с питанием? В административном корпусе — кафетерий. Дважды в день по озеру доставляли продукты и напитки.

Все это за десять долларов в одинарном номере, за шестнадцать — в двойном. Неудивительно, что расходуя около двухсот тысяч, притом, что сезон длится всего лишь с первого июля до начала октября, — а табличка «Свободных мест нет» появлялась лишь в период с середины июля по начало сентября — хозяева считали, что дела идут не блестяще. По крайней мере, так сказали эти ужасные Фэнси, содержатели мотеля, когда брали меня администратором всего за тридцать долларов в неделю плюс питание. Слава богу, что хоть не лезли в мои дела! Пело ли у меня сердце? В то утро в нем загремел небесный хор, когда в шесть утра я увидела, как их начищенный до блеска «пикапчик» исчез за поворотом дороги, ведущей в Глен Фолз, а далее в Трою, где жили эти чудовища. Мистер Фэнси последний раз облапал меня, — увернуться не удалось. Его рука, как быстрая ящерица, прошлась по моему телу, прежде чем я успела наступить ему на ногу каблуком. Только тогда он меня отпустил. Когда гримаса боли сошла с его лица, он прошипел: «Ну что ж, сексапилочка, присматривай за хозяйством хорошенько, завтра в полдень вернется хозяин и заберет у тебя все ключи. Счастливых сновидений!» Затем он изобразил одну из тех улыбочек,

которые я отказываюсь понимать, и направился к «пикапу», из которого, сидя на водительском месте, за нами наблюдала его жена. «Поехали, Джед, — сказала она резко. — Вечером сможешь удовлетворить свою похоть на Вест-стрит». Она включила зажигание и прокричала мне сладким голосом: «Прощай, красотка. Пиши нам каждый день». Затем погасила свою кривую улыбку, и я в последний раз увидела профиль ее сморщенного вытянутого лица, когда машина поворачивала на дорогу. Фу! Ну и парочка! Паноптикум! Кошмар! Но вот они уехали. Впредь мне лучше сторониться подобных типов.

Я постояла, глядя на дорогу, по которой уехала чета Фэнси. Затем повернулась и посмотрела на север, чтобы определить, что с погодой. День был прекрасный, ясный, как в Швейцарии, и теплый для середины октября. Но далеко на горизонте собирались, постоянно меняя свою форму, облака с рваными краями, окрашенные в розовый цвет лучами заходящего солнца. Быстрые, легкие порывы ветра метались среди вершин деревьев, налетали и раскачивали единственный фонарь, освещавший желтым светом пустынную бензоколонку, стоявшую у дороги на краю озера. Более продолжительный порыв ветра, холодный

и злой, принес металлический звук раскачивающегося на ветру фонаря. Я почувствовала волнующий озноб — по телу тут же побежали мурашки, такого раньше не было. За последними домиками о камни на берегу озера торопливо бились волны. Серо-металлическая поверхность озера то и дело покрывалась бороздами, словно царапинами от кошачьих когтей, и на их краях иногда вспенивались белые гребешки. Но в промежутках между сердитыми порывами ветра воздух снова становился спокойным, и казалось, что деревья, стоящие за дорогой как часовые, тихо двигались вокруг огней ярко освещенного здания за моей спиной.

Внезапно мне захотелось в туалет, и я улыбнулась. Позыв был таким, какой бывает у детей, играющих в темноте в прятки, когда, сидя в шкафу под лестницей, слышишь тихое поскрипывание половиц и приближающийся шепот тех, кто тебя ищет. В этот момент охватывает волнение и ты поджимаешь ноги в ожидании экстаза, наступающего, когда тебя обнаружат. Появляется лучик света, пробивающийся через щелочку открывающейся двери и — самый важный момент — твое быстрое «ш-ш-ш, залезайте ко мне!» Мягко закрывающаяся дверь, хихиканье

и теплое тело, тесно прижимающееся к тебе.

Теперь я уже «большая девочка», но, вспомнив все это, испытала то же самое ощущение внезапного страха — мурашки, пробегающие по спине, «гусиная кожа» — какой-то первобытный инстинкт принятого сигнала опасности. Меня это позабавило, и я постаралась задержать в себе это ощущение. Грозовые тучи скоро разразятся дождем, а я укроюсь от завывания ветра, от хаоса природы в своем хорошо освещенном, уютном логове, налью себе стаканчик, буду слушать радио и чувствовать себя в тепле и безопасности.

Темнело. Вечернего концерта птиц сегодня не будет. Они давно уже почувствовали приближение грозы и попрятались в своих убежищах в лесу, так же как и звери: белки, бурундуки и олени. На всей этой огромной, дикой территории только я находилась как на юру. Я еще несколько раз вдохнула мягкий, влажный воздух. Влажность усилила запах сосен и мха, а сейчас еще появился и сильный прелый запах земли. Словно и сам лес вспотел от того же приятного возбуждения, которое испытывала я. Где-то совсем рядом нервная сова громко спросила: «Кто?» и сразу затихла. Я сделала несколько шагов из освещенного проема двери и остановилась на середине пыльной доро-

ги, глядя на север. Сильный порыв ветра налетел на меня и растрепал волосы. Бело-голубая стрела молнии прочертила горизонт. Через несколько секунд тихо, как пробуждающаяся сторожевая собака, зарычал гром, затем налетел сильный шквал, и вершины деревьев начали плясать и гнуться. Желтый свет фонаря над бензоколонкой задергался и стал моргать, как будто предупреждая меня. Внезапно начавшийся дождь сделал очертания танцующего фонаря расплывчатыми, его свет потускнел за надвигающейся стеной воды. На меня упали первые тяжелые капли, я повернулась и побежала.

Захлопнув дверь, я заперла ее и набросила цепочку. И как раз вовремя, потому что тут же на землю с ревом обрушился мощный водяной поток, звук его менялся от тяжелого барабанного грохота по скату деревянной крыши до высокого бренчания по оконным стеклам. Скоро к этим звукам присоединился звук воды, устремившейся вниз по водосточным трубам. Все это составляло шумовой фон грозы.

Я еще стояла в комнате, лениво прислушиваясь к звукам снаружи, как вдруг за моей спиной раздался чудовищный раскат грома. Молния озарила комнату, и в этот же самый момент про-

звучал оглушительный, потрясший стены взрыв, от которого воздух завибрировал, как рояльная струна. Прогремел взрыв колоссальной силы, словно огромная бомба упала всего в нескольких ярдах от дома. Послышался резкий звон упавшего где-то на пол кувшина и плеск выливающейся на линолеум воды.

Я не могла двинуться с места. Не могла себя заставить. Так и стояла, сжав уши руками. Никогда не думала, что эффект может быть таким сильным! Оглушающая тишина снова заполнилась ревом дождя, успокаивающим, но как бы говорящим: «Не ожидала, что будет так страшно? Никогда не видела грозу в этих горах? А вообще-то убежище у тебя довольно хрупкое. Ты бы для начала хоть свет выключила. Как насчет удара молнии сквозь потолок этой спичечной коробки? Чтобы покончить с тобой, дом можно поджечь или просто убить тебя током. А может, так тебя напугать, чтоб заставить выскочить на дождь и попробовать преодолеть эти десять миль до Лейк Джорджа? Тебе ведь нравится быть одной, не так ли? Ну-ка, попробуй, сможешь?» Комната снова окрасилась в бело-голубой цвет, и прямо над головой раздался взрыв, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, но на этот раз раскат

грома был более продолжительным и грохот его был подобен неистовой канонаде, от которой в баре задребезжали стекла и стаканы с чашками, а деревянные конструкции дома заскрипели от давления звуковых волн.

Я почувствовала слабость в ногах, с трудом дотащилась до ближайшего стула и села на него, обхватив голову руками. Как я могла быть такой глупой, такой безрассудной? Если бы хоть кто-нибудь пришел и побыл со мной, хоть кто-нибудь сказал мне, что это всего-навсего гроза! Но ведь это не просто гроза! Это катастрофа, конец света! И все против меня! Надо что-то делать, сейчас же, сию секунду. Кто-то должен мне помочь! Но Фэнси рассчитались с телефонной компанией, и связь отключили. Оставалась только одна надежда! Я побежала к двери, схватилась за рубильник, зажигавший над дверью табло с красной неоновой надписью «Добро пожаловать» или «Свободных мест нет». Может быть, кто-нибудь окажется на дороге? Кто-нибудь, кто был бы рад укрыться от грозы. Но как только я опустила ручку рубильника вниз, молния, которая следила за мной, ослепительно сверкнула и, когда раздался удар грома, какая-то гигантская рука схватила меня и бросила на пол.

2. Милые сердцу воспоминания

Очнувшись, я сразу же поняла, где нахожусь и что произошло: я прижалась к полу, ожидая еще одного удара и оставалась в таком положении около десяти минут, прислушиваясь к шуму дождя и размышляя о том, каковы будут для меня последствия электрического шока: стала ли я инвалидкой, быть может, он сжег изнутри, сделал ли так, что у меня теперь не будет детей или выбелил мои волосы? А может, мои волосы совсем сгорели? Я коснулась рукой головы. Все было в порядке, только на затылке я нащупала шишку. Попробовала осторожно подвигаться. Ничего, кажется, сломано не было. Никаких повреждений. В этот момент стоящий в углу большой холодильник фирмы «Дженерал электрик» заработал, издавая приятный домашний звук, и я поняла, что мир все еще существует и что гроза прошла. Испытывая слабость, я поднялась на ноги и огляделась, ожидая увидеть картину хаоса и разрушений. Но все было так, как я «оставила» — солидно выглядевший стол администратора, металлическая настольная

полка с книгами в мягкой обложке и журналами, длинная стойка кафетерия, десяток аккуратных столиков с окрашенными во все цвета радуги столешницами и неудобными металлическими стульями, большой сосуд с холодной водой и сверкающий кофейник — все на своих местах, все совершенно обычно, как всегда. Единственным свидетельством разрушительного урагана, который только что обрушился на меня и эту комнату, была дыра в окне и растекающаяся по полу лужа воды. Ураган? О чем я говорю? Разрушительный ураган был только в моей голове! Была гроза. Сверкали молнии и гремел гром. Я была напугана сильными раскатами грома до смерти, как ребенок. Как идиотка, я схватилась за электрический выключатель, не дождавшись даже промежутка между вспышками молний, наоборот, выбрала момент, когда надо было ожидать новой вспышки. Из-за этого я потеряла сознание. Так мне и надо, глупой, несмышленой напуганной кошке! Но подождите, может, я поседела? Рванувшись к сумочке, лежавшей на столе, я зашла за стойку бара, нагнулась и посмотрела в длинное зеркало под полками. На меня смотрели глаза — голубые, ясные, но расширенные от страха. Ресницы и брови были на месте и — темные.

Вот так! Я достала расческу и небрежно провела ею по волосам, потом спрятала расческу в сумку и защелкнула замок.

Мои часы показывали почти семь. Я включила радио и пока радиостанция УОКО пугала своих слушателей — линии электропередач вышли из строя, уровень реки Гудзон у Глен Фолз угрожающе поднимается, — упавший вяз заблокировал дорогу № 9 у Саратога Спрингс, ожидается наводнение в Механиквилле — заделала дыру в окне с помощью картона и клейкой ленты, достала тряпку и ведро, вытерла лужу на полу. Потом я побежала по крытому переходу к домикам, зашла в свой номер 9, справа по направлению к озеру, разделась и приняла холодный душ. Падая, я испачкала свою териленовую блузку, поэтому теперь простирнула ее и повесила сушить.

Я уже почти забыла о своих страхах и грозе и о том, что вела себя как глупая гусыня, и опять мое сердце пело в ожидании вечера, который мне предстояло провести в одиночестве; и завтрашнего дня, когда я буду предоставлена сама себе. Поддавшись порыву, я надела самый прекрасный наряд: черные бархатные брюки в стиле «Тореадор» (сзади на брюках была вшита молния — выглядела она довольно вызывающе, да и сами

брюки были чрезмерно обтягивающими) и связанный из золотистых ниток свитер «Камелот», с широким отстающим от шеи воротником; о лифчике я при этом и не вспомнила. Глянув в зеркало и полюбовавшись собой, я подвернула рукава до локтей, надела золотистые сандалии фирмы «Феррагамо» и быстренько вернулась в вестибюль. В литровой бутылке «Джентльмен из Виргинии», которой мне хватило на две недели, оставался как раз стаканчик. Я положила лед в один хрустальный бокал и вылила в него остатки виски, все до капли. Затем подтащила от администраторской стойки поближе к радиоприемнику самое удобное кресло, включила радио, закурила одну из пяти оставшихся у меня сигарет «Парламент», сделала глоток и свернулась клубочком.

Реклама. Все для кошек. Кошкам очень нравится еда из печенки, приготовленная фирмой «Пусси-фуд»... Радио мурлыкало, скрадывая неумолчный шум дождя, который усиливался, когда сильный порыв ветра бросал дождевые капли, словно крупную картечь в окна и слегка при этом сотрясал здание. Все было так, как я себе и представляла — от непогоды меня надежно защищают стены, мне уютно и весело в этой сверкающей огнями и хромом комнате. По УОКО

возвестили о начале 40-минутной программы «Музыкальный поцелуй». И вдруг группа «Кляксы» стала исполнять песенку «Кто-то раскачивает лодку моей мечты», и я вновь увидела себя там, на Темзе, пять лет назад, мы медленно плывем в лодке мимо Королевского острова, вдали виднеется Виндзорский замок, Дерек не спеша гребет, а я вожусь с переносным проигрывателем. У нас было только десять дисков и когда наступала очередь долгоиграющей пластинки, записанной «Кляксами», и начинала звучать мелодия «Лодка моей мечты», Дерек обязательно просил: «Поставь это еще раз, Вив», — и мне приходилось опускаться на колени и ставить иголку на то место, где начиналась эта песенка.

Словом, на глазах у меня выступили слезы, — не из-за Дерека, а из-за сладкой боли воспоминаний о мальчике и девочке, о ярких лучах солнца, о первой любви с ее наивными мотивами и любительскими фотографиями, с письмами «Запечатано поцелуем». Это были сентиментальные слезы по ушедшему, слезы жалости к себе, слезы боли воспоминаний, развевающихся парусом моего детства. Две слезинки скатились по щекам прежде, чем я успела их смахнуть, тут же решив отпустить поводья воспоминаний.

Меня зовут Вивьен Мишель, и в тот момент я находилась в мотеле «Сонные сосны», предаваясь воспоминаниям. Мне было 23 года. Рост — 5 футов и 6 дюймов. Я всегда считала, что у меня хорошая фигура, пока девочки-англичанки из Астор-Хауса не заявили, что у меня слишком выпячен зад и что мне надо носить более плотные лифчики. Глаза у меня, как я уже сказала, голубые, а волосы темно-каштановые, вьющиеся. Мое тайное желание — подстричь их в один прекрасный день под «Львиную гриву», чтобы выглядеть старше и эффектнее. Мне нравятся мои довольно высокие скулы, хотя те же самые девочки сказали, что из-за них я выгляжу «иностранкой», а вот нос у меня слишком маленький, и рот — слишком большой, поэтому он часто кажется сексуальным, когда мне этого совсем не хочется. По темпераменту я сангвиник. Мне хочется думать, что мой темперамент романтично окрашен меланхолией, но я своевольна и независима до такой степени, что это беспокоило сестер в женском монастыре и раздражало мисс Тредголд в Астор-Хаусе («женщины должны быть подобны ивам, Вивьен. Мужчины должны быть подобны дубам и ясеням»).

Я канадская француженка. Родилась недалеко

от Квебека, в маленьком местечке, которое называется Сент-Фамий, на северном побережье Иль-д-Орлеан, вытянутого острова, похожего на затонувший корабль и расположенного посередине реки Святого Лаврентия, в том месте, где она приближается к месту впадения в Квебекский пролив. Я выросла около и, можно сказать, на самой этой великой реке, поэтому мое хобби — плавание, ну и рыбалка, туризм и другие занятия на открытом воздухе. Я очень плохо помню своих родителей, помню лишь, что любила отца и не ладила с матерью. Во время войны, когда мне было восемь лет, они погибли в авиакатастрофе при посадке в Монреале: летели на чью-то свадьбу. По суду моей опекуншей стала моя тетя, вдова, Флоренс Туссэн. Она переехала в наш домишко и стала воспитывать меня. Мы с ней довольно хорошо ладили и сегодня мне даже кажется, что я ее любила, но она была протестанткой, а я католичкой, и я стала жертвой суровых религиозных войн, которые всегда отравляли жизнь ревнителей веры в Квебеке, почти пополам расколотом на католиков и протестантов. Католики выиграли сражения за меня, и я училась до пятнадцати лет в монастырской школе Ордена урсулинок. Сестры были очень строги и придавали большое

значение набожности, в результате чего я стала докой в вопросах истории религии и познакомилась с некоторыми довольно непонятными догматами. Я с удовольствием бы занялась другими предметами, которые позволили бы мне стать кем-то еще, а не только сестрой милосердая или монахиней. И когда, в конце концов, мне стало так невмоготу и я стала упрашивать, чтобы меня забрали оттуда, тетя с радостью вызволила меня из рук этих «паписток». Было решено, что когда мне исполнится шестнадцать лет, я поеду в Англию и продолжу там свое образование. Это решение вызвало небольшой трам-тарарам местного значения. Не только потому, что монастырь урсулинок — центр католических традиций в Квебеке. Монастырь гордится тем, что владеет черепом Монкальма. На протяжении двух веков в монастыре не проходило и минуты, чтобы по меньшей мере девять сестер не молились коленопреклоненно перед алтарем в часовне. Все члены моей семьи были настоящими французскими канадцами, и то, что я собиралась пренебречь их священными традициями и сделать это так решительно и разом, вызвало изумление, разрешившееся скандалом.

Истинные сыны и дочери Квебека представля-

ют собой общество, почти тайное, которое ставит целью достичь такого же могущества, как и кальвинисты Женевы. И посвященные в это общество мужчины и женщины с гордостью называют себя канадцами по-французски. Ниже, значительно ниже их по положению считаются англоязычные канадцы, канадцы-протестанты. Еще дальше идут англичане, сюда относятся все более или менее недавно прибывшие эмигранты из Великобритании, и, наконец, — «американцы». Термин, который по-французски произносится всегда с пренебрежением. Франко-канадцы гордятся своим французским языком, хотя он представляет собой смесь местных диалектов, в которых полно слов 200-летней давности и которые непонятны настоящим французам. Кроме того, их французский напичкан офранцуженными английскими словами — я полагаю, это очень похоже на то, как бурский язык соотносится с голландским. Снобизм и претензии на исключительность этого квебекского общества распространяются даже на французов, живущих во Франции. Этих прародителей франко-канадцев называют здесь просто «иностранцами». Я рассказала все это так подробно, чтобы объяснить, что отступничество от веры одного из членов семьи Мишель, из числа

«семей посвященных» выглядело для них почти таким же неслыханным преступлением — да об этом и говорить нечего — как дезертирство из мафии где-нибудь на Сицилии. И мне прямо было сказано, что, покидая монастырь урсулинок и уезжая из Квебека, я сжигаю все мосты и предаю своих духовных наставников и свой язык.

Моя тетушка благоразумно успокоила мои расходившиеся из-за угрозы общественного остракизма нервы (большинству моих друзей запретили иметь со мной дело). Но факт остается фактом, я прибыла в Англию с угнетающим чувством вины и «отличия», вдобавок к моему «колониализму», что являлось ужасной психологической нагрузкой. Обремененная этой душевной драмой, я должна была появиться в людной школе, где шлифовались манеры молодых леди.

Астор-Хаус мисс Тредголд находился, как и большинство подобных, сугубо английских учреждений, в районе Саннингдейл — это был огромный, похожий на большую биржу дом в викторианском стиле, верхние этажи которого были перегорожены оштукатуренными панелями, образовавшими спальные комнаты для двадцати пяти пар девушек. Так как я была «ино-

странкой», меня поселили с другой иностранкой — смуглой ливанской миллионершей. Под мышками у нее торчали огромные мышиного цвета пучки волос и она одинаково увлекалась шоколадной помадкой и египетской кинозвездой по имени Бен Сайд. Его фотография со сверкающими зубами, усами, глазами и волосами вскорости была порвана и спущена в канализацию — тремя девицами из старшей группы дортуара «Роуз», к которой мы обе принадлежали. А вообще ливанка меня спасла. Она была такой страшной, вздорной, от нее шел отвратительный запах, она была так помешана на своих деньгах, что почти вся школа жалела меня и так или иначе старались быть добрей ко мне. Но было много и таких, кто по отношению ко мне вел себя иначе. Они насмехались над моим акцентом, моими манерами, которые они считали грубыми, полным отсутствием у меня понятия о том, как подобает себя вести и вообще над тем, что я канадка. Я тоже, как сейчас помню, была слишком чувствительной и вспыльчивой. Я не терпела грубого обращения и насмешек. И когда я отлупила двух или трех своих мучительниц, другие собрались вместе с ними и однажды ночью навалились на меня, когда я спала и стали меня бить, душить и

обливать водой до тех пор, пока я не разрыдалась и не пообещала, что больше не буду драться «как лосиха». Потом все постепенно уладилось. Я заключила перемирие со всей школой и занялась унылой наукой, как стать леди.

Ситуация решительно изменилась после каникул, я подружилась с девочкой из Шотландии, Сюзен Дафф; ей нравились те же занятия на открытом воздухе, что и мне. Она тоже была единственным ребенком, и ее родители были рады, что я составляла компанию их дочери. Мы провели лето в Шотландии, а зимой и весной катались на лыжах по всей Европе: в Швейцарии, Австрии, Италии. И мы держались друг друга до самого окончания школы, в конце нас даже «выпустили» из школы вместе, а тетя Флоранс внесла за меня пятьсот фунтов на идиотский выпускной танцевальный вечер в отеле «Гайд Парк», и я попала в тот же «список» и танцевала те же идиотские танцы, а молодые люди — мои партнеры, казались мне грубыми и прыщавыми и совершенно лишенными мужественности по сравнению с канадскими юношами, которых я знала. (Но может быть я и ошибалась, так как один из них, самый прыщавый, участвовал в «Гранд нэшнл» [крупнейшие скачки с препятствиями,

проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля] и не сошел с дистанции.

И тогда я повстречалась с Диреком. В это время мне было семнадцать с половиной, и мы с Сьюзен жили в маленькой трехкомнатной квартирке на улице Оулд Черч, неподалеку от Кингз роуд. Был конец июня, уже поздно было организовывать один из наших знаменитых «сезонов», и мы решили устроить вечеринку для тех немногих, с кем, повстречавшись, когда-то подружились. Семья, живущая с нами на одной лестничной площадке, уезжала за границу в отпуск, и они позволили нам распоряжаться их квартирой по необходимости, если мы будем за ней присматривать, пока они в отъезде. Мы почти разорились, желая «не ударить лицом в грязь» при устройстве вечеринки и я послала телеграмму тете Флоранс и получила от нее сто фунтов. Сьюзи наскребла пятьдесят и мы решили организовать нашу вечеринку как следует. Мы собирались пригласить человек тридцать, полагая, что приедут только двадцать. Мы купили восемнадцать бутылок шампанского — розового, потому что это звучало шикарнее, банку икры за десять фунтов, две довольно дешевые банки печени в масле, которая выглядела вполне прилично, когда мы

разложили ее на тарелки и множество кушаний с чесноком, которыми знаменит Сохо. Наделали массу бутербродов из черного хлеба с маслом, кресс-салатом и копченым лососем, добавили кое-что из блюд, традиционных для Рождества. Например, чернослив и шоколад — это была глупая идея, никто их даже не попробовал — и когда мы все это расставили на двери, снятой с петель и накрытой блестящей скатертью, чтобы выглядело как буфетная стойка, оказалось, что все похоже на настоящий взрослый праздничный стол.

Вечеринка прошла успешно, даже слишком успешно. Пришли все тридцать приглашенных, а некоторые из них привели с собой еще и знакомых, так что людей было столько, что яблоку негде было упасть; гости сидели на лестнице, а один даже на унитазе, с девушкой на коленях. Шум и жара были ужасными. Может быть, в конце концов мы и не были теми добропорядочными буржуа, какими себя считали, а может быть, людям действительно нравятся настоящие буржуа, а не те, которые пытаются изображать из себя таковых. Во всяком случае конечно, случилось самое ужасное — у нас кончилась выпивка. Я стояла у стола, когда какой-то шутник опусто-

шил последнюю бутылку шампанского и заорал придушенным голосом: «Воды! Воды! Или мы никогда больше не увидим Англии!!» Я занервничала и произнесла с глупым видом: «Но больше ничего нет». В это время высокий молодой человек, стоявший у стены сказал: «Нет есть. Вы забыли о винной лавке». Он взял меня за локоть и повел вниз по лестнице. «Пошли, — твердо сказал он. — Нельзя портить хорошую вечеринку. Мы достанем еще, в пивной!»

И мы отправились в пивную, купили две бутылки джина и горку горьких лимонов. Он настоял на том, что за джин платит он, а я заплатила за лимоны. Он был сильно «под мухой», но общаться с ним было все равно приятно. Он объяснил, что до нашей вечеринки был еще на одной и что к нам его привела молодая супружеская пара Норманы. Они были друзьями Сьюзен. Он сказал, что его зовут Дирек Моллаби, но я не обратила на это особого внимания, так как была озабочена тем, чтобы донести бутылки до гостей. Когда мы поднялись по лестнице, раздались радостные возгласы. Но к этому моменту вечеринка прошла свой пик и гости начали расходиться. Наконец, никого не осталось, кроме небольшой группки близких друзей и тех, кому негде было пообедать.

Затем и они потихоньку разошлись, в том числе и Норманы, которые были очень милы. Уходя они сказали Дирeку Моллаби, что ключ от двери он найдет под ковриком. А Сьюзен предложила всем пойти в кабачок «Попотт», что через дорогу, местечко, которое мне не нравилось. В это время Дирек Моллаби подошел ко мне, отвел волосы, закрывавшие мое ухо, и хриплым шепотом пригласил побродить с ним. Я согласилась. Думаю, потому, что он был высоким, сильным и взял инициативу в свои руки, в то время как я находилась в нерешительности.

Мы выплыли на душную вечернюю улицу из квартиры, напоминавшую после вечеринки поле битвы. Сьюзен с друзьями ушла, а мы поймали такси на Кингз Роуд. Дирек провез меня через весь Лондон в ресторанчик под названием «Бамбу» недалеко от Тоттенхэм Корт Роуд, в котором подавали только спагетти. Нам подали спагетти по-Белонски и бутылку Божоле. Он выпил почти всю бутылку сам и рассказал мне, что он живет недалеко от Виндзора, что ему почти восемнадцать лет, что ему предстояло учиться в школе еще один семестр, что в команде по крикету у него был одиннадцатый номер, что его отпустили в Лондон на двадцать четыре часа для того, что-

бы встретиться с адвокатами его тетки, которая умерла и оставила ему какие-то деньги. Его родители провели с ним весь день и отправились в Крикетный клуб, чтобы посмотреть на стадионе «Лордз» игру с участием команды «Кент». Потом они вернулись в Виндзор и оставили его с Норманами. Предполагалось, что он тоже пойдет на стадион, а потом домой спать. Но его пригласили на одну вечеринку, потом ко мне и вообще как насчет того, чтобы посетить «Клуб 400».

Конечно, я оживилась. «400» — лондонский ночной клуб для высшей знати, а я никогда не была нигде, кроме винных погребков в Челси. Я немного рассказала ему о себе с юмором, описала свою школу. С ним было очень легко. Когда принесли счет, он абсолютно точно знал, сколько дать на чай, и мне он казался очень взрослым, я не могла себе представить, что он все еще ходит в школу. Но английские частные школы для того и предназначены, чтобы люди в них очень быстро взрослели и учились вести себя. В такси он взял меня за руку, и мне это показалось нормальным. В клубе его, кажется, знали. Был приятный полумрак, он заказал нам джин с тоником. На столик, который очевидно был его постоянным столиком, поставили полбутылки джина. Оркестр

Мориса Смарта играл очень приятную мелодию. Мы пошли танцевать и сразу попали в такт. Он чувствовал музыку так же как и я. Мне действительно все очень нравилось. Я заметила, как приятно вьются на висках его темные волосы, что у него красивые руки и что, улыбаясь, он смотрит прямо в глаза. Мы пробыли в клубе до четырех утра. Джин был весь выпит, и когда мы вышли на улицу, мне пришлось держаться за него. Он остановил такси. Когда он обнял меня в машине, мне это опять таки показалось вполне естественным. Когда он поцеловал меня, я ответила тем же. От груди я дважды отводила его руку, но потом сочла это ханжеством. Но когда рука его поползла вниз, этого я ему не разрешила. Так же как воспротивилась его попытке положить мою руку туда, куда ему хотелось, хотя все мое тело дрожало от желания подчиниться ему. Наконец, слава богу, мы подъехали к дому. Он вышел из машины и проводил меня до дверей. Мы договорились встретиться еще раз, а он обещал написать мне. Когда мы целовались на прощание, он опустил руки вниз и сильно сжал мои ягодицы. Я все еще чувствовала его руки, даже после того как такси скрылось из вида. Я взглянула на себя в зеркало, висевшее над умывальником. Глаза мои сияли

так, словно внутри их были зажжены огоньки, хотя, вероятно, главной причиной был джин. Я подумала: «О, боже! Я влюбилась!»

3. Весеннее пробуждение

Нужно очень много времени, чтобы все это описать, а в воспоминаниях все проносится мгновенно. Очнувшись, я увидела, что все еще сижу в кресле, а по УОКО продолжается «Музыкальный поцелуй». И кто-то, может быть, даже Дон Шерли импровизировал на тему песни «Как она хороша, не правда ли». Лед в бокале растаял. Я поднялась, подошла к холодильнику и положила в стакан еще несколько кусочков, затем вернулась, снова удобно устроилась в кресле и с удовольствием, не спеша, сделала глоток. Потом закурила и снова очутилась в этом бесконечном лете.

Дирек закончил школу. К этому времени мы успели написать друг другу по четыре письма. Его первое письмо начиналось словом «любимая» и заканчивалось словами «люблю и целую». Он главным образом писал сколько очков получил играя в крикет, я о танцах, на которые ходила, о фильмах и спектаклях, которые я видела. Он собирался провести лето дома, и с нетерпением ждал, когда родители подарят ему, как обещали, подержанный «эм-джи». Он спрашивал, поеду ли

я покататься с ним на этой машине. Сьюзен очень удивилась, когда я сказала ей, что не собираюсь в Шотландию, а хочу остаться в нашей квартире, по крайней мере на какое-то время. Я ей ничего не рассказывала о Дирeке, и, так как я всегда вставала раньше ее по утрам, она ничего не знала о письмах. Вообще-то такая скрытность не в моем характере, но я дорожила своим «романом», так, по крайней мере, я это называла. К тому же «роман» казался мне таким хрупким, что я не хотела говорить о нем, чтобы не сглазить и не разочароваться. Насколько я понимала, я могла стать всего лишь одной из девушек Дирека. Он был такой симпатичный и такой светский, для школьника, во всяком случае, что я даже могла себе представить очередь из девушек высшего лондонского общества, титулованных и одетых в шикарные платья из кисеи, дожидающихся его благосклонного внимания. Поэтому я сказала Сьюзен, что просто хочу поискать работу и приеду попозже. Когда Сьюзен уехала в Шотландию, пришло пятое письмо от Дирека. Он просил меня приехать 12-часовым поездом, идущим с Паддингтонского вокзала в воскресенье, в Виндзор. Он будет ждать меня на станции с машиной.

Так начались наши регулярные и такие при-

ятные встречи. В первый раз он встретил меня на платформе. Мы были несколько смущены, но он так гордился своей машиной, что немедленно повел меня к ней. Машина была великолепна — черная с обивкой из красной кожи, красными дисками на колесах и всякими другими штучками, которыми украшают гоночные машины. Например, блестящим молдингом, опоясывающим капот, большой анодированной крышкой бензобака, и красивой эмблемой мотоклуба. Мы сели в машину, я повязала волосы цветным шелковым носовым платком, который дал мне Дирек, из выхлопной трубы вырвался замечательный сексуальный звук. Мы помчались мимо светофоров по Главной улице, потом повернули и поехали вверх вдоль реки. В этот день мы прокатились до самого Брейя, он хотел похвастаться передо мной своей машиной. Мы мчались по узким улочкам, при этом Дирек делал совершенно ненужные манипуляции с разного рода рычагами на самых неопасных поворотах. Когда сидишь так низко, так близко от земли, даже при скорости 50 миль в час, создается впечатление, что летишь со скоростью по крайней мере 100, поэтому для начала я ухватилась за поручень безопасности, расположенный на приборной

доске и стала уповать на лучшее. Но Дирек был хорошим водителем, вскоре я уже полностью доверяла его умению и дрожь в коленках прошла. Он привез меня в ужасно симпатичное местечко, в отель «Парижский», мы заказали копченую лососину, которая стоила дороже жареного цыпленка, и мороженое. Потом он нанял лодку с мотором на лодочной станции находившейся неподалеку, и мы тихонько поплыли вверх по реке, проплыли под мостом Мейденхед, нашли маленькую заводь, прямо на этой стороне шлюза Кукхэм, Дирек ввел лодку в прибрежные заросли, где нас никто не мог видеть. Он взял с собой переносной проигрыватель. Я перебралась на его конец лодки и мы сидели, а потом лежали рядом друг с другом, слушая пластинки, наблюдая за птичками, которые прыгали с ветки на ветку у нас над головами. Было начало прекрасного тихого вечера, мы целовались, но не более, и я успокоилась, поняв, что Дирек вовсе не считает, что со мной «все можно». Позже налетели комары, и мы чуть не опрокинули лодку, пытаясь вывести ее из заводи. Потом быстро поплыли по течению. Нам встречались еще много лодок, в которых сидели люди — парочками и целыми семьями, но я нисколько не сомневалась, что

мы казались самыми веселыми и красивыми. На машине мы добрались до Итона, поужинали яичницей и кофе в ресторанчике под названием «Дом под соломенной крышей» — Дирек знал это заведение — а после этого он предложил пойти в кино.

Кинотеатр «Роялти» находился на Фарквар Стрит, на маленькой улочке, ведущей от Замка к Эскот роуд. Кинотеатр был плохонький, там шли два вестерна, мультфильм и так называемые «Новости», в которых показывали, что делала Королева месяц тому назад. Я поняла, почему Дирек выбрал этот кинотеатр, когда он заплатил двенадцать шиллингов за ложу. Таких лож было две, по обе стороны зрительного зала, каждая была площадью в 6 квадратных футов, темная, с двумя стульями. Как только мы вошли, Дирек придвинул свой стул ко мне, и начал целовать и ощупывать меня. Сначала я подумала: «О, господи, неужели он их приводит сюда?» Но через некоторое время я немного оттаяла. Его руки продолжали скользить по моему телу, руки были нежными, и, видимо, умелыми. И вот они оказались там, я спрятала лицо ему в плечо, закусила губу, затрепетала и тогда все это кончилось: я почувствовала, как теплота охватывает меня, слезы

покатились непроизвольно из глаз и намочили ворот его рубашки.

Он нежно поцеловал меня и прошептал, что любит и что я самая замечательная девушка в мире. Я выпрямилась, отодвинулась от него, вытерла слезы и постаралась сосредоточиться на том, что происходило на экране. Я подумала о том, что потеряла невинность, или что-то вроде этого, и что теперь он уже больше не будет уважать меня. Но наступил перерыв, он принес мне мороженое, положил руку на спинку моего стула и сказал шепотом, что это был самый замечательный день в его жизни, и что мы должны его повторить еще не раз. И тогда я сказала себе: «Не будь дурой. Это все проявление нежности. Все так делают». К тому же ощущение было удивительно приятным, а ребенка у меня от этого не будет. У ребят всегда есть желание кого-то ласкать, а если я буду сопротивляться, он найдет другую девушку, более уступчивую. Когда опять выключили свет, руки его снова стали ласкать меня и мне уже показалось совершенно естественным, что они коснулись моей груди, и что я почувствовала при этом возбуждение. Поэтому, когда он прошептал, что теперь я должна так же поласкать его, я позволила ему взять мою руку и положить

ее туда, куда ему хотелось. Но я не знала, что делать дальше, мне было ужасно стыдно, я почувствовала себя неуклюжей и ему пришлось мне помочь… Скоро он тяжело задышал мне в шею и выдохнул: «О, детка!» Я почувствовала внезапное возбуждение, потому что заставила его испытать такое же приятное ощущение, какое испытала сама. Теперь, когда мы оба сделали это, будто исчез какой-то барьер, нас разделявший, у меня появилось прямо-таки материнское чувство к нему, я его поцеловала и с этого момента возникли совершенно другие отношения.

Он отвез меня на вокзал к последнему поезду в Лондон и мы договорились в следующее воскресенье встретиться в это же самое время. Он долго стоял на платформе и махал мне, пока я могла видеть его при свете желтых огней этой маленькой и такой милой теперь моему сердцу станции. Так начался наш настоящий роман. Все всегда было так же, как в тот первый день, разве что обедали мы в разных местах. Река, проигрыватель, маленькая ложа в кинотеатре, но теперь прибавилось особое возбуждение, возбуждение от физической близости, и всегда, в лодке ли, в машине или в кинотеатре, мы касались друг друга руками и по мере того, как лето двигалось к

сентябрю, наши прикосновения становились все более продолжительными и искусными.

Когда я вспоминаю эти дни, мне всегда представляется одна и та же картина: солнечный день, ивы склоняются к воде, чистой, как небо. Лебеди скользят по водной глади в тени деревьев. Ласточки стремглав бросаются вниз и, коснувшись воды, вновь взмывают в небо. Темза медленно несет свои воды от Королевского острова, мимо шлюза Бовени и плотины Куку, где мы обычно купались, вниз через Брокасские луга к Виндзорскому мосту. Наверняка, бывали тогда и дожди, и около реки толпились веселые и шумные люди, наверняка не все шло гладко и во время наших уединенных лыжных прогулок, но если что и было, я ничего этого не помню. Недели плыли одна за другой, яркие, сверкающие, полные очарования.

И вот наступила последняя суббота сентября. И, хотя до сих пор мы старались даже не думать об этом, теперь предстояло открыть новую главу в наших отношениях: в понедельник возвращалась Сьюзен, мне представилась возможность получить работу, а Дирек возвращался в Оксфорд. Мы делали вид, что все останется по-прежнему. Я все объясню Сьюзен, будут выходные, я смогу

ездить в Оксфорд или Дирек будет приезжать в Лондон. Мы в общем даже ничего не обсуждали, как бы подразумевалось само собой, что роман наш будет продолжаться. Дирек и раньше считал, что я должна встретиться с его родителями, но он никогда на этом не настаивал, и потом по субботам у нас было множество других, более приятных занятий. У меня, вероятно, возникал вопрос о том, почему у Дирека не находилось для меня времени в течение недели, но я утешала себя тем, что он много играл в крикет и теннис и у него была куча друзей, которые, впрочем, по его собственным словам, были ужасно скучными. Я не хотела вмешиваться в эту сторону его жизни, по крайней мере, до поры до времени.

Я была счастлива, что он целиком принадлежал мне один, наш день в неделю. Я не хотела делить его с другими, в присутствии которых испытывала бы чувство неловкости. Так что продолжалась полная неопределенность, и я не заглядывала в будущее дальше следующей субботы.

В этот день Дирек был особенно нежен и вечером повел меня в отель «Бридж», мы выпили по три джина с тоником, хотя обычно почти не пили. Потом он настоял, чтобы за ужином мы выпили еще и шампанского. И к тому времени,

когда мы добрались до своего кинотеатрика, мы оба были здорово навеселе. Я радовалась, потому что в этом состоянии меньше думала о завтрашнем дне, который положит конец нашим милым встречам. Но когда мы очутились в своей ложе, Дирек вдруг помрачнел. Он не обнял меня, как обычно, а сел в стороне, закурил и стал смотреть фильм. Я придвинулась к нему и взяла его за руку, но он продолжал смотреть прямо перед собой. Я спросила, в чем дело. После паузы он упрямо произнес: «Я хочу спать с тобой. Я имею в виду по-настоящему, как положено».

Я была шокирована. Особенно меня поразил его грубый тон. Конечно, мы уже об этом заговаривали, но всегда сходились на том, что это будет «потом». Теперь я пыталась привести те же самые аргументы, но была очень расстроена и нервничала. И что это ему пришло в голову испортить наш последний вечер? Он настойчиво приводил свои аргументы. Я была, по его словам бессердечной девушкой, цепляющейся за свою невинность. Он считал, что это ханжество и это было вредно для его здоровья. В конце концов, мы были любовниками, так почему же не вести себя так, как ведут себя любовники? Я ответила, что боюсь забеременеть, он сказал, что этого

легко избежать. Есть такая штучка, которую он может надеть. Но почему сейчас? — спросила я. Не может же это произойти здесь? Почему нет? Места много. И он настаивает на том, чтобы это случилось до того, как он отправится в Оксфорд. Это как бы сделает нас мужем и женой.

Обуреваемая страхом, я отметила тем не менее, его последний довод. Возможно, в этом что-то было. Пусть это станет чем-то вроде печати, скрепляющей нашу любовь. Но я боялась. Нерешительно я спросила, есть ли у него эта «штучка». Он ответил, что нет, но в городе есть аптека, работающая круглосуточно, он пойдет туда и купит. Он поцеловал меня, быстро поднялся и вышел из ложи.

Я сидела, тупо уставившись на экран. Теперь я уже не смогу отказать ему! Он вернется и все будет отвратительно; на грязном полу, в этой мерзкой маленькой ложе, в этом мерзком захудалом кинотеатре, мне будет больно, а потом он станет презирать меня за то, что я не устояла. У меня возникла мысль подняться, убежать на станцию и ближайшим поездом вернуться в Лондон. Но он разозлится. Это ранит его самолюбие. Я перестану для него быть «своим парнем», и дружба, приносившая радость нам обоим, рух-

нет. В конце концов, было ли это справедливо по отношению к нему так долго заставлять его терпеть? Может, и правда, это воздержание было вредно для его здоровья? Во всяком случае, рано или поздно должно было этим кончиться. Для таких вещей не выбирают самого подходящего момента. Притом, кажется, ни одна девушка не испытывала удовольствия, когда это происходило в первый раз. Может, даже лучше поскорее пройти через это? Все, что угодно, только бы не разозлить его! Что бы ни случилось, это лучше, чем конец нашей любви!

Открылась дверь и свет из вестибюля проник в ложу. Затем он оказался рядом со мной, запыхавшийся и взволнованный. «Купил, — сказал он шепотом. — Было ужасно неловко. За прилавком стояла девушка-продавщица. Я не знал, как это назвать. Наконец, я сказал: мне нужна такая штучка, чтоб не было детей. Понимаете? Она и бровью не повела. Спросила только какого качества, я сказал — лучшего, конечно. Я чуть было не подумал, что дальше она спросит какого размера». Он засмеялся и крепко прижал меня к себе. Я слабо хихикнула в ответ. Лучше уж быть «своим парнем» и не делать из всего этого драму. Это не соломенно. Иначе мы оба окажемся в неловком

положении, особенно он.

Его прелюдия была столь небрежной, что я чуть не расплакалась. Он отодвинул стул в сторону, снял пальто и положил его на деревянный пол. Потом он велел мне лечь, опустился рядом на колени и сдернул с меня трусики. Он сказал, чтоб я уперлась ногами о стенку ложи, я так и сделала, но мне было так неудобно в этой неловкой позе, что я взмолилась: «Нет, Дирек! Пожалуйста! Не здесь!» Но он уже оказался надо мной, неуклюже обнимая меня, а я инстинктивно всячески старалась помочь ему, чтобы он испытал удовольствие и не сердился на меня.

А потом произошло нечто ужасное. Возник луч желтого света, и близкий голос откуда-то сверху негодующе произнес: «Чем это вы здесь занимаетесь в моем кинотеатре? Ну-ка, вставайте, мерзкие свиньи». Не знаю, как я не потеряла сознания! Дирек поднялся, лицо у него было белым, как мел, он торопливо застегивал брюки. Я с трудом поднялась на ноги, ударившись при этом о стену. Я стояла и ждала, когда меня убьют.

Темный силуэт в дверном проеме показал на мою сумку, лежавшую на полу, и белый комочек трусиков рядом. «Подбери все это!» Я быстро наклонилась, как будто меня ударили, сжала

трусики в руке, пытаясь спрятать их. «А теперь убирайтесь!» Он стоял в дверях, загораживая нам дорогу, а мы как побитые собаки протискивались мимо.

Хозяин с шумом захлопнул дверь ложи и стоял перед нами, думая, как я полагаю, что мы бросимся бежать. Двое-трое зрителей с задних рядов зрительного зала вышли в фойе (голос хозяина должно быть слышал весь дом). Я задрожала при мысли, что все сидящие под нами могли все слышать, в том числе и инструкции Дирека о том, что я должна делать. Билетерша вышла из своего помещения, один-два прохожих, которые до этого внимательно изучали афишу, теперь столь же внимательно смотрели на нас.

Хозяин был полноватый, темноволосый мужчина в плотно облегающем костюме и с цветком в петлице. Покраснев от ярости, он смотрел на нас сверху вниз. «Мерзкие жалкие ублюдки». Он повернулся ко мне. «А я видел тебя здесь и раньше, ты самая обычная проститутка. Вот вызову-ка я сейчас полицию. Непристойное поведение. Нарушение спокойствия». Эти ужасные слова легко слетали у него с языка. Должно быть, он произносил их и раньше в этом своем грязном домике с его располагающей к уединению темнотой.

«Ваши имена?» Он вытащил из кармана блокнот и помусолил огрызок карандаша. Он смотрел на Дирека. Дирек произнес, заикаясь: «Э-э, Джеймс Грант», — в фильме заглавную роль исполнял Кэри Грант. — «Э-э Акакиа роуд, 24, Нетлбед». Хозяин поднял глаза.

— В Нетлбед нет никаких роуд. Только Хенли Оксфорд роуд. — Дирек настаивал: «Нет, есть. На окраине, — и неуверенно добавил, — что-то вроде переулка». «А ты?» — Хозяин подозрительно посмотрел на меня. У меня пересохло в горле. Я сглотнула слюну: «Мисс Томсон, Одри Томсон. Дом 24». — Я поняла, что назвала тот же номер, что и Дирек, но ничего другого мне не пришло в голову. — «Томас роуд», — я чуть было не повторила «Томсон» Лондон.

— Район?

Я не знала, что он имеет в виду и беспомощно уставилась на него. — Почтовый район, — сказал он нетерпеливо. Я вспомнила Челси: — «Эс Даблез 6», — тихо произнесла я. Хозяин кинотеатра захлопнул свой блокнот: «Хорошо, убирайтесь отсюда, оба». Он указал на улицу. Боком мы прошли мимо него, он шел вслед за нами, продолжая кричать: — И чтоб ноги вашей не было в моем заведении! Если увижу хоть одного из вас, вызову

полицию!"

На нас смотрели осуждающие глаза, в спину нам раздались смешки. Я взяла Дирека за руку (почему не он взял меня?) и мы вышли на улицу, где ужасно ярко светили фонари. Не раздумывая повернули направо и пошли вверх по косогору, чтобы как можно быстрее уйти с этого места. Не останавливаясь, дошли до боковой улицы, прошли по ней и медленно направились туда, где на вершине холма, у подножия которого стоял кинотеатр, была припаркована машина Дирека.

Дирек не произнес ни слова, пока мы не подошли совсем близко к машине. Тогда он вдруг деловым тоном произнес: «Нельзя, чтобы они узнали номер. Я пойду к машине, выведу ее со стоянки, подберу тебя напротив кондитерского магазина „Филерз“ на Виндзор Хилл. Минут через десять». Затем он отдернул руку и пошел по улице. Я стояла и смотрела, как он шел, высокий и статный, с гордо поднятой головой. Потом повернулась и пошла назад, к тому месту, где параллельно Фаркват стрит какая-то небольшая улочка вела к Замку.

Обнаружив, что все еще сжимаю в кулаке свои трусики, положила их в сумку. Остановившись под уличным фонарем, я достала зеркало. Выгля-

дела я ужасно. Лицо было белым, с зеленоватым оттенком, а глаза — как у затравленного зверька. На затылке волосы спутались, а губы вспухли от поцелуев Дирека. Меня передернуло «Мерзкая свинья!» Так оно и есть! Я была грязная, униженная, падшая. Что теперь с нами будет? Проверит ли хозяин кинотеатра наши адреса и сообщит ли в полицию? Конечно, кто-нибудь, кто видел нас сегодня или в одну из предыдущих суббот, нас опознает. Кто-нибудь запомнил номер машины Дирека, какой-нибудь маленький мальчишка, который запоминает номера машин для забавы. Всегда на месте преступления находится кто-нибудь не в меру любопытный. Преступление? Да, конечно, это одно из самых тяжких преступлений в пуританской Англии — обнаженное тело, непристойное поведение. Я представила себе, что мог увидеть хозяин кинотеатра, когда Дирек поднялся. Ух! Я содрогнулась от отвращения. Но сейчас Дирек ждет меня. Насколько было возможно, я привела в порядок лицо, взглянула на себя в зеркало в последний раз. Больше ничего сделать нельзя. Я поспешила обратно по улице и свернула на Виндзор Хилл. Я жалась к стене, мне казалось, что люди будут поворачиваться и показывать на меня пальцем. «Вот она!» «Это

она!» «Омерзительная свинья!»

4. «Дорогая Вив»

Но на этом памятный летний вечер еще не кончился для меня. Напротив магазина «Фуллерз» рядом с машиной Дирека стоял полицейский, он о чем-то спорил с Диреком. Дирек повернулся и увидел меня: «Вот она, офицер. Я же сказал, что она вот-вот подойдет. Ей нужно было, э-э-э, попудрить нос. Правда, дорогая?»

Опять неприятности! Опять ложь! Не дыша, я произнесла «да» и села в машину рядом с Диреком. Полицейский хитро улыбнулся мне и сказал Дирeку:

— Хорошо, сэр. Но в следующий раз знайте, что на этом месте на Виндзор Хилл стоянки нет. Даже для такой крайней необходимости, как эта.

Он подкрутил свои усы, Дирек включил зажигание, поблагодарил полицейского и подмигнул ему, давая понять, что он понял его грязную шутку. Мы наконец тронулись.

Дирек не произнес ни слова, пока мы не свернули у светофора направо. Я думала, что он подбросит меня до станции, но он продолжал ехать по Дотчет роуд. «Фью», — выдохнул он с

облегчением. — Ну и вляпались же мы! Думал крышка. Хорошенькое было бы дело, если бы мои родители прочитали об этом в завтрашних газетах. В Оксфорде я бы имел бледный вид!"

— Это было ужасно.

Я произнесла это с таким чувством, что он посмотрел на меня, скосив глаза: «Ну ладно, нелегок путь к истинной любви и так далее». Он был снова легок и беспечен, уже полностью оправился. А когда приду в себя я? «Конечно, ужасно стыдно, — продолжал он, как ни в чем не бывало. — И как назло, как раз в тот момент, когда все было на мази. — Сказал он с еще большим энтузиазмом, стараясь и меня заразить своим настроением. — Вот что, до поезда еще час. Почему бы нам не погулять по берегу реки? Это известное в Виндзоре место, где гуляют все парочки. Совершенно уединенное. Жаль идти на попятный: и время, и прочее у нас есть и ведь теперь мы, главное, уже решились!»

Я подумала, что «прочее» означало «штучку», которую он купил в аптеке. Я была в ужасе и сказала торопливо:

— О, но я не могу, Дирек! Я просто не могу! Ты даже не можешь себе представить, как ужасно я себя чувствую из-за всего, что случилось!

Он быстро взглянул на меня:

— Что ты хочешь сказать этим «ужасно!» Ты чувствуешь себя нездоровой или это что-то другое?

— Нет, совсем не это. Просто все было так ужасно. Так стыдно.

— Ах, это, — в его голосе послышалось презрение. — Но мы же выкрутились, ведь так же? Ну, давай, будь умницей!

Опять! Но мне так хотелось, чтоб он меня успокоил, хотелось почувствовать его руки, обнимающие меня, быть уверенной, что он меня все еще любит, несмотря на то, что все так неудачно для него складывается. У меня начали дрожать ноги при мысли, что мне предстоит еще раз пройти через все это. Я сжала колени руками, чтобы унять дрожь, и тихим голосом произнесла:

— Ну, хорошо…

— Вот и молодчина!

Мы пересекли мост и Дирек съехал на обочину. Он помог мне выбраться из машины, и, обняв за плечи, повел через поле по узенькой тропинке, мимо плавучих домиков, пристроившихся под ивами.

— Жаль, что у нас нет такого домика, — сказал он. — А что если взломать дверь в каком-нибудь

из них? Прекрасная двуспальная кровать. Может, и в баре найдется что выпить?

— О, нет, Дирек! Ради бога! И так уже достаточно неприятностей! — Я представила себе громкий голос: «Что здесь происходит? Вы владельцы этой лодки? Ну-ка, выходите, дайте взглянуть на вас!»

Дирек рассмеялся:

— Может, ты и права. Во всяком случае, трава тоже достаточно мягкая. Разве тебя это не возбуждает? Ты увидишь. Это замечательно. Мы будем настоящими любовниками.

— Да, конечно, Дирек. Но ты обещаешь не быть грубым, да? Боюсь, у меня ничего не получится в первый раз.

Дирек еще крепче обнял меня:

— Не волнуйся, я тебя всему научу!

Я почувствовала себя лучше, не такой слабой. Приятно было идти рядом с ним в лунном свете. Но впереди вырисовывалась небольшая рощица, и я в страхе смотрела на нее. Я знала, что это произойдет именно там. Я должна, должна сделать так, чтобы ему было легко и хорошо! Не нужно быть такой дурой! Я не должна реветь!

Тропинка вела через рощицу. Дирек оглянулся.

— Вон туда, — сказал он. Я пойду впереди. Опусти голову.

Мы пробирались, раздвигая ветки. Конечно, появилась небольшая полянка. Тут уже кто-то побывал. Валялись пачка от сигарет и бутылка из-под кока-колы. Листья и мох были примяты. У меня было такое ощущение, что это была постель в публичном доме, на которой побывали сотни, а может и тысячи любовников. Но обратного пути не было. По крайней мере, значит, эта поляна была подходящим местом, раз ею уже пользовалось так много других.

Дирек был полон решимости и нетерпения. Он расстелил свой пиджак, чтобы я села на него, и сразу же его руки стали лихорадочно ощупывать меня. Я пыталась расслабиться, но все мое тело было напряжено, руки и ноги были как деревянные. Мне хотелось, чтоб он что-то сказал, что-нибудь приятное и любовное, но он целеустремленно шел к цели и обращался со мной почти грубо, я была для него словно большая неуклюжая кукла. «Бумажная кукла» — так я сама себя определила. Опять «Кляксы». В ушах у меня звучал густой бас Хоппи Джоунза и нежное сопрано — контрапункт Билла Кенни, до такой степени нежное, что сердце разрывается на части. И все это на фоне пульсирующего ритма гитары Чарли Фуквуа. На глазах у меня выступили сле-

зы. О, господи, что же это со мной происходит? Затем неожиданная острая боль, короткий крик, который я с трудом подавила, и он всей тяжестью опустился на меня: грудь вздымалась, а сердце тяжело билось мне в грудь. Я обняла его, и почувствовала, что его рубашка мокра.

В таком положении мы лежали несколько долгих минут. Я смотрела как сквозь ветви деревьев пробивается лунный свет и старалась остановить слезы. Итак, свершилось! Великий миг. Миг, которого мне не ощутить более никогда. Я стала женщиной, девушки больше нет! И не было никакого удовольствия, только боль, как мне и говорили. Но что-то все же осталось. Мужчина, которого я обнимаю. Я прижала его к себе еще сильнее. Теперь я принадлежала ему, только ему, а он — мне. Он будет заботиться обо мне. Мы ведь составляли одно целое. Теперь я никогда не буду одна. Нас стало двое.

Дирек поцеловал меня в мокрую щеку и поднялся на ноги. Он протянул мне руки, я одернула юбку, и он помог мне подняться, заглянул в лицо и в его полуулыбке проскользнуло смущение.

— Надеюсь, тебе было не очень больно?

— Нет. А тебе было хорошо?

— Да, вполне.

Он нагнулся и подобрал свой пиджак. Взглянул на часы: «Послушай. До поезда осталось только 15 минут. Нам нужно спешить!»

Мы выбрались на тропинку и пока шли к машине я вытащила расческу, причесалась, отряхнула юбку. Дирек молча шел рядом со мной. При свете луны лицо его выглядело замкнутым, и когда я взяла его под руку, я не почувствовала ответного пожатия. Мне хотелось, чтоб он был нежным, говорил о нашей следующей встрече, но вместо этого я вдруг почувствовала его холодность, он весь ушел в себя. Я еще не знала, какими бывают в эти мгновения лица мужчин. Я винила себя. Получилось, наверное, недостаточно хорошо. Я ревела. Я ему все испортила.

Мы подошли к машине и молча поехали к вокзалу. Я остановила его у входа. Освещенное желтым светом, лицо его было напряженным, глаза избегали встречаться со мной взглядом. Я сказала: «Не ходи к поезду, дорогой. Я найду дорогу. Как насчет следующей субботы? Я могла бы приехать в Оксфорд. Или лучше подождать, когда у тебя все прояснится?»

Словно оправдываясь, он сказал: «Дело в том. Вив, что в Оксфорде все будет по-другому. Нужно подумать. Я напишу тебе».

Я пыталась понять, что выражает его лицо. Это расставание было так не похоже на наши обычные расставания. Может быть он устал? Только богу было известно, как устала я! Я сказала: «Да, конечно. Но напиши побыстрее, дорогой. Мне интересно, как у тебя идут дела». Я поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Его губы никак не отреагировали на мой поцелуй. Он кивнул. «Пока, Вив», и, скривив губы в улыбке, повернулся и пошел к своей машине.

Только через две недели я получила от него письмо. Я уже дважды писала ему, но ответа не было. Я даже позвонила в отчаянии. Человек на другом конце провода пошел, вернулся назад и сообщил мне, что м-ра Моллаби нет дома.

Письмо начиналось так: «Дорогая Вив, это письмо будет трудно написать». Как только я это прочла, я пошла в спальню, заперла дверь, села на кровать и собрала все свое мужество. Дальше в письме говорилось, что прошедшее лето было прекрасным, и что он никогда меня не забудет. Но теперь в его жизни произошли перемены, ему придется много работать и для «девочек» нет времени, ни места, ни сил не останется. Он рассказал обо мне своим родителям, но они нашего «романа» не одобрили. Они сказали, что нечестно

продолжать встречаться с девушкой, если ты не собираешься жениться на ней. «У них полно предрассудков. Боюсь, им не чужды и глупые мысли об „иностранках“, хотя, бог видит, для меня ты ничем не отличаешься от любой английской девушки, и ты знаешь как меня умиляет твой акцент». Родители намерены женить его на дочери одного из наших соседей. «Я никогда тебе об этом не говорил, теперь я понимаю, что это было не очень честно с моей стороны, но так у ж случилось, что мы с ней фактически как бы обручены. Нам с тобой так чудесно было вместе, ты была такой умницей, что я не хотел все испортить». Дальше он выражал надежду, что когда-нибудь мы опять случайно встретимся, а пока он заказал в «Фортнуме» дюжину бутылок розового шампанского, «самого лучшего», чтобы их доставили мне, в память о нашей первой встрече. «И я очень надеюсь, что это письмо не сильно тебя расстроит, Вив, так как я действительно считаю тебя самой замечательной девушкой, слишком хорошей для такого человека как я. С любовью и счастливыми воспоминаниями, Дирек».

Итак, потребовалось всего десять минут, чтоб разбить мое сердце, и около полугода, чтоб вернуть его к жизни вновь. Слушать о чужих болях

и страданиях совершенно неинтересно, так как они одинаковы у всех, так что я не буду вдаваться в подробности. Я даже ничего не рассказала Сьюзен. Теперь, оглядываясь на все случившееся, я видела, что с самого начала вела себя как проститутка, потому что позволяла обращаться с собой как с проституткой. В этом узком, закрытом английском мире я была канадка, иностранка, чужой человек — легкая добыча. То, что я не понимала, что со мной происходило, делало меня еще глупее. Словно вчера на свет родилась! Придется подумать, иначе будут обижать без конца! Но за этим фасадом мудрости и гордости открывалось слабое существо, которое выло и ежилось от страха. Некоторое время я плакала по ночам и молилась, опустившись на колени, богородице, к которой давно не обращалась, чтобы она вернула мне Дирека. Но, конечно, она не вернула его, а гордость не позволяла мне умолять его вернуться. Я написала ему коротенькую записку, сообщая, что письмо получила, а шампанское вернула в «Фортнум». Бесконечное лето кончилось. Остались лишь горькие воспоминания, «Кляксы», бередившие рану, и память о кошмаре в кинотеатре в Виндзоре, кошмаре, который я буду помнить всю жизнь.

Мне повезло. Я получила работу, которую мне очень хотелось получить. Меня приняли по рекомендации друзей моих друзей. Здесь было в порядке вещей устраивать на работу через друзей твоих друзей, в знаменитую в районе газету «Челси Кларион», которая начиналась с небольших рекламных объявлений, но со временем превратилась в информационный центр для всех, кто интересовался арендой и покупкой помещений и наймом обслуживающего персонала в юго-восточной части Лондона. К рекламным объявлениям добавились несколько страниц редакционных материалов, посвященных, главным образом, местным проблемам: критиковались, к примеру, уродливые фонари, установленные на улицах, или плохая работа автобуса на маршруте № 11, рассказывалось о краже молочных бутылок — словом, журнал писал обо всем, что касается местных домохозяек — целая полоса журнала отводилась местным сплетням. Ее читали «все» и при этом газете удавалось как-то избегать привлечения к суду за клевету. В передовицах резко критиковались политика верноподданных имперцев, это было вполне в духе той политической атмосферы, которая царила в округе, причем они всегда были выдержаны в определенном стиле,

свойственном ведущему этого раздела, некоему Харлинту, который каждую неделю (журнал был еженедельным) мастерски выжимал все, что можно, из нашего допотопного полиграфического оборудования, базировавшегося в Пимликб. Это была совсем не плохая газета, сотрудники ее были энтузиастами, работали за гроши, а то и вообще бесплатно, если рекламных объявлений не было или плата за них запаздывала, как это обычно было в августе или в период отпусков. Я получала пять фунтов в неделю, мы не входили ни в какой профсоюз: были недостаточно солидными, плюс комиссионные от каждого рекламного объявления, раздобытого лично мною.

Итак, я запрятала глубоко внутрь осколки своего разбитого сердца и решила впредь обходиться без него. Я буду полагаться только на разум, силу воли и ноги, которые волка кормят, и покажу этим проклятым снобам — англичанам, что если уж ничего другого у меня здесь не получается, то по крайней мере деньги на жизнь я буду зарабатывать именно у них. Так я работала днем и плакала по ночам. Я стала в газете ломовой лошадкой, поскольку не могла сидеть сложа руки. Я готовила для сотрудников чай, организовывала похороны и составляла списки тех, кого нужно

пригласить на похороны, писала едкие статейки для колонки «Слухи», отвечала за раздел «Конкурсы» и даже проверяла ответы на кроссворды прежде, чем они шли в печать. А в промежутках рыскала в округе, хитростью и лестью выбивая рекламные объявления из самых неуступчивых управляющих магазинами, отелями и ресторанами. Таким образом я увеличивала сумму своих комиссионных, составлявших 25%, счет которым вела суровая старая шотландка — бухгалтер.

Вскоре я уже хорошо зарабатывала — от двенадцати до двадцати фунтов в неделю — и редактор подумал, что он сэкономит, если установит мне зарплату в 15 фунтов. Он посадил меня в уютную комнатку, рядом со своим кабинетом, и я стала помощником редактора, что, очевидно, подразумевало также и привилегию спать с ним. При первой же его попытке ущипнуть меня пониже спины я сказала ему, что обручена и что мой жених в Канаде. Произнеся это, я так зло посмотрела ему в глаза, что он все понял и оставил меня в покое. Во всем остальном он мне нравился, мы отлично ладили. Редактора звали Лен Холбрук, когда-то он был репортером в Бивербрук, крупном газетном концерне. Он заработал достаточно денег и решил открыть собственное дело. Он был

из Уэльса, и как все уэльцы, был идеалистом. Он решил, что уж коли он не может изменить весь мир, он попробует изменить Челси. Он купил разорившуюся газету «Кларион» и начал борьбу. У него были кое-какие сведения об административном совете, еще что-то о местной организации лейбористской партии. Он обнаружил, что какой-то подрядчик получил контракт на строительство муниципального жилого дома и строил с нарушениями технологии — не добавлял в бетон нужное количество стали или что-то в этом роде. Общенациональные газеты вцепились в «Кларион» мертвой хваткой за эту историю: тут попахивало клеветой, но к счастью в этот момент, в опорах стали появляться трещины, их сфотографировали. Было проведено расследование, подрядчик потерял контракт и лицензию, а «Кларион» на первой странице стала печатать красной краской изображение св. Георгия и поверженного им Дракона. Были и другие компании, подобные этой, и со временем люди стали читать небольшую газету, она увеличилась в объеме и вскоре ее тираж достиг почти сорока тысяч, а общенациональные издания постоянно заимствовали в ней материалы и взамен время от времени делились с ней каким-нибудь мате-

риалом.

И вот я уже в новой должности, помощника редактора и я могла больше писать и меньше бегать, а проработав в этой должности год, я стала выступать с авторскими статьями, «Вивьен Мишель» стала общественной фигурой, а зарплата моя выросла до 20 гиней. Лену нравилось, как я работаю, и то, что я не боюсь людей. И он многому научил меня в профессиональном плане, например, тому, что вниманием читателя надо завладевать с первых же строк, что надо употреблять короткие предложения, избегая слишком правильного английского языка, и писать надо — это самое главное — о людях. Сам он этому научился, когда работал в «Экспрессе», а теперь вбивал все это в голову мне. Например, он терпеть не мог 11-й и 22-ой маршруты автобуса и постоянно на них нападал в газете. Один из своих очерков об этих автобусных линиях я начала следующим образом: «Кондукторы на автобусах 11-го маршрута жалуются, что им приходится работать по очень уплотненному графику в часы пик». Лен прошелся своим карандашом по тому, что я написала: «Люди, люди, помни о людях!». Вот как надо написать об этом: "У Фрэнка Дональдсона, осмотрительного молодого человека

27 лет есть жена, Грейси и двое детей, шестилетний Билл и пятилетняя Эмили. Он очень обижен: «Я не вижу своих детей по вечерам с самых летних каникул, — рассказал он мне. Мы сидели в небольшой уютной гостиной в доме № 36 по Болтон Лейн. — Когда я попадаю наконец домой, после работы, они уже спят. Видите ли, я работаю кондуктором на автобусе 11-го маршрута и мы постоянно задерживаемся на лишний час, с тех пор, как ввели новый график движения». Лен замолчал.

— Понимаешь, что я имею в виду? Есть люди, которые водят эти автобусы. Они интереснее, чем просто автобусы. И вот ты выходишь и находишь некоего Фрэнка Дональдсона, и твой рассказ становится очень естественным.

Дешевка, я понимаю, сентиментальный подход, но такова журналистика, а я работала в этой области и я делала так, как он меня учил. Заметка вызвала поток писем — от Дональдсонов, живущих в округе, их жен и коллег по работе. Кажется, редакторы любят читательские письма. Если в газету приходят письма от читателей, значит, газету читают, любят и она приносит пользу.

Я проработала в «Кларион» еще два года, пока мне не исполнился 21. К тому времени у меня уже

были предложения из общенациональных газет, из «Экспресса» и «Мейл», и я решила, что настала пора из лондонской окраины переместиться в широкий мир. Я все еще жила вместе со Сьюзен. Она работала в Министерстве иностранных дел в каком-то отделе, который занимался «связями». Она о своей работе не распространялась. У нее был приятель из того же отдела, я знала, что очень скоро они обручатся и ей понадобится вся квартира. У меня не было никакой личной жизни — ничего не значащие дружеские отношения и полуухаживания, которых я сторонилась, и мне грозила опасность в случае успеха превратиться в энергичную девушку, делающую карьеру, которая выкуривает слишком много сигарет и пьет слишком много водки с тоником, а питается одними консервами. Моими богами, вернее, богинями (Кэтрин Уайтхорн и Пенелопп Джильятт были за пределами моей орбиты) были Друсилла Бейфус, Вероника Папворт, Джин Кэмпбелл, Ширли Лорд, Барбара Григ и Энн Шарпли — известнейшие женщины — журналистки — и все, чего я хотела — это быть такой же, как они, больше мне ничего в мире не было нужно.

И тогда, на рекламном пресс-шоу, проводившемся на фестивале Барокко в Мюнхене, я

повстречалась с Куртом Райнером из Ассоциации западногерманских газет (АЗГ).

5. Птица с подбитым крылом

Дождь продолжал лить как из ведра, нисколько не затихая, 8-часовые «Последние известия» продолжали сообщать о разрушениях и несчастных случаях — столкновения сразу нескольких машин на дороге № 9, наводнение в районе железной дороги в Скинектади, приостановлено движение транспорта в Трое, ожидается, что дождь не прекратится несколько часов. Штормы, снегопады и ураганы полностью нарушали обычное течение жизни в Америке. Когда в Америке автомобиль по каким-то причинам не может быть приведен в движение, жизнь останавливается, знаменитые расписания и графики нарушаются, американцы впадают в панику, осаждают железнодорожные вокзалы и отделения телеграфа, рассылая телеграммы во все концы страны. Они ни на секунду не выключают радио в надежде услышать хотя бы намек на улучшение ситуации. Я хорошо представляла себе неразбериху и хаос на дорогах и в городах, и с еще большим удовольствием упивалась своим уединением.

Я почти допила все, что было в стакане, но

чтоб стакан не был совсем пустым, бросила туда несколько кусочков льда, закурила еще одну сигарету и снова уселась в кресло. В это время ведущий радиопрограммы объявил получасовой концерт оркестра «Диксиленд».

Курту джаз не нравился. Он считал его дурным вкусом. Еще он меня заставил бросить курить, не разрешал употреблять спиртное и пользоваться губной помадой и жизнь стала серьезным делом, наполненным посещением картинных галерей, концертных и лекционных залов. При том, что я пребывала в состоянии, когда жизнь моя казалась мне бессмысленной и пустой, это было приятной переменой образа жизни. Более того, педантичность немецкого характера нашла отклик в довольно-таки основательной серьезности характера канадского.

АЗГ представляла собой независимое агентство новостей, которое финансировалось объединением газет западной Германии (нечто наподобие Рейтера). Курт Райнер был первым представителем ассоциации в Лондоне и, когда мы встретились, он искал себе помощника-англичанина, в обязанности которого входило бы прочитывать все ежедневные и еженедельные газеты, выискивая темы, представляющие интерес для немцев.

Сам Курт выполнял всю работу, связанную с деятельностью высшего дипломатического корпуса и освещал всевозможные мероприятия. В этот вечер он пригласил меня пообедать в ресторан Шмидта на Чарлотт стрит, был очаровательно серьезен, говорил о важности своей работы и о том, какое значение она может иметь для англо-германских отношений. Это был хорошо сложенный, спортивного типа молодой человек, а его светлые волосы и честные голубые глаза делали его моложе, чем он был на самом деле: в действительности ему было тридцать лет. Он рассказал мне, что родом он из Аусбурга, неподалеку от Мюнхена, что он единственный ребенок у родителей — врачей, что оба его родителя были вызволены из концлагеря американцами. Их арестовали по доносу, что они слушают союзническое радио и препятствовали тому, чтобы их юный Курт вступил в ряды Гитлерюгенда. Образование он получил в Мюнхенской школе и в Университете, затем занялся журналистикой, был направлен в «Ди Вельт», ведущую газету Западной Германии, и именно оттуда был выбран для теперешней работы в Лондоне, так как он неплохо владеет английским. Он спросил меня, чем я занимаюсь, и на следующий день я отпра-

вилась в его двухкомнатную контору на Ченсери лейн и показала ему кое-что из своих статей. С типичной тщательностью он уже навел справки обо мне у моих друзей в Пресс-клубе, и через неделю я сидела в соседней с ним комнате с табличкой «Личный секретарь»; телетайпы Рейтера и объединенного пула телеграфных агентств по обмену информацией трещали у меня за спиной. Зарплата у меня была замечательная — тридцать фунтов в неделю — и вскоре я полюбила свою работу, особенно мне нравилось осуществлять телефонную связь с нашим Центром в Гамбурге, нравилось, что два раза в день мне надо было вовремя успеть передать сообщения для утренних и вечерних немецких газет. То, что я плохо знала немецкий, было незначительной помехой, так как не считая того, что составлял сам Курт, а он передавал это по телефону, весь мой материал шел по телексу на английском и переводился на другом конце, а операторы Телекса в Гамбурге знали английский в такой степени, что могли даже поболтать со мной, когда я была у аппарата. Это довольно механическая работа, но она требовала быстроты и точности исполнения и очень забавно было судить, удачный ли материал я отправляла, по тем вырезкам из немецких

газет, которые приходили несколькими днями позже. Вскоре Курт доверял мне настолько, что оставлял на меня весь офис и возникали некоторые обстоятельства, с которыми мне надо было справляться самой. Это было волнующее ощущение осознавать, что двадцать редакторов в Германии зависят от меня, от того, насколько правильно и быстро я действовала. Все это казалось мне намного важнее и ответственнее, чем те банальности, о которых я писала в «Кларион», и я с удовольствием подчинялась указаниям и решениям Курта, которые всегда к тому же были срочными. Впрочем, это характерно для любого информационного агентства.

Пришло время, Сьюзен вышла замуж, и я переехала в меблированную квартиру на Блумзбергсквер, в том же доме, где жил Курт. Сначала я сомневалась, правильно ли это, но он был такой правильный и отношения наши были такими товарищескими, как он сам обычно говорил, что я поверила будто ничего неблагоразумного в этом нет. Конечно, это было легкомыслием с моей стороны. Не говоря уж о том, что Курт, видимо, превратно истолковал то, что я легко согласилась с его предложением снять квартиру в его же доме, теперь это стало как бы совершен-

но естественным, что мы вместе возвращались домой из нашей расположенной неподалеку конторы. Стали более частыми и совместные обеды, а со временем, чтобы сэкономить деньги, он стал приносить свой проигрыватель ко мне в гостиную, а я готовила что-нибудь на двоих. Конечно, я понимала, какая опасность мне грозит, и время от времени придумывала каких-нибудь друзей, с которыми якобы должна была провести вечер. Но это означало, что пообедав в одиночестве, я сидела сама по себе в каком-нибудь кинотеатре, испытывая все то отвращение, которое испытывает любая одинокая женщина, когда к ней начинают приставать мужчины. А Курт оставался все таким же корректным, а наши отношения — на таком невинном, я бы даже сказала, высокоинтеллектуальном уровне, что мои опасения и предчувствия стали казаться совершенно идиотскими, и постепенно я приняла этот товарищеский образ жизни, который представлялся вполне приличным для взрослых людей по современным меркам.

Я поверила в это еще больше, когда после почти трехмесячного нашего мирного сосуществования, Курт, по возвращении из поездки в Германию, сказал мне, что он обручился. Она,

невеста, была подругой детства, звали ее Труди и из всего, что Курт сообщил мне, было ясно, что они великолепно подходят друг другу. Она была дочерью профессора философии из Гейдельберга, а безмятежные глаза, которые смотрели на меня с любительской фотографии, блестящие, заплетенные в косы волосы и аккуратное платье с облегающим лифом и пышной юбкой, были живой рекламой истинной немецкой женщины со святыми понятиями: «Дети, Церковь, Кухня».

Курт посвятил меня полностью в свои дела, связанные с помолвкой, он переводил мне письма Труди, обсуждал, сколько детей они будут иметь, спрашивал моего совета относительно убранства квартиры, которую они планировали купить в Гамбурге, когда у него закончится трехлетняя служба в Лондоне и он подсоберет достаточную сумму денег на свадьбу. Я стала чем-то вроде их общей тетушки и сочла бы свою роль смешной, если бы все это не казалось совершенно естественным, даже интересным — как если бы у меня было две куклы, с которыми я играю в «свадьбу». Курт распланировал даже сексуальную свою жизнь скрупулезно, в деталях, и то, что он упорно, по-началу вопреки моему желанию, посвящал меня и в это, сначала меня

смущало, а потом показалось даже поучительным, так как он говорил обо всем очень научно. Во время медового месяца в Венеции (все немцы отправляются в Италию в свой медовый месяц), они, конечно, будут делать это каждую ночь, потому что, сказал Курт, было очень важно, чтобы этот «акт» был технически совершенен, а чтобы добиться совершенства, требуется практика. По той же причине они будут довольствоваться лишь легким ужином, так как заниматься этим с полным желудком нежелательно. Заканчивать и отходить ко сну они будут не позже одиннадцати, потому что очень важно иметь по крайней мере восьмичасовой сон, чтобы «перезарядить батареи». У Труди, по его словам, чувства еще не были разбужены, и она скорее была с точки зрения секса прохладной, в то время как у него темперамент был страстным. Поэтому придется готовить Труди, ведя все эти предварительные сексуальные игры, с тем, чтобы и ее страсть достигла его уровня. С его стороны потребуется определенная сдержанность, и в этом деле ему придется проявить твердость, так как он мне сообщил, для счастливого супружества совершенно необходимо, чтобы партнеры достигали кульминационного момента одновременно. Только

таким образом волнующие вершины экстаза становятся в одинаковой степени достоянием обоих. Когда закончится медовый месяц, они будут спать вместе по средам и субботам. Если это делать чаще, его «батареи» ослабеют и это даже может сказаться на его работоспособности в конторе. Все это Курт сопровождал употреблением самых точных научных терминов и даже иллюстрировал диаграммами и схемами, которые чертил вилкой на скатерти.

Эти лекции, а это были именно лекции, убедили меня в том, что Курт был необыкновенно утонченный любовник, и я была вынуждена признать, что испытывала даже некоторую зависть по поводу этих отрегулированных и исключительно здоровых удовольствий, которые готовились для Труди. Нередко по ночам я мечтала о том, чтобы все это предназначалось мне, и чтобы появился некто, кто обращался бы со мной так же, как — опять же по словам Курта — «великий скрипач обращается со своим инструментом». И, полагаю, это было совершенно неизбежным, что в мечтах именно Курт являлся ко мне в роли великого скрипача — такой надежный, такой нежный, такой понимающий все физические потребности женщины.

Шли месяцы и постепенно тон и частота писем Труди стали меняться. Я была первой, кто заметил это, но ничего не сказала. Все чаще и чаще в письмах Труди жаловалась на то, что период ожидания очень долог, слова нежности стали более редкими и небрежными, а об удовольствии от проведенного на Тегернзее летнего Отпуска, где Труди познакомилась с «веселой компанией», после первого описания взахлеб более вовсе не упоминалось, что мне показалось также очень подозрительным. Однажды вечером, после того, как в течение трех недель от Труди не было ни строчки, ко мне домой пришел Курт. Он был бледен, в глазах стояли слезы. Я лежала на диване, читала. Он упал на колени рядом со мной и уронил голову мне на грудь. Все кончено, произнес он между рыданиями. Она встретила другого человека, конечно, на Тегернзее, какого-то врача из Мюнхена, вдовца. Он сделал ей предложение, и она согласилась. Любовь с первого взгляда. Курт должен понять, что такое в жизни девушки случается лишь раз в жизни. Он должен ее простить и забыть. Она его недостойна. (А! Опять эта жалкая фраза). Они должны остаться друзьями. Свадьба состоится через месяц. Курт должен пожелать ей счастья. Прощай, твоя презренная Труди.

Курт в отчаянии обнимал меня. — Теперь у меня есть только ты, — сказал он сквозь рыдания, — ты должна проявить доброту. Ты должна меня утешить".

Я как ребенка гладила его по волосам и думала, как мне освободиться от его объятий, но в то же время я была очень тронута отчаянием этого сильного мужчины и его зависимостью от меня. Я попыталась заставить свой голос звучать по-деловому.

— Ну, знаешь, если хочешь знать, это просто счастье, что так получилось. Ни одна девушка, если она такая непостоянная, не может стать хорошей женой. В Германии полно других, лучших девушек. Успокойся, Курт.

Я попыталась сесть: «Пойдем, пообедаем, потом в кино. Это тебя отвлечет. Слезами горю не поможешь. Успокойся!» Я с трудом высвободилась из его объятий, и мы оба встали.

Курт опустил голову: «Ах, ты добра ко мне, Вив. Ты настоящий друг в беде. И ты права. Я не должен быть тряпкой. Тебе за меня будет стыдно. А этого я не смогу перенести». Он улыбнулся мне вымученной улыбкой, пошел к двери и вышел из квартиры.

Только через две недели мы стали любовни-

ками. В какой-то степени это было неизбежно. Я предчувствовала, что так будет и ничего не сделала, чтоб уйти от судьбы. Я не была в него влюблена, и в тоже время во многих отношениях мы стали так близки друг другу, что следующий шаг — постель — был неминуем. Подробности очень скучны. Дружеский поцелуй в щечку от случая к случаю, братский поцелуй, с каждым разом запечатлевался все ближе к моим губам и однажды стал поцелуем в губы. Затем наступила пауза, пока я не стала принимать такие поцелуи как само собой разумеющееся, потом настала очередь наступления на мою грудь, потом и на все остальное, все так приятно, так спокойно, без драм, а затем, однажды вечером в моей гостиной медленно, без спешки, снимание с меня одежд, «так как я должен видеть, как ты прекрасна», слабые вялые протесты с моей стороны, а затем те самые научные операции, которые были подготовлены для Труди. И как приятно это было, в полном уединении, в моей собственной квартире! Как безопасно, как неспешно, какими успокаивающими были все меры предосторожности! И каким сильным и нежным был Курт, и все, что сопряжено с его любовью, было божественно вежливо! Один — единственный цветок

после каждого свидания, приведение комнаты в порядок после любовного экстаза, нарочитая корректность в конторе и в присутствии других людей, ни одного грубого или даже неприличного слова — это было похоже на серию утонченных операций, совершаемых хирургом, имеющим лучшие в мире манеры в обращении с больным. Конечно, все это носило довольно-таки бесстрастный характер. Но мне это нравилось. Это был секс в чистом виде, без страсти и без страха, это делало каждый обычный день приятным, а меня довольной и умиротворенной как изнеженную кошечку. Я должна была бы сообразить, или во всяком случае, догадаться, что женщина, если она не проститутка, не может удовлетворяться физической близостью совсем без каких-либо чувств, по крайней мере сколько-нибудь долго. Физическая близость — это лишь половина пути к любви. Надо признаться, ни мой разум, ни большая часть моих инстинктов не участвовали в наших отношениях. Они оставались пассивными, счастливо пассивными. Но все мои дни и ночи были так заполнены этим человеком, я так сильно зависела от него большую часть суток, что было бы почти бесчеловечным не начать испытывать к нему чего-то наподобие любви. Я

продолжала твердить себе, что у него нет чувства юмора, что он бесстрастен, не любит шуток, что он как бревно, и, в конце концов, уж слишком немец, но все это не мешало мне прислушиваться к его шагам на лестнице, преклоняться перед теплом и властью его тела и быть всегда радостно готовой стряпать ему, что-нибудь зашивать и работать на него. Я сама себе признавалась, что становлюсь овощем, покорной женой-домохозяйкой, которая, как я себе воображала, идет на улице на расстоянии шести шагов позади мужа, словно носильщик-туземец. Но я также вынуждена признать, что счастлива, довольна и беззаботна, не хочу никакой другой жизни. Бывали моменты, когда мне хотелось разрушить все это спокойствие, заведенную размеренность каждого дня, хотелось кричать, и петь, и дурачиться, но я убеждала себя, что это было бы антисоциально, неженственно, создало бы хаос, и что это проявление психической неуравновешенности. Курт научил меня понимать такие вещи. Уравновешенность, равный темп жизни, порядок во всем, всегда спокойный голос, взвешенное мнение, любовь по средам и субботам (после легкого ужина!) — для него все это было необходимыми условиями счастья и тем, что помогало избавиться от

«анархического синдрома», как он это называл, то есть от курения, употребления спиртного, наркотиков, от джаза, беспорядочных связей, гонок на автомобиле, диет, негров и их новых государств, гомосексуализма, отмены смертной казни и множества других отклонений — словом, от образа жизни, который ведут муравьи и пчелы. Ну что ж, я ничего не имела против. Всем своим воспитанием я была подготовлена к простой жизни и была счастлива вернуться к ней, вкусив разгульной, веселой жизни в пабах Челси и после занятий никому не нужной журналистики, не говоря уже о моей полной драматизма любовной истории с Диреком. И я, вероятно, спокойненько влюбилась бы в Курта.

Не, как и следовало ожидать, тут-то это и произошло.

Вскоре, после того, как мы стали регулярно спать вместе, Курт направил меня к надежному врачу — женщине, которая прочитала мне доступную лекцию о контрацептивах и снабдила необходимыми противозачаточными средствами. Но предупредила меня, что даже такие меры предосторожности не всегда срабатывают. Так оно и случилось. Поначалу, надеясь на лучшее, я ничего не сказала Курту, а потом, по нескольким

причинам — потому что не желала далее хранить тайну в одиночку, потому что слабо надеялась, что он будет доволен и предложит выйти за него замуж, и потому что действительно боялась своего состояния — я ему все сказала. У меня не было ни малейшего представления о том, какой может быть его реакция, но я, конечно, ожидала нежности, сочувствия и, по крайней мере, хотя бы видимого проявления любви. Мы стояли в дверях моей спальни, готовые пожелать спокойной ночи друг другу. На мне не было никакой одежды, он был полностью одет. Когда я кончила говорить, он спокойно расцепил руки, которыми я обнимала его за шею, осмотрел мое тело с ног до головы, с чувством, которое я могу назвать лишь смесью злости и презрения, и потянулся к дверной ручке.

Потом он холодно посмотрел мне в глаза и сказал очень тихо: — Ну? — вышел из комнаты и спокойно закрыл за собой дверь.

Я села на край кровати и уставилась на стену. Что я сделала? Что я не так сказала? Что означает поведение Курта? Потом, несчастная, полная дурных предчувствий, легла в постель и ревела, пока не уснула.

Я была права, что плакала. На следующее утро

я зашла за ним, чтобы, как обычно, вместе идти на работу, его уже не было дома. Когда я пришла в офис, дверь, соединяющая наши комнаты, была закрыта, а когда через четверть часа или около того он открыл дверь и сказал, что нам надо поговорить, лицо его было холодным как лед. Я вошла в его кабинет и села по другую от него сторону стола: служащая, которую, как оказалось, увольняют.

Рефрен его речи, произнесенной деловым бесстрастным голосом был таков: в товарищеском союзе, в каком мы с удовольствием оба пребывали, и союз действительно был для нас обоих приятен, очень важно, чтобы все шло гладко, согласно заведенному порядку. Мы были (да, «были») хорошими друзьями, и я не буду говорить, что у меня не было никаких мыслей о женитьбе, о чем-то более постоянном, чем товарищеское (опять это слово) взаимопонимание. Отношения между нами были действительно весьма приятными, но теперь, по вине одного из партнеров (исключительно по моей, надо полагать!) это произошло, и требуется найти радикальное решение проблемы, которая содержит элементы затруднительного положения и даже опасности на жизненном пути каждого из нас. О супружестве

— увы, — хотя он «очень высокого мнения о моих качествах и, более того, о моей физической привлекательности» — не могло быть и речи. Кроме всяких прочих соображений, он унаследовал прочные взгляды относительно смешения крови (Хайль, Гитлер!) и если он женится, то только на женщине, в жилах которой течет германская кровь. Соответственно, и с искренним сожалением, он пришел к определенным решениям. Главным было то, что мне необходимо подвергнуться немедленной операции. Три месяца и так уже довольно опасное промедление. Это все будет несложно. Я полечу в Цюрих и остановлюсь в одной из гостиниц рядом с Главным вокзалом. Любой таксист довезет меня до этого места из аэропорта. Я должна буду спросить у консьержа, как зовут гостиничного доктора, — в Цюрихе замечательные врачи — и должна буду проконсультироваться у этого врача. Он все поймет. Все швейцарские врачи — это понимают. Он поставит диагноз, что у меня слишком высокое или, наоборот, слишком низкое давление, или что у меня нервы не в порядке и я не смогу вынести напряжения родов. Он переговорит с гинекологом — в Цюрихе превосходные гинекологи — я нанесу тому визит, он подтвердит то, что сказал

доктор в гостинице, и подпишет нужные бумаги. Гинеколог зарезервирует место в клинике, и все будет сделано в течение одной недели. Будут соблюдены все меры предосторожности. Процедура эта совершенно легальна в Швейцарии, и мне даже не надо будет показывать паспорт. Я могу назваться любым именем — именем замужней женщины, конечно. Стоимость операции будет, однако, высокой. Может, сто фунтов, или даже сто пятьдесят. Но он и это предусмотрел. Он потянулся к ящику стола, достал конверт и бросил его на стол. Будет небезосновательно, если после двух лет отличной службы, я получу месячную зарплату вместо предупреждения о расторжении контракта. Это будет сто двадцать фунтов. И он позволил себе добавить пятьдесят фунтов из собственного кармана, чтобы я смогла оплатить авиабилет, туристским классом и чтоб еще кое-что осталось на непредвиденный случай. Вся сумма была в немецких марках, чтоб избежать проблем с обменом денег.

Курт улыбнулся, ожидая благодарности с моей стороны и восхищения его расторопностью и щедростью. Должно быть, он почувствовал неловкость, увидев выражение откровенного ужаса на моем лице, потому что поспешил про-

должить. Кроме того, я не должна волноваться. Такие операции делают многие. Они, конечно, болезненны и не очень приятны. Он сам очень огорчен, что такие счастливые взаимоотношения из самых счастливых, какие ему когда-либо пришлось испытать, подходят к концу. «Но, увы, эти взаимоотношения должны кончиться. — И он добавил: — Он надеется, что я все понимаю».

Я кивнула и поднялась. Взяла со стола конверт, в последний раз посмотрела на золотистые волосы, на рот, которые любила, на сильные плечи, и, чувствуя, как подступают слезы, быстро вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

До встречи с Куртом я была птицей с одним подбитым крылом. Теперь у меня было перебито и другое.

6. Отправляйтесь-ка на запад, барышня

В конце августа, когда все это случилось, Цюрих был приветлив, настолько, насколько этот скучный город вообще может быть таковым. Чистая, ледникового происхождения вода озера сверкала, по ее глади скользили яркие парусные шлюпки и водные лыжники, общедоступные пляжи были переполнены загоревшими купальщиками, а угрюмые Вокзальная площадь и Вокзальная улица, которым город так гордится, были заполнены толпами гомонящих молодых туристов с рюкзаками, которые спешили в горы. Здоровая, хорошо организованная праздничная атмосфера действовала мне на нервы, которые, казалось, были обнажены, и наполняла, мое сердце страданиями и болью. Так вот оно, воплощенное представление Курта о жизни — о естественных радостях, примитивное существование примитивных животных. И мы с ним вели именно такую жизнь. На первый взгляд это было замечательно. Но светлые волосы, ясные глаза и загар — все это такой же камуфляж, как и косметика на

женском лице. Тоже глянец, но несколько иного характера. Мысли, конечно, не новые, но теперь я была обманута дважды: отсутствием духовности Дирека, и примитивностью Курта, и я уже была готова отказать всем мужчинам в каком бы то ни было доверии. Я не то, чтобы надеялась, что Курт или Дирек женятся на мне, я надеялась, что они будут добры со мной, будут вести себя как подобает «джентльменам» — если уж нельзя обойтись без этого, будут нежны со мной, как я, по-моему была нежна с ними. Вот в этом-то конечно, и крылся корень зла. Я была слишком нежной, слишком услужливой, и хотела прежде всего доставить удовольствие им (получить удовольствие — дело второе), поэтому-то они и приняли меня за легкую добычу, за что-то, чем можно воспользоваться и бросить за ненадобностью. Ну что ж, теперь с этим покончено! Отныне я буду только брать, ничего не давая. Мир показал мне свои зубы. Я покажу ему свои, я вела себя, как новичок, не нюхавший пороха. Теперь я была стреляным воробьем. Я гордо подняла голову, как и подобает настоящей молодой канадке (ну, скажем, достаточно молодой настоящей канадке!) и, научившись отражать удары, решила, для разнообразия, раздавать их сама.

Аборт, будем называть вещи своими именами, послужил хорошей подготовкой к новой роли. Консьерж в гостинице посмотрел на меня все понимающими глазами — такие глаза у них у всех — и сказал, что гостиничный доктор в отпуске, но был другой не менее опытный. (Он знал? Догадался?) Доктор Зюскинд осмотрел меня и спросил, имею ли я достаточно денег. Когда я сказала, что деньги у меня есть, мне показалось, он был разочарован.

Гинеколог был еще более откровенен. И у него был сельский домик: гостиницы в Цюрихе такие дорогие. Не буду ли я возражать против короткого отдыха перед операцией? Я посмотрела на него твердым взглядом и сказала, что Британский консул, мои дядя, пригласил меня к себе, чтобы я могла восстановить силы после операции, и я была бы рада, если бы меня поместили в клинику без задержки. Именно он порекомендовал мне доктора Зюскинда. Уважаемый доктор Брауншвейг, конечно же, знает консула?

Мой фокус-покус был совсем не плох. И исполняла я его в своей новой манере — решительной, не терпящей возражений, да и гамбит был продуман заранее. Бифокальные очки отразили шок. Последовали сухие исчерпывающие объяснения

и поспешный звонок в клинику. Да, конечно. Завтра, после обеда. Необходимо взять с собой лишь вещи, которые понадобятся ночью.

Как я и ожидала, операция была лишь морально неприятна, физически же совершенно безболезненна, и через три дня я снова была в гостинице. Решение было принято. Я вернулась самолетом в Англию, прожила несколько дней в новой гостинице «Ариэль», что рядом с лондонским аэропортом, избавилась от некоторых мелких вещей, оплатила счета, потом договорилась о встрече здесь же, в Хэммерсмите с агентом фирмы «Веспа» и отправилась на свидание с ним.

План у меня был следующий: уехать, по крайней мере на год, и посмотреть другую половину мира. Лондон я уже повидала. Жизнь здесь била меня слева и справа, и я едва держалась на ногах. Я решила, что просто-напросто это место было не для меня. Я не понимала слишком сложного мира Дирека и не умела любить той клинической, хладнокровной современной любовью, которую предложил мне Курт. Я сказала себе, что это все потому, что у меня слишком много «сердца». Ни одному из этих мужчин сердце мое не было нужно, им было нужно только мое тело. То, что

я в конце концов пришла к этому старому, как мир объяснению, к которому испокон веков прибегают брошенные женщины, чтобы оправдать свое неумение удержать мужчину, было, как я позднее поняла, еще более важной причиной моей неудачи, гораздо более важной, чем вся эта болтовня о «сердце». Истина состояла в том, что я была слишком наивной и бесхитростной, чтобы выжить в джунглях большого города. Я была слишком легкой добычей для хищников. В общем и целом я была слишком уж «канадка», чтобы соперничать с Европой. Быть по сему! Раз я простушка, отправляюсь назад, в те места, где все такие. Но не для того, чтобы сидеть, хандрить и вести растительный образ жизни. Я отправлюсь туда, чтобы искать и рисковать. Всю осень я буду ездить по Америке, зарабатывая на жизнь официанткой, приходящей няней, регистратором, пока не доберусь до Флориды; там я найду работу в какой-нибудь газете и буду нежиться на солнышке до весны. Ну, а там посмотрим!

Как только решение было принято, я стала тщательно обдумывать детали своего плана, стараясь не вспоминать о своем несчастье, заглушить, сделать менее болезненным свое чувство вины и стыда, свое ощущение неудачницы. Я

отправилась в Американскую Автомобильную Ассоциацию, расположенную в центре Лондона, в Пэлл-Мэлле, вступила в нее, получила документы, которые мне были нужны от них, и переговорила с ними о транспорте. Цены на подержанные автомобили в Америке были слишком высокие, так же как и текущие расходы, но тут мне пришла в голову идея взять мотороллер. Поначалу она казалась смешной: ехать по огромным трансконтинентальным шоссейным дорогам на таком крошечном средстве передвижения! Но мысль о том, что я все время буду на свежем воздухе, буду затрачивать всего один галлон топлива на сотню миль, что мне не будут нужны гаражи, что я буду путешествовать налегке, и — чего уж скрывать, что я произведу фурор, где бы ни появилась — все это заставило меня принять решение, а агент «Веспы» сделал все остальное.

Кое-что в машинах я знала — каждое североамериканское дитя воспитано на машинах. И я взвесила все положительные стороны небольшой модели мотороллера с двигателем в 125 см^3 и более мощного и скоростного с объемом мотора 150 см^3 мотороллера «гран спорт». Конечно, я была за более приемистую модель, которая к тому же могла развивать максимальную ско-

рость до 60 миль в час. Расход топлива — один галлон на 80 миль, а у меньшей модели один галлон на 100 миль, но я сказала себе, что бензин в Америке дешевый и что мне нужна скорость, а то уйдут месяцы, пока я доберусь до юга. Агент был полон энтузиазма. Он обратил мое внимание на то, что в плохую погоду, или если я устану, я могу взять мотороллер в поезд и какое-то время попутешествовать с ним по железной дороге. Он может получить около тридцати фунтов скидки с налога на покупку, при стоимости в 190 фунтов, доставив мотороллер к пароходу, который через десять дней будет вместе с моим мотороллером в Канаде. Это даст мне дополнительные деньги, которые я смогу потратить на запчасти и роскошные аксессуары. Меня не нужно было особо уговаривать. Мы проехали пару раз по объездной дороге — агент при этом сидел сзади — мотороллер летел как птица и им было легко управлять — словно это был велосипед. И я решилась. Купила накладку на седло из леопардовой шкуры и запасное колесо, прекрасные гоночные диски на колеса, зеркало заднего вида, сетку для багажа, белые переметные сумки, которые очень хорошо сочетались с серебристой отделкой мотороллера, купила спортивное ветровое стекло из органи-

ческого стекла «Перолекс», и белый защитный шлем, в котором чувствовала себя прямо как Пэт Мосс. Агент дал мне несколько хороших рекомендаций относительно одежды, я пошла в магазин и купила белый комбинезон с огромным количеством молний, большие мотоциклетные очки, окаймленные меховой бахромой, и довольно эффектную пару перчаток для мотоспорта из черной лайки на подкладке. После этого я села у себя в гостинице, раскрыла карты и составила маршрут, первого этапа, начиная от Квебека. Потом я зарезервировала себе билет на самый дешевый транс-канадский рейс до Монреаля, отправила телеграмму тете Флоранс, и прекрасным утром первого сентября отправилась в путь.

Было необычно и приятно вернуться в старые места после почти шестилетнего отсутствия. Моя тетя сказала, что с трудом узнала меня, а меня, конечно, удивил Квебек. Когда я уезжала оттуда, крепость казалась огромной и величественной. Теперь она выглядела как большое игрушечное сооружение из Диснейленда. Все, что раньше внушало благоговейный страх, теперь не вызывало никакого почтения и выглядело как декорация из папье-маше. И великие религиозные войны, жертвой которых, как я когда-то думала, была

и я сама, и вражда между франкоязычными и всеми прочими канадцами — все это выглядело теперь как мелкая возня местного значения. С чувством определенной неловкости я поняла, что испытываю снисходительность к важному провинциальному городу, к безвкусно одетым крестьянам, которые живут в нем, и ко все проникающему, словно туман, снобизму и мещанству его жителей. Не удивительно, что будучи воспитанной в этой атмосфере, я оказалась плохо подготовленной к жизни в большом внешнем мире. Удивительно, что я все-таки выжила в нем.

Я старалась не показывать своих чувств тете, хотя подозреваю, что она тоже была удивлена и даже, возможно, шокирована, той метаморфозой, происшедшей со мной в результате «завершения» моего образования в Европе. Должно быть, ей хотелось понять смысл этой метаморфозы, потому что ей было важно знать насколько я испорчена той бешеной жизнью, которую я, должно быть, вела. Она бы упала в обморок, если б узнала правду, и я деликатно дала ей понять, что, хотя за мной и ухаживали, я сумела сохранить невинность в греховном котле жизни заокеанских городов. Нет, у меня не было даже и временных увлечений. Нет, слава Богу, никакой,

даже и незнатный человек — я честно могла это сказать — не делал мне предложения, и никаких приятелей у меня там не осталось. Не думаю, что она мне поверила. Она высоко ценила мою внешность и провокационно говорила, что я стала красавицей, и у нее такое впечатление, что у меня все признаки «секс-привлекательности» — или во всяком случае какие-то признаки этой привлекательности, и ей казалось невероятным, что в 23 года у меня нет ни одного мужчины. Она пришла в ужас от моих планов и нарисовала мне ужасную картину опасностей, которые подстерегали меня в пути. Америка полна гангстеров. Меня собьют на шоссе и ограбят. В любом случае это не для женщины — путешествовать на мотороллере. Она надеялась, что я буду осторожной и поеду в дамском седле. Я объяснила, что у меня очень надежная машина. Возвращаясь из Монреаля, куда прибыл морем мой мотороллер, я по мере приближения к тетиному дому волновалась все больше. Увидев меня в полном дорожном облачении, тетя, однако, немного смягчилась, но все же с некоторым сомнением заметила, что я буду «производить фурор».

Пятнадцатого сентября я сняла со своего небольшого банковского счета тысячу долла-

ров в дорожных чеках, по-научному упаковала переметные сумки, в которые положила, как я считала, лишь минимум необходимых вещей, поцеловала на прощание тетю Флоранс и поехала по Сент-Лоренсу на Трассу № 2.

Трасса № 2, соединяющая Квебек с Монреалем, могла бы быть одной из самых красивых дорог в мире, если бы вдоль нее не было огромного количества вилл и купальных домиков, построенных во время войны. Трасса шла вдоль великой реки, точно повторяя все ее изгибы, словно приклеившись к ее северному берегу. Я прекрасно знала ее с детства, меня всегда брали с собой сюда на пикники с купаньем. Но с тех пор был открыт морской путь через Сент-Лоренс, и теперь в порту был настоящий поток больших судов. С глухим стуком работали их двигатели и душу смущали зовущие звуки их гудков.

«Веспа» радостно рокотала, двигаясь со скоростью около сорока миль в час. Я решила ежедневно в среднем проезжать сто пятьдесят — двести миль, то есть находиться за рулем около шести часов, но я не намеревалась неотступно следовать этому графику. Я хотела все посмотреть. Если повстречается какая-нибудь интересная боковая дорога, я поеду по ней, и если увижу какое-нибудь

красивое место, остановлюсь полюбоваться.

На дорогах Канады и северной части Штатов есть очень хорошая вещь — «площадки для пикников» — расчищенные от лесных насаждений места на берегу озера или реки, со множеством уединенных грубо сколоченных скамеек и столиков, спрятанных среди деревьев. Я собиралась пользоваться ими, чтобы перекусить, если не будет дождя, и не покупать дорогих продуктов в магазинах, а готовить в дорогу бутерброды с яичницей и ветчиной на тостах. Бутерброды, фрукты и кофе в термосе будут моей дневной пищей, а вечером я буду есть основательно. Я рассчитывала тратить ежедневно не более пятнадцати долларов. В большинстве мотелей комната на одного стоит восемь долларов в день плюс местный налог. Таким образом, если прибавить сюда кофе с булочкой на завтрак, выходило всего девять долларов. Бензин обойдется не дороже доллара в день. Оставалось пять долларов на обед и ужин, на то, чтобы выпить, если вдруг захочется и на не сколько сигарет. Я хотела попытаться не выходить за пределы этой суммы. В картах фирмы «Эссо» и в литературе, которой меня обеспечила Американская Автомобильная Ассоциация, на пути, который я наметила, отмечались бесконеч-

ные достопримечательности, которые стоило посмотреть. Сразу же после пересечения границы я буду ехать по стране индейцев, по стране Фенимора Купера, а потом, например, поеду по местам сражений времен Американской революции. В большинстве случаев, чтобы посмотреть историческое место, надо было заплатить около доллара. Но я думала, что все-таки уложусь в намеченную сумму, а если в какие-то дни это мне и не удастся, — сэкономлю на еде в другие дни.

«Веспа» оказалась значительно устойчивее, чем я ожидала, и очень легкой в управлении. После того, как я научилась справляться с крутыми поворотами, можно было сказать, что я действительно веду мотороллер, а не просто еду на нем. Он набирал скорость до пятидесяти миль в час за двадцать секунд — водители обычных американских с еда-нов только удивлялись, когда я возносилась вверх по склонам как птица, при этом выхлопная труба приятно урчала сзади. Конечно, мне приходилось мириться со свистом, которым обычно встречают симпатичных девушек и который сопровождал меня постоянно и с усмешками стариков, но, боюсь, мне очень даже нравилось, что я была чем-то вроде сенсации, как и предсказывала моя тетя, и я мило улыбалась

направо и налево. Обочины большинства североамериканских дорог очень плохие, я боялась, что меня на моей крошечной машине будут теснить и я постоянно буду попадать в рытвины и канавы, но, видимо, я выглядела такой хрупкой на своем мотороллере, что другие водители обычно объезжали меня и весь правый крайний ряд оставался в моем распоряжении.

В первый день все шло так хорошо, что я сумела проехать Монреаль до наступления ночи и еще двадцать миль по трассе № 9, которая вела к границе штата Нью-Йорк, в котором я была на следующее утро. Я остановилась в мотеле, который назывался «Южная тропа», где со мной обращались, как если бы я была первой летчицей Амелией Эркхарт, или Эми Моллинсон — очень приятное ощущение, к которому я стала уже привыкать. После плотного ужина в кафетерии и после того, как я со смущением согласилась выпить вместе с хозяином мотеля, я отправилась спать, чувствуя себя взволнованной и счастливой. День был длинным и замечательным. «Веспа» была просто мечтой, все шло строго по моему плану. Первые двести миль я проехала за день. Чтобы проехать следующие двести пятьдесят понадобилось почти две недели. Ничего

сверхъестественного в этом не было. Как только я пересекла американскую границу, я была очарована Адирондакскими горами, и почувствовала себя словно во время летних каникул. Не буду вдаваться в детали, так как это не отчет о путешествии с демонстрацией видовых фильмов, но не было ни одного старого форта, музея, водопада, пещеры или высокой горы, которые бы я не посетила — не говоря уже об аттракционах, связанных с жизнью индейцев, в каждом из которых я оставила свой доллар. Я совершала экскурсии по местным достопримечательностям отчасти потому, что мне это действительно было любопытно, но главным образом потому, что я хотела оттянуть день, когда придется покинуть эти озера, реки и леса и поспешить дальше на юг по суперпрекрасным автострадам, утыканным вдоль ларьками с хот-догами, к ленточному неоновому свету, ко всему этому Эльдорадо цивилизации.

Вторая неделя подходила к концу, когда я оказалась у озера Джордж в ужасном туристическом центре, где каким-то образом умудрились превратить все — историю, леса, всю природу — в кабак. Кроме довольно внушительного укрепленного форта и безобидных пароходов, курсировавших

до Форта Тикондерог и обратно, все остальное было каким-то кошмаром с бетонными гномами, оленями Бэмби, и навесами в виде грибов-поганок. Ларьки торговали отвратительными гамбургерами «Биг Чиф» и конфетками «Миннехаха». Повсюду подстерегали аттракционы типа фотографирования в шкуре шимпанзе, деревни освещенной газовыми фонарями (настоящее газовое освещение 1890 г.), или «исторического городка США», — которыми только детей пугать и который мне вам описывать не нужно. Именно отсюда я умчалась прочь, от этого ужасного главного пути, в который превратилась трасса № 9. Я выбрала пыльную окружную дорогу, проходившую через лес, которая и привела меня к мотелю «Сонные сосны» и к креслу, в котором я теперь сижу и вспоминаю, как здесь оказалась.

7. «Приходи ко мне в гости...»

На улице по-прежнему барабанил дождь, его однообразный шум создавал фон журчания воды, выплескивающейся из водосточных труб с четырех углов здания. Мне захотелось спать. Ах, как крепко я буду спать на знаменитых перкалевых простынях, которые так рекламировал мотель, на роскошной кровати фирмы «Элиот-Фрей», в комнате, пол которой покрыт ковром, сделанным фирмой «Мэджи», с телевизором и кондиционером от «Филко», морозильником «Айсмэджик Акрилан» и мебелью «Симмонс Вивкат». («На нашей мебели с феноловым покрытием не остается никаких следов — ни от горящей сигареты, ни от алкогольных напитков!») Все эти рекламные приманки современных дорогих мотелей, включая сияющие никелем душевые «Акрилайт», унитазы «Олсонайт Рерлисент» и туалетную бумагу «Дилсик» (современных тонов и гармонирующих с современным декором) — все это сегодня будет принадлежать мне, только мне одной!

Несмотря на все это великолепие, а также прекрасное расположение мотеля, оказалось

«Сонные сосны» все же не пользовались популярностью. Две недели тому назад, когда я случайно набрела на этот мотель, там было всего лишь два постояльца и ни один номер не был забронирован на оставшиеся две недели сезона.

Когда я в тот вечер вошла в мотель, за регистрационной стойкой сидела миссис Фэнси, седеющая женщина со злыми, недоверчивыми глазами и отвратительными тонкими губами, делающими ее рот похожим на узкую щель. Она внимательно посмотрела на одинокую девушку со странными переметными сумками, и когда я повела свой мотороллер к девятому домику, последовала за мной, чтобы проверить, не записала ли я в карточку фальшивого номерного знака. Ее муж, Джед, был более приветлив и вскоре я поняла почему: когда позже, в кафетерии, он ставил передо мной кофе, он как бы невзначай коснулся тыльной стороной ладони моей груди. Очевидно, он выполнял обязанности и прислуги и повара. Пока его светло-карие глаза медленно осматривали меня с ног до головы, он занудно жаловался на то, что у него еще полно работы, что нужно подготовить мотель к закрытию и что его при этом постоянно отрывают от работы, чтобы готовить яичницу для случайных посетителей.

Они, кажется, были управляющими. Владелец жил в Трое. Некий господин Сангинетти, важная шишка. Владеет огромной собственностью там внизу, в Кохо роуд. Ему принадлежит все, что расположено на берегу реки, «Троянский конь», — придорожная закусочная на дороге, за пределами Олбэни. Может, ты знаешь это место? Я сказала, что не знаю, и господин Фэнси с хитрой усмешкой произнес: «Если захочешь повеселиться, отправляйся в „Троянский конь“. Только одной туда лучше не ходить. Такая симпатичная девушка как ты, может оказаться в неприятном положении. После пятнадцатого, когда я уеду отсюда, можешь мне позвонить. Моя фамилия Фэнси. Номер найдешь в телефонной книге. С удовольствием свожу тебя туда, покажу, как надо веселиться». Я поблагодарила его, сказав, что я здесь всего лишь проездом по дороге на юг, и попросила сделать яичницу из двух яиц с беконом.

Но господин Фэнси не оставил меня в покое. Пока я ела, он сидел за моим маленьким столиком и рассказывал скучные истории из своей жизни. Между делом он задал несколько вопросов о моих планах — кто мои родители, как я чувствую себя одна так далеко от дома, есть ли у меня друзья в Штатах? — и тому подобное — безобидные вопро-

сы, заданные, как мне казалось, из естественного любопытства. В конце концов ему было около сорока пяти, он годился мне в отцы. Было совершенно ясно, что это отвратительный тип, но таких как он было полно. К тому же миссис Фэнси не спускала с него глаз, сидя за столом в другом конце зала.

Наконец господин Фэнси оставил меня и пошел к жене, и пока я курила сигарету и допивала вторую чашку кофе («Бесплатно, мисс. „Сонные сосны“ угощают»), я слышала, как они тихо говорили о чем-то. Судя по тому, что время от времени они начинали смеяться, разговор шел о чем-то для них приятном. Затем подошла госпожа Фэнси и закудахтала как наседка над цыпленком насчет моих рискованных планов («Подумать только! Что же вы, современные девушки, еще придумаете?!»), а потом села и, стараясь быть обаятельной насколько это было в ее силах, спросила, почему мне не остановиться здесь на несколько дней, отдохнуть и к тому же немного подзаработать. Оказалось, что от них день назад внезапно ушла администраторша, а им надо готовить мотель к закрытию сезона и у них совершенно нет времени работать еще и за администратора. Не соглашусь ли я поработать в этом качестве две

недели — полный пансион и тридцать долларов в неделю?

Я подумала, что шестьдесят долларов мне не помешают, так же как бесплатная еда и жилье — ведь я перерасходовала по крайней мере пятьдесят долларов на свои туристские увеселения, и эта сумма как раз пополнит мои финансы. Мне не очень-то понравились супруги Фэнси, но я сказала себе, что они были не хуже других, которых мне доводилось встречать во время странствий. Кроме того, это была первая работа, которую мне предложили, и было любопытно, справлюсь ли я. А может быть, они дадут мне по окончании рекомендательное письмо, которое пригодится, если я захочу подработать в других мотелях по дороге на юг. Задав несколько вежливых вопросов, я сказала, что идея мне нравится. Казалось, супруги Фэнси были очень довольны и Миллисет, как она себя назвала, показала мне, как регистрировать, предупредила, чтобы я следила за теми, у кого с собой мало багажа и кто приезжал на многоместных автомобилях-фургонах и быстро провела меня по всему заведению.

Упоминание о машинах-фургонах раскрыло мне глаза на хитрость, которая наносит урон мотельному бизнесу. Оказывается, есть люди,

особенно молодые пары, только что поженившиеся и обзаводящиеся хозяйством, которые останавливаются в отдаленных мотелях, имея при себе лишь один-единственный чемодан. На самом деле в этом чемодане ничего нет, кроме полного набора воровских инструментов и фальшивых номерных знаков. Они обычно паркуются под навесом рядом со своим коттеджем, запираются в коттедже и ждут, когда погаснет свет в офисе, а затем принимаются за работу: осторожно выкручивают шурупы, которыми крепится оборудование в ванной комнате, пробуют, насколько крепко приделан телевизор и тому подобное. Как только все служащие мотеля ложатся спать, они принимаются за работу по-настоящему: аккуратно складывают постельные принадлежности, полотенца, занавески, откручивают осветительные приборы, разбирают каркасы кроватей, откручивают сидения унитаза и даже снимают сами унитазы, если они знакомы со слесарно-водопроводным делом. Конечно, они работают в темноте, пользуясь крошечным фонариком. Когда все готово, скажем, часа в два ночи, они тихо выносят все через дверь коттеджа на стоянку и складывают в свой фургон. Напоследок они скатывают ковры и используют их как чех-

лы, чтобы замаскировать содержимое фургонов. После этого они меняют номерные знаки и тихо уезжают с полным набором всего необходимого для своей пустой спальни в квартире без мебели, находящейся за много миль от мотеля, где-нибудь в другом штате!

Еще два или три подобных улова — и они оборудуют гостиную и еще одну спальню, и им хватит этого на всю жизнь. Если у них есть сад или веранда, то потребуется несколько ночных набегов на дорогие, расположенные за пределами города бассейны, там они обзаведутся садовой мебелью, а может даже и газонокосилкой и дождевальной установкой.

Миссис Фэнси сказала, что у мотелей нет защиты против такого рода разбоя. Все, что может быть прикручено, прикручивается, и на всем, на чем можно, стоит название мотеля. Единственный момент, когда можно угадать мародеров — когда они регистрируются, и тогда либо не пускать их вообще, либо караулить всю ночь с дробовиком. У мотелей, расположенных в городе, другие проблемы — проститутки, убийцы, которые оставляют трупы в душевых, иногда вооруженные грабежи. Но волноваться особенно нечего. Если я почувствую что-то неладное, нужно просто позвать

Джеда. Он знает, что делать в подобных ситуациях и у него есть оружие. «Успокоив» таким образом, меня оставили одну поразмышлять о превратностях мотельного бизнеса.

Конечно, все это совсем не сложно. В действительности делать было почти нечего, и я даже удивилась, зачем супругам Фэнси понадобилось брать меня на работу. Но они были ленивы, а деньги, которые они мне платили, были не их, и я догадывалась, что какую-то роль здесь сыграло и то, что Джед надеялся в моем лице получить безотказного партнера по постели. Но это тоже было не страшно. Мне просто приходилось увертываться от его рук, разок в день холодно осаживать его и, ложась спать, закрывать дверь на стул, чтоб он не мог воспользоваться запасным ключом, что он попытался сделать на следующую же ночь после моего прибытия.

В первую неделю у нас останавливались на ночь несколько человек, и я поняла, что от меня ждут помощи по хозяйству, но это тоже меня не смущало, к тому же постояльцев становилось все меньше и меньше, а после десятого октября их вообще не стало.

Видимо, пятнадцатое октября какая-то магическая дата в мире отдыхающих. В этот день все

закрывается, за исключением заведений, расположенных вдоль главных автострад. Это как бы означало начало зимы. Приближался охотничий сезон, но у богатых охотников есть свои охотничьи клубы и домики в горах, а охотники победнее оставляют машины на стоянках в местах пикников и на заре отправляются в лес за оленями. Как бы то ни было, после пятнадцатого октября туристы исчезают, а с ними исчезает и возможность делать легкие деньги в Адирондакских горах. По мере того, как день закрытия приближался, было все больше и больше телефонных разговоров между супругами Фэнси и мистером Сангинетти. Одиннадцатого числа миссис Фэнси сказала мне между прочим, что они с Джедом уезжают в Трою тринадцатого, и спросила, не останусь ли я здесь в последнюю ночь одна, чтобы присмотреть за мотелем и передать ключи мистеру Сангинетти, который прибудет на следующий день, чтобы окончательно закрыть мотель.

То, что незнакомую девушку оставляли ответственной за такую ценную собственность, казалось довольно странным, но мне объяснили, что супруги Фэнси увезут всю выручку и журнал регистрации постояльцев, а также запас продуктов и спиртного с собой, и все, что мне останется

сделать, это выключить везде свет и запершись на ключ, лечь спать. Мистер Сангинетти приедет с грузовиками и заберет оставшуюся движимость. После этого я буду свободна. И я согласилась, заверив их, что все будет в порядке. Миссис Фэнси расплылась в улыбке и похвалила меня, но когда я спросила, не даст ли она мне рекомендательное письмо, она завиляла и сказала, что это должен решить мистер Сангинетти, но она обязательно скажет ему, как хорошо я работала.

Итак, последний день прошел в сборах, они грузили вещи в машину-фургон, пока в кладовках и в кафетерии ничего не осталось, кроме небольшого количества бекона, яиц, кофе и хлеба для меня и водителей грузовиков.

Я надеялась, что в этот последний день супруги Фэнси будут любезны со мной. В конце концов, мы неплохо ладили, я не путалась у них под ногами, а, напротив, старалась помочь, как только могла. Но как ни странно, они повели себя совсем не так, как я ожидала. Миссис Фэнси отдавала мне приказания, словно я была прислугой, а Джед стал нахально и отвратительно приставать ко мне, говорил гнусные вещи, даже когда его жена могла это услышать и совершенно открыто пытался облапать меня всякий раз, когда я была в

пределах досягаемости. Я не могла понять такой перемены. Получалось, что они взяли от меня все, что хотели, и теперь могли выказать мне свое презрение, и даже, как мне показалось, — почти отвращение. Я разозлилась и сказала миссис Фэнси, что передумала, уезжаю и хочу получить свои деньги. Но она только засмеялась: "О, нет! Деньги вам отдаст мистер Сангинетти. Они не могут рисковать. А вдруг, приехав, он пересчитает ножи и окажется, что их не хватает. После этого, чтобы не встречаться с ними за ужином, я сделала себе несколько бутербродов с джемом, заперлась в своем коттедже и стала молиться, чтобы скорее наступило утро, и чтобы их здесь уже не было. И вот, как я уже сказала, наконец настало 6 часов утра, и я увидела, как эти чудовища уезжают. Таким образом, это была моя последняя ночь в «Сонных соснах», и завтра я снова отправлюсь в путь. Это был лишь мимолетный эпизод в моей жизни, не такой уж неприятный, несмотря на этих Фэнси. Я научилась кое-чему, что может пригодиться. Я взглянула на часы. Было девять часов. УОКО из Олбани передавало сообщения об урагане. В горах дождь прекратился к полуночи. Если повезет и дождь не пойдет снова, утром я поеду по сухой дороге. Я зашла за стойку бара,

включила электрическую плиту, достала три яйца и шесть кусочков бекона. Мне хотелось есть.

Вот тут-то и раздался громкий стук в дверь.

8. Разбойники из страшной сказки

У меня душа ушла в пятки. Кто бы это мог быть? Потом я вспомнила. Табло «Есть свободные места!» Я нажала на кнопку выключателя, когда ударила молния, а потом забыла выключить это проклятое табло. Что за идиотка! В дверь снова забарабанили. Ну что ж, придется выйти, извиниться и сказать, что мотель уже не работает. Нервничая я подошла к двери, отперла ее и держала приоткрыв, на цепочке.

Навеса над крыльцом не было. Неоновое табло «Есть свободные места» мерцало сквозь пелену дождя, красные блики плясали на блестящих черных плащах и капюшонах мужчин. Позади них стоял черный «Седан». Мужчина, стоявший ближе к двери, вежливо спросил: «Мисс Мишель?»

— Да, это я. Но боюсь, что табло горит по ошибке. Мотель закрыт.

— Конечно, конечно. Мы от мистера Сангинетти. Из его страховой компании. Приехали, чтобы произвести быструю инвентаризацию перед завтрашней консервацией мотеля. Можно

ли нам войти, чтобы не мокнуть под дождем, мисс? Мы покажем свои удостоверения в доме. Ужасная ночь!

Я с сомнением посмотрела на одного и другого, но лиц под капюшонами плащей было не разобрать. Звучало все убедительно, но мне все это не понравилось, и я робко сказала: «Но супруги Фэнси, управляющие, они мне ничего не сказали о том, что вы приедете».

— Конечно, они должны были бы сделать это, мисс. Мне придется доложить об этом мистеру Санганетти. — Он повернулся к мужчине, стоящему позади него.

— Так ведь, мистер Джоунс?

Тот подавил смешок. Почему он хихикнул?

— Конечно, мистер Томсон. — И снова хихикнул.

— О'кей, мисс. Разрешите нам, пожалуйста, войти. Здесь на улице чертовски сыро.

— Я не уверена… Мне сказали никого не впускать. Но так как это от мистера Сангинетти…

Я нерешительно сняла цепочку и открыла дверь. Они ввалились в дверь, — при этом один из них грубо оттолкнул меня плечом, — и встали рядом, осматривая зал. Тот, которого назвали мистер Томсон, стал принюхиваться. С холодного

серого лица на меня смотрели черные глаза:

— Вы курите?

— Да, иногда, а что?

— Я подумал, что вы здесь не одна. — Он взялся за ручку двери, скинув с нее мою руку, захлопнул дверь, запер ее и закрыл на цепочку. Оба сняли плащи, с которых стекала вода, и бросили их на пол. Увидев их лица, я поняла, что нахожусь в опасности.

«Мистер Томсон», очевидно главарь, был высок и худ, как скелет, кожа его была серого цвета, будто он, всю жизнь провел в помещении, никогда не выходя на улицу. Черные глаза медленно скользили по залу, не выражая никакого любопытства, а тонкие с лиловым оттенком губы были похожи на незашитую рану. Когда он говорил, его передние зубы поблескивали серым серебристым металлом. Наверное, на них были надеты дешевые стальные коронки. Я слышала, что так делают в России и Японии. Уши у него были плотно прижаты к костистой, квадратной голове, а жесткие седеющие черные волосы коротко подстрижены, так что через них просвечивался череп. На нем был черный строгий однобортный пиджак с подложенными плечами, узкие брюки, настолько узкие, что костлявые колени выпи-

рали через ткань, и серая рубашка, застегнутая на все пуговицы, без галстука. На ногах — остроносые итальянские башмаки из серой замши. И башмаки, и вся одежда казались новыми. Он был похож на страшную ящерицу, и у меня от страха мурашки побежали по коже.

Если первый из мужчин был ужасен, то второй просто неприятен: маленький, круглолицый молодой человек с влажными, почти бесцветными голубыми глазами и мокрыми толстыми губами. Кожа у него была очень белой, и он, видимо, страдал отвратительной болезнью, при которой выпадают все волосы, — ни бровей, ни ресниц, ни единого волоса на голове, похожей на отполированный биллиардный шар. Если бы я не была так напугана, я бы испытала к нему жалость, тем более, что он был, очевидно, простужен, и, сняв плащ, тут же начал сморкаться. Под плащом на нем была надета черная кожаная ветронепроницаемая куртка, грязные брюки, и мексиканские ботинки из грубой кожи с ремешками, какие носят в Техасе. Он был похож на жестокого ребенка, способного отрывать крылышки у мух, и я отчаянно пожалела, что на мне было так мало одежды, мне казалось, что я почти раздета.

Он кончил сморкаться, и, кажется только те-

перь увидел меня. Осмотрел меня с ног до головы и удовлетворенно ухмыльнулся. Потом обошел вокруг меня. Вернулся на место и издал долгий, низкий свист.

— Глянь-ка, Страх, — он подмигнул напарнику, — какова красотка? Посмотри-ка на эти яблочки. И задница им под стать. А-а, девочка — пальчики оближешь.

— Не теперь. Позже. Давай займемся делом — осмотрим коттеджи. А леди пока организует нам что-нибудь поесть. Как тебе приготовить яйца?

Тот, кого он назвал Стрелком, по-прежнему ухмыляясь, сказал:

— Сделай яичницу, детка. Хорошую, не пережаренную. Как делает мамочка. А то нашлепаю тебя по попке. Прямо по твоей сладенькой попочке. Ах, ах! — пританцовывая и кривляясь, он двинулся ко мне — я отступила к двери. Я притворилась, что очень испугана, даже больше, чем была на самом деле, и когда он совсем приблизился, размахнулась и изо всех сил ударила его по лицу. Прежде чем он оправился от неожиданности, я бросилась к столу, схватила стоявший рядом с ним металлический стул и выставила его перед собой ножками вперед.

Худой засмеялся коротким лающим смехом:

«Заткнись, Стрелок. Я сказал — потом. Оставь эту дуреху. Впереди целая ночь. Делай то, что я велел».

Глаза на лунообразном бледном лице покраснели от возбуждения. Мужчина потер щеку. Мокрые губы медленно растянулись в улыбке. "Ну, бимбо, ты обеспечила себе чудесную ночку! Она будет долгой-долгой, без конца. Поняла?

Я взглянула на них поверх стула, который держала перед собой. Внутри у меня все дрожало от страха. Это были какие-то разбойники из страшной сказки. Тем не менее мне удалось сдержать дрожь в голосе:

— Кто вы? Что все это значит? Покажите мне ваши удостоверения! Как только мимо проедет машина, я разобью окно и позову на помощь. Я канадка. Если со мной что-нибудь случится, завтра у вас будет куча неприятностей!

Стрелок засмеялся:

— Завтра — это завтра. А тебе надо думать о сегодняшней ночи, детка. — Он повернулся к своему худому компаньону: — Может ты лучше вразумишь ее. Страх. Чтобы она стала покладистей.

Страх взглянул на меня. Выражение его лица было холодным.

— Лучше не обижайте Стрелка, леди. Этот парень ни перед чем не остановится. Он не любит, когда женщины его не слушаются. Может, это из-за его внешности. Он такой с тех пор, как отсидел срок в одиночной камере в Сэн Кью. Нервная болезнь. Как врачи это называют, Стрелок?

Стрелок с явной гордостью старательно произнес латинские слова:

— "Alopcia totalis". Это означает облысение, понимаешь? Полное. — Он показал рукой на свое тело. — Ни там, ни там, ни там. Ты когда-нибудь слышала о таком, красотка?

Страх продолжал:

— Поэтому Стрелок быстро звереет. Считает, что общество обошлось с ним несправедливо. Может и ты была бы такой же, если бы заболела этой болезнью. Поэтому он и стал, как это называют у нас в Трое, «исполнителем». Его нанимают, когда нужно кое-что проделать, как мне сейчас, например. Платит ему мистер Сангинетти, он же и решил, что нам лучше приехать сюда и присмотреть за хозяйством, пока не приедут грузовики. Мистеру Сангинетти не понравилось, что такая молодая женщина проведет ночь в одиночестве. Вот он и послал нас составить тебе компанию, бимбо. Ведь так же, Стрелок?

— Именно так. Конечно, — он захихикал, — просто составить тебе компанию, красотка. Отгонять волков. По этой вашей статистике, бывают случаи, когда очень требуется защита. Правильно?

Я опустила стул на крышку стола:

— Итак, как вас зовут? Где ваши удостоверения?

На полке под стойкой бара стояла одна-единственная банка растворимого кофе «Максуэлл-Хаус». Стрелок вдруг повернулся, правой рукой — я и глазом не успела моргнуть — выхватил пистолет и выстрелил. Банка с кофе отскочила в сторону и упала на пол. Пока она падала, Стрелок успел выстрелить еще раз. И из нее посыпался кофе. Потом наступила оглушительная тишина, которую нарушил лишь звук покатившейся по полу пустой банки. Стрелок повернулся ко мне. В руках у него ничего не было. Пистолет исчез. Глаза светились удовольствием от собственной меткости. Он тихо произнес:

— Ты все еще хочешь посмотреть наши удостоверения, детка?

Небольшое облачко голубого дыма достигло меня, и я почувствовала запах пороха. У меня дрожали колени. Я сказала, надеюсь, достаточно презрительно: «Сколько кофе зря пропало. Ну, и

как же вас все-таки зовут?»

Худой сказал:

— Леди права. Тебе не следовало рассыпать кофе, Стрелок. Но видите ли, леди, именно поэтому его и зовут Стрелком, что он очень ловко обращается с оружием. Стрелок Морант. А мое имя Сол Хоровиц. Но все зовут меня Страхом. Понятия не имею, почему. Ты не знаешь, Стрелок?

Стрелок хихикнул:

— Может потому, что ты когда-нибудь кого-нибудь сильно напугал. Страх? А может и не одного, а целую компанию? По крайней мере, мне так рассказывали.

Страх никак это не прокомментировал. Он спокойно произнес:

— Ну, ладно. Пошли! Стрелок, осмотри коттеджи, как я велел. Леди, вы приготовите нам что-нибудь пожевать. Не лезьте, куда вас не просят, а помогайте, тогда вас не обидят. Поняли?

Стрелок грязно ощупал меня глазами и сказал:

— Это не так уж много, красотка, не так ли? — Он прошел к стеллажу с ключами, находившемуся за столом, взял все ключи и вышел через заднюю дверь. Я поставила стул и насколько смогла спокойно, но помня о своих тореадорских штанах, прошла по комнате и зашла за стойку.

Мужчина по имени Страх неторопливо направился к столику кафетерия, самому дальнему от меня. Он отодвинул стул, повертел его, поставил и сел на него верхом. Положив руки на спинку, а подбородок на согнутые руки, он стал смотреть на меня немигающим, ничего не выражающим взглядом, а потом тихо сказал, так тихо, что я едва услышала:

— Мне тоже яичницу, леди. И побольше жареного бекона. И гренок с маслом. А как насчет кофе?

— Посмотрю, осталось ли что-нибудь. — Я опустилась за стойкой на четвереньки. В банке было четыре сквозные дырки. Кофе оставалось всего ничего, в основном все было рассыпано по полу. Я отставила банку в сторону и собрала что смогла с пола в тарелку, нисколько не беспокоясь о том, что попадет пыль. Тот кофе, что оставался в банке, я решила приберечь для себя.

Я специально не поднималась с пола минут пять, стараясь все обдумать и составить план действий. Эти мужчины — гангстеры. Они работают на мистера Сангинетти. Очевидно, так оно и было: мое имя они могли узнать только от него или от супругов Фэнси. Все остальное, что они говорили, было ложью. Их направили сюда в этот

страшный ливень с какой-то целью. Что это была за цель? Они знали, что я канадка, иностранка и могу обратиться в полицию на следующий же день, тогда у них будут неприятности. Стрелок сидел в Сан Квентине. А другой? Конечно! Вот почему он был серый, как мертвец! Наверное, он тоже только что вышел из тюрьмы. Во всяком случае от него так и разило тюрьмой. Таким образом, я действительно могу сделать им много неприятностей: например, сказать полиции, что я журналистка и собираюсь подробно описать, что случается с одинокими девушками в Штатах. Но поверят ли мне? Это табло «Есть свободные места!» Я была совершенно одна в мотеле и тем не менее оставила табло включенным. Не потому ли, что хотела завлечь кого-нибудь? Почему я так разоделась, если никого не ждала? Я старалась не думать об этом, но не могла. Что же нужно здесь этим мужчинам? Машина у них обычная. Если бы они хотели обчистить мотель, они бы приехали на грузовике. Может, их и вправду отправили сюда охранять это место, а обращаются они со мной так просто потому, что так принято у гангстеров? В таком случае грозит ли мне что-нибудь еще хуже? И насколько хуже? Что будет со мной сегодня ночью?

Я поднялась с пола и занялась приготовлением еды. Лучше делать так, как они велят. Не надо давать им повода для раздражения.

Скомканный фартук Джеда валялся в углу. Я подняла его и обвязала вокруг талии. Если бы хоть какое-нибудь оружие! В ящике для ножей был ломик для льда и длинный, очень острый нож для мяса. Я взяла ломик и засунула его за пояс, под фартуком. Нож я спрятала под посудное полотенце рядом с раковиной. Я оставила ящик для ножей открытым и поставила рядом с ним в линеечку стаканы и чашки, чтоб их можно было бросать. Слишком по-детски? Но это все, что у меня было.

Время от времени я бросала взгляд в другой конец комнаты. И каждый раз встречалась глазами с худым мужчиной, не спускавшим с меня глаз — с этим закоренелым преступником, прекрасно понимавшим, что у меня на уме, и представлявшим, как именно я собираюсь защищаться. Я чувствовала это, но продолжала готовиться к обороне. Как когда-то в школе в Англии, я думала о том, что, когда они причинят мне боль, и я знала, что они собираются это сделать, я должна буду тоже сделать им больно. Когда они схватят меня, будут насиловать, убивать, я не должна

легко сдаваться.

Насиловать? Убивать? А что же могло случиться со мной на самом деле? Я не знала. Я знала только, что оказалась в отчаянном положении. Об этом говорили лица мужчин — одно безучастное, другое — похотливое. От них обоих я ждала неприятностей. Почему? Я не знала, но была абсолютно в этом уверена.

Я разбила и влила в миску восемь яиц и осторожно взбила их мешалкой. На сковороде растопила огромный кусок масла, начала поджаривать бекон. Потом вылила яйца в сковородку и начала помешивать их. Руки мои были заняты, а голова не переставала работать: как отсюда убежать? Все зависело от того, забудет или нет запереть заднюю дверь Стрелок, когда вернется после осмотра мотеля. Если забудет, я могла бы выбежать через нее. О том, чтобы воспользоваться «Веспой» не могло быть и речи. Я не пользовалась мотороллером целую неделю. Слишком много уйдет времени, чтобы завести мотор, тем более на холоде. Мне придется оставить все свои вещи, все свои так нужные мне деньги, и просто убежать, как зайцу, петляя и запутывая следы — обогнуть коттеджи и укрыться в зарослях деревьев. Я вспомнила, что вправо бежать не надо. Там за

коттеджами озеро. Побегу влево. В той стороне не было ничего, кроме тянущихся на многие мили лесных зарослей. Я вымокну до нитки, едва успев отбежать от двери несколько ярдов, и буду дрожать от холода всю оставшуюся ночь. Ноги, обутые в эти дурацкие сандалии, будут изодраны в клочья. К тому же я могу и заблудиться. Но все это придется перетерпеть. Главное — убежать от этих злодеев. Все остальное не имело значения.

Яичница была готова, я выложила ее на плоское блюдо и разложила по краям бекон. На другое блюдо положила кучу гренок и кусок масла, завернутого в бумагу, и все это поставила на поднос. Залив кофе кипятком, я с удовольствием увидела, как на поверхности воды поднялась пыль. Мне хотелось, чтобы они подавились этим кофе. После этого я вышла с подносом из-за стойки, чувствуя себя значительно лучше в фартуке и отнесла его к столику, за которым сидел худой.

Ставя поднос на стол, я услышала, как открылась и со стуком закрылась — задняя дверь. Звука поворачивающегося ключа я не услышала. Быстро оглянувшись, убедилась, что в руках у Стрелка ничего не было. Сердце мое начало бешено колотиться. Стрелок подошел к столу. Я снимала тарелки с подноса. Он взглянул на еду, подошел

ко мне сзади, схватил за талию и уткнулся лицом мне в шею: «Именно так готовила яичницу моя мама, детка. Как насчет ночки вместе? Если ты умеешь это так же, как умеешь готовить, ты девушка моей мечты. Ну что, бимбо, договорились?»

Я держала руку на кофейнике, а он собирался взять чашку с кипящим кофе через мое плечо. Страх разгадал мои намерения. Он резко сказал:

— Оставь ее в покое, Стрелок. Я сказал — потом!

Слова прозвучали как удары хлыста и Стрелок сразу же отпустил меня. Худой сказал:

— Тебе чуть глаза кипятком не выжгли. Ты следи за этой дамочкой. Хватит валять дурака, садись. Мы на работе.

На лице Стрелка одновременно появилось выражение и бравады и послушания.

— Имей сердце, приятель. Мне совсем немного надо от этой куколки. И сейчас!

Но он вытащил стул из-за стола и сел, а я быстро отошла в сторону.

Большой радиоприемник и телевизор стояли на подставке рядом с задней дверью. Радио не переставало передавать какую-то тихую музыку, но до этого момента я совершенно не отдавала

себе в этом отчета. Я подошла к приемнику и стала вертеть ручку, чтобы сделать звук погромче. Мужчины тихо говорили друг с другом, слышался только стук вилок и ножей. Теперь или никогда! Я определила на глаз расстояние до дверной ручки и бросилась влево.

9. И тогда я завизжала

Я услышала, как пуля ударилась о металлическую раму двери и, придерживая рукой ломик для колки льда, чтобы он не впился в меня, стремглав бросилась по мокрой траве. Смилостивившись, дождь прекратился, но мои идеально гладкие подошвы скользили по мокрой траве, и я поняла, что бегу недостаточно быстро. Я услышала, как сзади с грохотом распахнулась дверь и голос Стрелка прокричал: «Стой — или ты покойница!» Я начала петлять, затем раздались точно направленные в мою сторону выстрелы и пули, как пчелы жужжа надо мной, шлепались в траву. Еще десять ярдов — я добегу до угла крайнего коттеджа и окажусь в темноте. Я делала обманные движения, двигаясь зигзагами, по коже пробегал озноб. В окне последнего коттеджа звякнуло разбитое стекло, и я оказалась за углом. Нырнув в промокший насквозь лес, я услышала звук заводящегося мотора. Это еще зачем?

Бежать было ужасно трудно. Сосны, с которых капала вода, стояли плотными рядами, переплетаясь ветвями, царапавшими руки, которыми

я закрывала лицо. Тьма была кромешной, и я ничего не видела уже в ярде перед собой. А когда вдруг увидела, чуть не заплакала, потому что поняла, для чего понадобилась машина — ее слепящие фары отсекли меня от кромки леса. Стараясь скрыться от всевидящих глаз, я услышала, как вновь заработал двигатель, машина развернулась и я опять попала в полосу света. Пространства для маневра не оставалось и я была вынуждена бежать наугад в том направлении, где между деревьями был хоть какой-то проход. Когда опять начнут стрелять? В лес я углубилась, едва ли больше чем ярдов на тридцать. Стрельба может начаться в любую секунду! Вздох смешанный с рыданием вырывался из моей груди. Одежда порвалась, а на ногах я ощущала множество ушибов и царапин. Я знала, что долго мне не продержаться. Нужно будет найти дерево потолще, попытаться хоть на мгновение оторваться от лучей фар, забраться под него и затаиться. Но почему они не стреляют? Я споткнулась. Меня повело вправо, на мгновение я оказалась в темноте, стоящей на коленях на насквозь промокших сосновых иглах, рядом было дерево, такое же, как и все остальные, ветви его касались земли. Я заползла под них, прижалась

к стволу, и попробовала дышать размеренно. А затем я услышала, как один из них шел по моим следам. Он не старался идти тихо — это было и невозможно — он шел уверенно, останавливаясь время от времени, чтобы прислушаться. Скоро этот человек по наступившей тишине должен будет понять, что я затаилась где-то рядом. И если он что-нибудь понимает в следах, то без труда обнаружит место, где кончаются вмятины от моих ног — на земле и сломанные ветви на деревьях. Дальнейшее — лишь вопрос времени. Я проползла за ствол дерева, подальше от этого человека и стала наблюдать за фарами, которые ровным ярким светом освещали блестящие мокрые ветви над моей головой.

Шаги и хруст веточек приближались. Я уже слышала тяжелое дыхание. Очень близко голос Стрелка тихо произнес:

— Выходи, крошка. Или папа тебя очень сильно отшлепает. Игра в пятнашки окончена. Пора возвращаться домой к папе.

Маленький луч фонаря начал шарить под деревьями, аккуратно исследуя их одно за другим. Он знал, что я где-то рядом. Затем луч остановился и уперся в пространство под моим деревом. Стрелок произнес тихо с удовлетворением:

— Хай, детка! Папа нашел тебя!

Нашел ли? Я лежала тихо, едва дыша.

Раздался грохот выстрела, сопровождаемый пламенем, и в ствол дерева над моей головой впилась пуля.

— Это чтобы поторопить тебя, крошка. Следующим выстрелом я отшибу твои маленькие ножки.

Так вот что было видно из-под дерева! Устав от страха, я сказала:

— Хорошо, выхожу. Только не стреляй! — и на четвереньках я выползла из-под дерева, истерически думая о том, что это прекрасный способ передвижения на собственную казнь.

Стрелок стоял рядом. Его тускло освещенная голова вся была в черно-желтых пятнах от света и теней, падавших на нее сквозь лес, пронизанный лучами фар. Его наган был направлен мне прямо в живот. Затем он показал мне вперед:

— Ладно. Иди. И без глупостей, а то врежу по твоей смазливой мордашке.

Униженная, натыкаясь на деревья, я побрела к горящим впереди глазам автомашины. Бессилие и жалость к самой себе сжали мне горло. За какие грехи мне все это? Почему Бог выбрал меня в жертву этим двум головорезам? Теперь они

действительно обозлятся. Они будут мучить меня, а потом почти наверняка убьют. Но полиция по пулям, извлеченным из моего тела, найдет их. Интересно, что же за преступление они совершили, если им безразлично, останутся ли улики против них после моего убийства? Каким бы ни было их преступление они должны быть абсолютно уверены в том, что никаких улик не останется. Потому что меня просто не будет! Они похоронят меня, скинут в озеро с камнем на шее!

Я вышла на опушку леса. Худой высунулся из машины и обратился к Стрелку: — Порядок. Посади ее назад. И не будь с ней грубым. Оставь это мне. — Он включил заднюю скорость.

Стрелок сел рядом со мной и свободной рукой стал похотливо меня ощупывать. Я только и смогла сказать: — Прекрати. — У меня больше не было воли сопротивляться.

Он тихо произнес:

— Тебе не повезло, крошка. Страх — подлый парень. Он сделает тебе очень больно. Сейчас ты скажешь мне «да» и пообещаешь, что сегодня ночью будешь вести себя со мной хорошо, а я может быть смогу его чуть-чуть урезонить. Ну, как, крошка?

Я собрала остатки сил:

— Лучше умру, чем разрешу тебе дотронуться до меня!

— Хорошо, сладенькая. Не хочешь по-хорошему, буду действовать сам. Считаю, что ты сама накликала на себя тяжелую ночь. Ты меня поняла?

Он ущипнул меня так сильно, что я вскрикнула. Стрелок довольно рассмеялся:

— Так-так. Пой, крошка! Тебе полезно попрактиковаться.

Он толкнул меня через открытую дверь черного хода в коридор, закрыл дверь и запер ее на ключ. Комната выглядела как и прежде — огни сияли, по радио передавали какую-то веселую танцевальную музыку, огни мерцали и переливались на полировке. Я вспомнила, как счастлива была в этой комнате всего несколько часов назад. О своих размышлениях в этом кресле — отчасти приятных, отчасти печальных, какими мелкими выглядели теперь мои детские печали. Как глупо было думать о разбитых сердцах и о ушедшей юности, когда из-за угла на меня выскочили из темноты эти головорезы. Кинотеатр в Виндзоре? Да это была просто небольшая интермедия, почти фарс. Цюрих? Там было как в раю. В том мире мало кто знает о настоящих джунглях и населяющих их чудовищах. Хотя они всегда ря-

дом. Делаешь неверный шаг, разыгрываешь не ту карту — и попадаешь в них. А там уж ты пропал, потому что мира этого не знаешь и не владеешь ни оружием ни знаниями для борьбы с ними. И у тебя нет компаса, чтобы выбраться из него.

Человек, которого называли Страхом, неподвижно стоял в центре комнаты, в расслабленной позе, опустив руки вдоль тела и бесстрастно разглядывал меня. Затем поднял правую руку и согнул палец. Мои озябшие, покрытые синяками ноги стали непроизвольно переступать — двинулась в его сторону. Когда до него оставалось всего несколько шагов, я вышла наконец из транса и вдруг вспомнила о ломике. Я потянулась рукой к промокшему поясу брюк и нащупала конец ломика. Будет трудно вытащить его, взявшись за рукоятку. Я остановилась перед Страхом. Он продолжал смотреть мне в глаза, и вдруг его правая рука как атакующая змея вылетела вперед и ударила меня по правой, а затем по левой щеке. У меня из глаз потекли слезы, но я опять вспомнила о ломике и «нырнула», делая вид, что стараюсь увернуться от следующего удара. Одновременно, пользуясь моментом, я правой рукой нащупала ломик и, выпрямившись, бросилась на обидчика, стараясь нанести ему самый страшный, какой

только могла, удар по голове. Удар достиг цели, но оказался скользящим, в то же время кто-то сзади схватил меня за руки и оттащил в сторону.

Из раны над виском на сером лице струилась кровь. Я смотрела и видела, как кровь стекала к подбородку. Но выражение лица не изменилось. По лицу не было видно, что ему больно. Только где-то в глубине черных глаз промелькнула красная искорка. Он сделал шаг в мою сторону. Рука у меня разжалась и ломик со стуком упал на пол. Это случилось непроизвольно — ребенок уронил оружие. Все! Сдаюсь! Мир!

А потом медленно, словно лаская, он начал бить меня, сначала ладонью, потом кулаком, выбирая места для удара с утонченной эротической жестокостью. Сначала я качнулась, затем согнулась пополам и отлетела в сторону. Потом начала визжать, серое лицо с подтеками крови и черными дырами вместо глаз смотрело на меня, а руки продолжали молотить и молотить.

В себя я пришла в душе своего коттеджа. Я лежала обнаженной на кафеле пола. Изорванные, грязные остатки моей красивой одежды валялись рядом. Стрелок стоял, прислонившись к стене, держа руку на кране с холодной водой и посасывая деревянную зубочистку. Вместо глаз у

него были блестящие щелки. Он выключил воду и я кое-как встала на колени. Я знала, что сейчас меня начнет тошнить. Это меня не волновало. Я стала прирученным, скулящим зверьком, готовым умереть. Меня начало рвать.

Стрелок рассмеялся. Он нагнулся и похлопал меня по заднице: — Давай, крошка. После битья всех первым делом рвет. Потом почисть себя хорошенько, надень красивое новое платье и приходи к нам. А то яичница сгорела, пока ты бегала. И без фокусов! Хотя, я думаю, у тебя не хватит храбрости попытаться еще раз. Я позабочусь, чтобы черный ход был закрыт. Не волнуйся, крошка. Крови не будет. Могут быть только синяки. Страх прекрасно умеет обращаться с дамами, тебе повезло. Он хипповый парень. Если бы он действительно потерял рассудок, мы бы сейчас копали для тебя могилу. Молись, крошка. До скорого!

Я услышала, как дверь коттеджа с грохотом закрылась и вдруг почувствовала, что снова могу управлять своим телом.

У меня ушло полчаса, чтобы кое-как привести себя в порядок. Но мне все время хотелось броситься на кровать и реветь до тех пор, пока эти гады не придут ко мне со своими наганами, и

не прикончат меня. Но воля к жизни вернулась ко мне, и я привычными движениями уложила волосы. Мое тело слабое, избитое, ноющее от боли, помня гораздо более сильную боль, начало подчиняться мне и потихонечку где-то в подсознании забрезжила мысль, что, вероятно, худшее уже позади. Если бы нет, то почему я все еще жива? По каким-то причинам этим людям нужно было, чтобы я была именно здесь, а не где-нибудь еще. Стрелок так хорошо владел своим оружием, что несомненно мог убить меня, когда я пыталась сбежать. Пули свистели совсем рядом. Но, похоже, он хотел лишь испугать меня и заставить остановиться.

Я надела белый комбинезон. Бог свидетель, он был достаточно безликим. Все свои деньги я положила в один из карманов. Просто так, на всякий случай. На какой всякий случай! Убежать больше не удастся. Ослабевшая, измученная и побитая, я потащилась через коридор.

Часы показывали одиннадцать. Дождь не возобновлялся. Чуть ущербная луна пробивалась через быстро летящие рваные облака, отчего лес время от времени освещался белым светом. На желтом фоне дверного проема вырисовывалась прислонившаяся к косяку фигура Стрелка,

сосущего зубочистку. Когда я подошла, он посторонился, чтобы пропустить меня: «Моя крошка! Свеженькая, как огурчик. Немножко кое-где может быть болит. Придется спать на спине. Но это как раз то, что нам нужно, не так ли, дорогая?»

Поскольку я не ответила, он схватил меня за руку: «Но-но. Где твои манеры, красотка? Может быть, ты хочешь, чтобы тебя обработали с другой стороны?»

— Извините. Я ничего не имела в виду.

— Хорошо, хорошо. — Он освободил мне дорогу. — Теперь иди туда и займись кастрюлями и сковородками. И не зли меня и моего приятеля Страха. Посмотри, что ты сделала с его красивым целовальником!

Тощий сидел за столом на старом месте. Перед ним лежала аптечка первой помощи, взятая из стола портье. Правый висок у него был заклеен большим квадратным куском пластыря. Я взглянула на него с испугом и отошла к столу для приготовления пищи. К тощему подошел Стрелок, сел рядом и они начали о чем-то говорить тихими голосами, иногда посматривая в мою сторону.

Приготовление кофе и яичницы возбудило мой аппетит. Это было непостижимо. С того момента,

когда эти двое вошли в дверь, я находилась в таком напряжении и так была напугана, что не могла проглотить даже чашку кофе. Конечно, после того как меня вырвало, желудок был пуст, но, каким-то любопытным и как я чувствовала позорным образом, побои которым я подверглась, неким необъяснимым образом принесли облегчение. Боль, которая была значительно более сильной, чем напряжение от ее ожидания, расслабила мои нервы и в теле появилась какая-то непонятная точка, излучающая тепло и спокойствие. Я, конечно же, все еще испытывала страх; но испытывала на фоне какой-то фатальной смиренности. При этом организм сигнализировал мне, что он голоден, он хотел вернуть себе утраченные силы и жить дальше.

Поэтому я приготовила яичницу, сварила кофе и поджарила тост с маслом и для себя. Отнеся еду им, я присела к столу в раздаточной, так, чтобы они меня не видели, съела все, что приготовила, и почти спокойно закурила сигарету. Делая это, я знала, что поступаю глупо. Это привлекло их внимание. Хуже того, это означало, что я пришла в себя и мною можно заняться снова. Но еда и бесхитростный процесс ее поглощения — посыпание яиц солью и перцем, добавление сахара в кофе

— все было для меня сейчас почти упоительным, частью прежней жизни, которой я жила тысячу лет назад, до того, как появились эти люди. Каждый глоток, каждый кусочек бекона, жевание тоста с маслом. Все это целиком завладевало моими чувствами. Теперь я знала, что испытывает узник, когда удается тайно передать ему в тюрьму немного еды, что чувствует военнопленный, когда ему приходит посылка из дома, когда удается найти воду в пустыне или получить глоток горячего после того, как тебя тонущего вытащили из воды. Само то, что ты живешь, это такая ценность! Если мне удастся выбраться из нынешней передряги, я буду благодарна за каждый глоток воздуха, которым дышу, за каждый съеденный кусочек, за каждую ночь с прохладным поцелуем простыней, со спокойствием нормального спального ложа за закрытыми и запертыми дверями. Почему я никогда не осознавала этого раньше? Почему мои родители, моя утраченная религия не научили меня этому? Во всяком случае, теперь я это знала. Я сама дошла до этого. Любовь к жизни рождается от ощущения приближающейся смерти, от страха перед ней. Ничто не заставит человека быть благодарным за то, что он живет, пока над ним не распластаются черные крылья

опасности.

Эти судорожные мысли родились от опьянения ужином, в одиночестве под прикрытием раздаточной стойки. На какое-то мгновение я вернулась в старую жизнь. И чтобы продлить это мгновение я прикурила еще одну сигарету.

Примерно через минуту невнятный звук голосов затих. На фоне тихо звучащих по радио «Сказок венского леса» я услышала звук двигаемого стула. В этот момент я запаниковала. Я загасила сигарету судорожно в остатках кофе, встала и начала быстро крутить краны и бренчать тарелками в металлической мойке. Я не смотрела, но знала, что Стрелок пересекает комнату. Он подошел к стойке и перегнулся через нее. Я взглянула на него, изображая удивление. Он все еще сосал зубочистку, перебрасывая ее из угла в угол своего толстогубого рта. В руках он держал коробку с салфетками, которую поставил на прилавок. Затем выдернул из нее несколько штук, высморкался в них, бросил на пол и произнес дружелюбным голосом:

— Ты меня наградила насморком, красотка. Эти гонки по лесу даром не прошли. Да еще и эта неприятность — алопеция. Ну, та самая болезнь, которая лишает волос. Волосы внутри носа тоже

выпадают. А из-за этого знаешь что бывает? Когда простужаешься, из носа начинает лить. Ты меня простудила, красотка. А поэтому мне нужно не меньше коробки салфеток в день. Может, и больше. Ты когда-нибудь такое видела? Ты когда-нибудь думала о людях, у которых отсутствуют волосы в носу? А?! — Глаза без ресниц вдруг стали жесткими:

— Все вы, красотки одинаковы. Думаете только о себе. К черту парней, у которых неприятности! Вам подавай только весельчаков!

Под звуки радио я спокойно произнесла:

— Мне жаль, что у вас такие неприятности. Почему же вы не относитесь сочувственно к моим?

Я говорила быстро, энергично.

— Зачем вы оба пришли сюда и избили меня? Что я вам сделала? Почему вы не отпускаете меня? Если вы меня отпустите, я обещаю, что никому не скажу ни слова. У меня есть немного денег. Я бы могла отдать вам часть их. Скажем, двести долларов. Больше не могу. На остатки мне придется добираться до Флориды. Пожалуйста, ну, отпустите меня, пожалуйста.

Стрелок расхохотался. Он обернулся и прокричал тощему:

— Эй, Страх, принеси полотенце вытирать

слезы. Эта дырка говорит, что даст нам двести долларов, если мы дадим ей смотаться!

Тощий слегка пожал плечами и ничего не ответил. Стрелок повернулся ко мне. Глаза у него были злыми и беспощадными. Он произнес:

— Информирую, красотка! Мы сейчас играем пьесу. Тебе в ней дана главная роль. Тебе должно льстить, что тобою, так сильно интересуются такие важные парни как Страх и я. И такой босс, как мистер Сангинетти. — Какая пьеса? Зачем я вам нужна? Стрелок произнес безразличным тоном: — Тебя обо всем проинформируют утром. А пока заткни свою глупую пасть. От твоей болтовни уши вянут. Я хочу подвигаться. Вот по радио играют какую-то симпатичную музычку. Как насчет того, чтобы потанцевать? Давай покрасуемся немного перед Страхом, а потом отправимся на «сеновал» и займемся своими телами. Двигайся, ципка! — Он вытянул руку, прищелкивая в такт музыке пальцами, и делая быстрые телодвижения.

— Извините. Я устала.

Стрелок зашел за стойку и сердито сказал:

— Ты слишком много болтаешь. Дешевая воровка. Я покажу тебе такое, от чего ты действительно устанешь!

Неожиданно в его руке появилась неприметного вида маленькая черная дубинка. С глухим стуком он опустил ее на стойку. От этого на поверхности стойки осталась глубокая вмятина. Крадучись, он стал огибать угол стойки, бормоча что-то себе под нос и не сводя с меня глаз. Я вдавилась спиной в самый дальний угол помещения. Это будет моим последним усилием, но я должна что-то сделать, прежде чем погибну. Я нащупала рукой открытый ящик с ножами и вилками и резким движением выдернула все, что смогла ухватить. Его прыжок оказался недостаточно быстрым и серебряные стрелы ножей и вилок полетели ему в голову. Он прикрыл лицо рукой и, ругаясь, отступил. Я метнула другие ножи и вилки, потом еще и еще, но они не принесли ему никакого вреда — просто шлепались рядом. Теперь тощий встал и быстро стал пересекать зал. Я схватила разделочный мясной нож и сделала выпад в сторону Стрелка. Но он заметил мое движение и нырнул под стол. Не торопясь, Страх снял пальто и обмотал им левую руку. Потом они оба подняли стулья и выставив их ножками вперед, словно быки, нацелившие свои рога на жертву, стали наступать на меня, с обеих сторон. Я сделала один неудачный выпад в сторону напа-

давших, а затем нож был выбит у меня из руки, и единственно, что я могла сделать, это забежать обратно за стойку.

Продолжая держать стул. Стрелок пошел за мной, но пока я стояла, глядя на него и держа по тарелке в каждой руке, тощий резко перегнулся через стойку и схватил меня за волосы. Я бросила тарелки, но они только ударились об пол. А потом мою голову пригнули к поверхности стойки и Стрелок оседлал меня.

— Порядок, Страх. Отпусти ее. Теперь дело за мной!

Я почувствовала, как его сильные руки обхватили меня, ломая кости. Его лицо приблизилось ко мне, он как-то по-звериному впился мне в рот, в то время как его руки уцепились за молнию комбинезона и расстегнули ее до самой груди.

И вдруг у парадного входа раздался резкий звонок. Все застыли.

10. Это еще что такое?

— Христос, это еще что такое? — Стрелок отпрянул от меня и опустил руку в карман кожаного пиджака.

Страх опомнился первым. Выражение его лица было холодным и злобным.

— Встань за дверью. Стрелок, и не стреляй, пока я не скажу. А ты, — он выплюнул эти слова в мою сторону, — сделай нормальное лицо. Мы будем стоять за тобой. И если тебе это не удастся, считай себя покойницей. Понятно? Тебя пристрелят. Теперь иди к двери и узнай, кто там. Расскажи им ту же историю, которую ты рассказывала нам. Ты меня поняла? И чтобы я не видел этого глупого выражения на твоем лице. Никто не сделает тебе ничего плохого, если будешь выполнять то, что я тебе велю. Застегни молнию, черт бы тебя побрал!

Я судорожно попыталась это сделать, но ее заело.

— Хорошо. Придержи ее руками и двигайся. Я буду стоять позади тебя. И не забудь: одно неправильное слово — и получишь пулю в спину. И

тот, кто за дверью, тоже. Теперь дуй к двери!

Сердце у меня бешено колотилось. Всеми правдами и неправдами, что бы ни случилось, я собиралась спастись!

Теперь в дверь громко стучали. Я медленно подошла к ней, придерживая рукой комбинезон на груди. Я знала, что нужно сделать прежде всего!

Когда я подошла к двери. Стрелок нагнулся и открыл замок. Теперь все зависело от быстроты моих рук. Левой рукой я взялась за дверную ручку. Поворачивая ее, я отпустила комбинезон и освободившейся правой рукой молниеносно отдернула дверную цепочку. Кто-то тихо ругнулся за моей спиной и я почувствовала, как ствол нагана уперся мне в спину. Но я широко распахнула дверь, прижав ею Стрелка к стене. Я рискнула, полагая, что они не будут стрелять, пока не убедятся, что перед ними не полицейские и не дорожный патруль. Стрелять они действительно не стали. Теперь все зависело только от человека, стоявшего на пороге.

Взглянув на него, я внутренне застонала. Боже, это один из них! Он стоял совершенно спокойно, полностью владея собой и в нем чувствовалась такая же уверенность в себе, как и у остальных. Одет он был, как одеваются гангстеры в фильмах

— темно-синий плащ, с поясом и мягкая черная шляпа, низко надвинутая на глаза. Он был хорош собой, но красота его была мрачной, даже жестокой. На левой щеке белел шрам. Я быстро подняла руку вверх, чтобы прикрыть обнаженную грудь. Он вдруг улыбнулся — и я почувствовала, что со мной все будет в порядке.

Сердце у меня екнуло, когда он заговорил. Он был англичанином. — Прошу прощения. Я проколол колесо, — (американец бы сказал, что у него спустило колесо), — а потом я увидел табло «СВОБОДНО». Могу ли я снять комнату на ночь? — Теперь он посмотрел на меня с любопытством, до него стало доходить, что что-то здесь не так.

То, что я собиралась сделать, было рискованно! Нас обоих могли запросто убить. Я сказала:

— Извините, но мотель закрыт. Вывеску «СВОБОДНО» включили по ошибке.

Говоря это, я согнула указательный палец руки, которую держала у груди, приглашая его войти. Он выглядел озадаченным. Я должна была дать ему намек:

— Прокол настолько серьезен, что вы не можете доехать до Лейк Джорджа?

— Никак не могу. Я уже целую милю проехал на ободе. Сорвало покрышку.

Я незаметно сделала движение, головой приглашая его войти:

— Ну, хорошо, владелец мотеля прислал сюда людей из страховой компании. Я должна спросить их. Подождите, пожалуйста. — И я снова поманила его пальцем. Затем повернулась и сделала два шага внутрь помещения, стараясь держаться поближе к двери, чтобы никто из находящихся внутри не смог ее захлопнуть. Но они стояли у стены, держа руки в карманах. Выражение их лиц несколько отличалось от прежнего. Человек в плаще понял мой намек и вошел внутрь. Когда он увидел этих двух, его лицо несколько посерьезнело, но он беспечно произнес:

— Полагаю, вы все слышали. У вас нет возражений, чтобы я провел здесь ночь?

Стрелок с пренебрежением произнес:

— Христос! Англичашка! Это что, ООН?

Тощий был краток:

— Никаких шансов, приятель. Вы слышали, что сказала леди. Мотель закрыт. Мы поможем вам заменить колесо, и вы сможете продолжить свой путь.

Англичанин беспечно ответил:

— Немного поздновато. Я еду на юг и сомне-

ваюсь, что мне встретится еще какое-нибудь заведение по дороге до Гленз Фолз. Мне было бы предпочтительно остаться здесь. В конце концов вывеска «СВОБОДНО» включена.

— Вы слышали меня, мистер, — голос Страха стал жестким. Он повернулся к Стрелку. — Пошли. Поможем ему поменять колесо. — Оба сделали шаг в сторону двери. Но англичанин, благослови его господь, настаивал на своем.

— У меня есть друзья в Олбани, очень влиятельные друзья. Вы ведь не хотели бы лишиться лицензии на содержание мотеля? На вывеске написано «СВОБОДНО», дом освещен. Я устал и требую комнату. — Он повернулся ко мне. — Вам это не доставит никаких неудобств?

Я задохнулась.

— О, нет. Совсем никаких. Я вмиг приготовлю вам комнату. Уверена, что мистер Сангинетти не хотел бы, чтобы мы лишили его лицензии? — Я повернулась к гангстерам с широко открытыми глазами и невинным видом. Казалось, они вот-вот вытащат оружие. Но тощий отошел в сторону. Стрелок за ним и какое-то мгновение они о чем-то шептались. Я воспользовалась моментом и кивнула англичанину настойчиво и в то же время умоляюще. Он улыбнулся мне еще

раз своей успокаивающей улыбкой.

Тощий повернулся.

— Хорошо, англичашка. Ты можешь получить комнату. Но не пытайся давить на нас этим трепом насчет Олбани. У мистера Санганетти тоже есть друзья в столице. Может быть, ты прав относительно этой вывески «СВОБОДНО». Но не дави на свою удачу. Мы здесь отвечаем за все и все делается так, как мы скажем. Договорились?

— Идет. И спасибо. Я возьму свою сумку из машины.

Он сделал движение, чтобы выйти. Я быстро произнесла: — Я помогу вам, — и поспешила вперед, судорожно пытаясь застегнуть молнию и испытывая неловкость за то, что предстала перед ним в таком виде. Слава богу, она внезапно поддалась, и я застегнула ее до самого горла.

Он нагнал меня. Стараясь говорить убедительно, едва шевеля губами и будучи уверенной, что один из гангстеров стоит в дверях, наблюдая за нами, я сказала:

— Спасибо вам. И слава богу, что вы приехали! Они хотели убить меня. Но, ради бога, будьте осторожны. Это гангстеры. Я не знаю, чего они хотят. Должно быть, у них на уме — что-нибудь плохое. Они стреляли в меня, когда я попыталась

убежать!

Мы подошли к машине. Это был темно-серый двухместный «Сандерберд» с мягким бежевым верхом. Великолепная модель. Я ему это сказала. Он ответил, что машину взял напрокат и добавил:

— Обойдете ее с другой стороны. Изобразите, что вы ею восторгаетесь. — Он наклонился, открыл низкорасположенную дверцу и стал копаться внутри. При этом спросил:

— Вооружены оба?

— Да.

— По скольку пистолетов у каждого?

— Не знаю. Маленький очень здорово стреляет, с двадцати футов или около того. О другом не знаю.

Он достал маленький черный атташе-кейс, поставил его на землю и щелкнул замками. Достал что-то из-под сложенной в нем одежды и опустил во внутренний карман. Покопался в кармашке на крышке кейса, вынул какие-то плоские черные предметы, которые, вероятно, были обоймами и спрятал их. Затем прищелкнул чемоданчик, сказал: — Нужно иметь побольше снарядов, — и демонстративно захлопнул дверцу машины и выпрямился. Мы оба подошли к заднему крылу

машины и наклонились, разглядывая спущенное колесо. — Как здесь насчет телефона?

— Перерезан.

— Поселите меня в номер рядом с вашим.

— Конечно.

— Хорошо. Пошли. И держитесь ближе ко мне, чтобы они ни говорили и ни делали.

— Да. И спасибо вам.

Он поднялся и улыбнулся.

— Пока рано. Сначала нужно выдаться отсюда.

Мы вернулись вместе. Стрелок, стоявший в дверях, захлопнул их за нами и запер. Как бы подумав, он протянул руку к выключателю и погасил табло «СВОБОДНО» и сказал:

— Вот твои ключи, англичашка, — и он бросил ключи на стол.

Я подняла их и посмотрела на номер комнаты. Сорок — последняя по коридору налево. Тогда я твердо произнесла: — Джентльмен остановится в номере 10, рядом со мной, и направилась к стойке, забыв, что все остальные ключи находились у Стрелка.

Тот последовал за мной, ухмыляясь: — Номер не пройдет, крошка. Мы ничего не знаем об этом парне. Поэтому Страх и я будем спать в номерах рядом с твоим, чтобы убедиться, что тебя никто

не беспокоит. Остальные ключи уже собраны и готовы к отправке. Есть только номер 40 и больше ничего. — Он повернулся к англичанину: — Эй, англичашка, как тебя зовут?

— Бонд. Джеймс Бонд.

— Довольно дурацкое имя. Ты из Англии?

— Правильно. Где журнал регистрации? Я для вас напишу свое имя по буквам.

— Хм. Сильно умный? Каким бизнесом занимаешься?

— Полицейским.

У Стрелка отвисла челюсть. Он облизал губы, обернулся и обратился к Страху, который сидел на старом месте.

— Эй, Страх. Ты представляешь? Этот малый — лягавый, английская ищейка. Как тебе это нравится? Сыщик!

Страх кивнул.

— Я это нюхом почуял. Плевать. Мы не делаем ничего плохого.

— Ага, — с готовностью подтвердил Стрелок — тоже правильно. — Он повернулся к мистеру Бонду: — Не вздумай слушать чушь, которую несет эта маленькая воровка. Видишь ли, мы из страховой компании. Вроде экспертов-консультантов. Работаем на мистера Сангинетти. Он

большой человек в Трое. Владелец этого заведения. Ну, а от администрации поступили жалобы на исчезновение части движимого имущества. И денег. Поэтому-то мы здесь — чтобы провести что-то вроде расследования. А когда мы задали вопрос этой маленькой бродяге, она трахнула моего друга ломиком по башке. Сами посмотрите. — И он махнул в сторону Страха. — Как вам это нравится? Когда вы приехали, мы собирались провести что-то вроде задержания. — Он повернулся. — Правильно, Страх?

— Как будто так и было.

Я сердито сказала:

— Это сплошная ложь, и вы это знаете.

Я подошла к двери черного хода и указала на пробитую раму и капельку свинца.

— Откуда здесь это пулевое отверстие?

Стрелок рассмеялся от всей души:

— Обыщи меня, сестренка. — Он повернулся к Страху. — Ты видел, чтобы здесь летали какие-нибудь пули?

— Нет, я не видел. — Голос Страха был раздраженным. Вялым жестом он указал на пол рядом со стойкой: — Но я видел массу посуды, которую эта леди швыряла в моего приятеля. — Он медленно перевел взгляд на меня. — Не так ли, леди? И там

где-то валяется еще большой разделочный нож. Неплохая мысль, кстати, привлечь тебя завтра утром к ответственности за нападение.

— Как же вам не стыдно! — начала я горячиться. — Надо же, куда вас занесло! Вы прекрасно знаете, что я пыталась защищаться! А что касается этой истории насчет вещей и денег, я ее впервые слышу. И это вы тоже знаете.

Англичанин спокойно вмешался.

— Ну ладно, мне кажется, я появился как раз вовремя, чтобы восстановить мир. Где регистрационная книга, я хочу расписаться.

Стрелок кратко произнес:

— Книга у босса. Нет смысла расписываться в том, чего вы не делаете. Вы не будете платить. Заведение закрыто. Можете воспользоваться номером за счет хозяев.

— Хорошо, спасибо. Очень любезно с вашей стороны. — Джеймс Бонд повернулся ко мне. — А могу ли я рассчитывать на яичницу с беконом и кофе? Эти разговоры возбудили мой аппетит. Если все это есть, приготовить я могу все сам.

— О, нет, — я почти бегом бросилась за стойку. — Я с удовольствием приготовлю вам ужин.

— Большое спасибо. — Он повернулся спиной к Стрелку, не торопясь подошел к стойке и взгро-

моздился на вращающийся стул, положив свой кейс на стул рядом.

Краешком глаза я видела, как Стрелок развернулся на каблуках, быстро подошел к тощему, присел и начал что-то ему настойчиво внушать.

Джеймс Бонд посмотрел на них через плечо, затем слез со стула, снял плащ и шляпу, положил их поверх кейса и взобрался обратно на стул. Он безмолвно наблюдал за гангстерами в продолговатое зеркало, висевшее над стойкой, в то время, как я была занята приготовлением еды, изредка бросая на него быстрый взгляд.

Рост у него был около шести футов, строен и хорошо сложен. Глаза на худощавом, слегка тронутом загаром лице были очень светлого серо-голубого цвета, сейчас, когда он наблюдал за этими опасными людьми, они были холодны и насторожены. Прищуренный, бдительный взгляд придавал ему почти жестокий вид, который и испугал меня, когда я увидела его в первый раз. Теперь же, увидев, как он может улыбаться, я знала, что одно его лицо может вызвать во мне физическое влечение, чего никогда раньше со мной не; бывало. На нем была белая шелковая рубашка с тонким; черным вязаным галстуком, свисавшим свободно, без заколки. Однобортный

костюм из темно-синего легкого материала, вероятно, — из альпаки. Сильные, весьма красивые кисти рук спокойно лежали на стойке. Из заднего кармана брюк он достал широкий плоский портсигар из темного серебристого металла и открыл его.

— Хотите? Это «Синиор Сервис». Думаю, теперь надо переходить на «Честерфилд». — От улыбки кончики его губ слегка опустились.

— Нет. Благодарю. Не сейчас. Когда все приготовлю.

— Между прочим, как вас зовут? Вы канадка, не так ли?

— Да, из Квебека. Но последних лет пять провела в Англии. Меня зовут Вивьен Мишель. Мои друзья называют меня Вив.

— Как же, бог ты мой, вам удалось попасть в такую переделку? Эти двое — жестокие убийцы, я не видел таких уже много лет. А Троя — очень плохой город. Это что-то вроде гангстерского пригорода Олбани. Тощий только что отсидел длительный срок. Если я ошибаюсь, я съем свою шляпу. Другой похож на психопата, самого гнусного типа. Как же все это произошло?

Я рассказала ему все, стараясь быть краткой, но не упустить ничего важного. При этом я

продолжала готовить еду. Он спокойно слушал меня, никак не комментируя. По радио все еще передавали музыку, но гангстеры сидели тихо, наблюдая за нами, поэтому я говорила тихим голосом. Окончив рассказ, я спросила:

— А то, что вы полицейский, это правда?

— Не совсем. Но я работаю в этой сфере.

— Вы имеете в виду, что вы детектив?

— Что-то вроде этого.

— Я знала это.

Он рассмеялся:

— Откуда?

— О, я не знаю. Но выглядите, — как бы это сказать? — опасно. И тот пистолет, который вы вытащили из сумки, и патроны… Вы, — я не знала, удобно ли это спрашивать, но мне нужно было это знать. — Вы официальное лицо? Я имею в виду, вы работаете на правительство?

Он улыбнулся ободряюще:

— О, да. Об этом не беспокойтесь. И меня знают в Вашингтоне. Если мы благополучно выкрутимся, я позабочусь об этой парочке. — Его глаза снова стали холодными. — Я прослежу за тем, чтобы они ответили за то, что они с вами сделали.

— Вы мне верите?

— Конечно. Каждому слову. Но вот чего я не

могу понять, так это их замыслов. Кажется, они считали, что им ничего не будет за то, что они собирались с вами сделать. И сейчас кажется, что они абсолютно не волнуются по поводу моего появления на сцене. Мне это не нравится. Они что-нибудь пили? Они курят?

— Нет. Ни то, ни другое.

— Это мне тоже не нравится. Этого не делают только профессионалы.

Я окончила приготовление ужина и поставила его перед ним на стойку. Он ел так, словно был действительно голоден. Я спросила, все ли в порядке. Он ответил, что все великолепно, и у меня внутри потеплело. Фантастическая удача, что этот человек, именно этот человек, мистическим образом появился ниоткуда! Совершенно неожиданно. Я поклялась себе, что сегодня на ночь помолюсь, впервые за многие годы. Я услужливо вертелась вокруг него, предлагая еще кофе, еще джема. Наконец он ласково рассмеялся:

— Вы портите меня. Спасибо, но хватит. Да, забыл. Вам пора дать сигарету. Вы заработали весь портсигар. — Он прикурил от Ронсоновской зажигалки, сделанной из того же металла что и портсигар. Я коснулась его рукой и почувствовала как бы электрический удар, пронизавший

все мое тело. Вдруг я поняла, что дрожу. Я быстро собрала тарелки и начала их мыть. — Ничего я не заработала, — сказала я. — Так хорошо, что вы здесь. Это чудо. — Я поперхнулась и почувствовала, что у меня по щекам текут слезы. Тыльной стороной руки я провела по глазам. Он должно быть видел, но сделал вид, что не видит.

Бодрым голосом он произнес:

— Да, это была удача. Во всяком случае, я надеюсь, что это так. Но цыплят считать еще рано. Вот что. Мы должны пересидеть этих громил. Подождать, пока они двинутся — пойдут спать или еще что. Хотите узнать, как я здесь очутился? Через пару дней об этом напишут в газетах. Только обо мне там не будет ни слова. Поэтому вы должны обещать, что забудете о моей роли в этом деле. В действительности все это глупо, все эти инструкции. Но я обязан их выполнять. Хорошо? Это, может быть, отвлечет вас от неприятных мыслей, а они у вас наверняка сейчас неприятные.

Я благодарно произнесла:

— Да, пожалуйста, расскажите мне. А я обещаю. Вот вам крест.

11. Вместо вечерней сказки

Я взгромоздилась на сушильный стол около раковины, находившейся рядом с ним, чтобы он мог говорить тихо и чтобы быть поближе к нему. Отказалась от еще одной сигареты, а он закурил и в течение долгой минуты не отрывал взгляда от зеркала, наблюдая за гангстерами. Я тоже смотрела. А они смотрели на нас с безразличной враждебностью, которая медленно растекалась по комнате как отравляющий газ. Мне не очень нравилось их хладнокровие и то, что они наблюдали за нами. Они казались такими сильными, такими неуязвимыми — словно все преимущества были на их стороне и времени у них было — вечность. Но казалось, что и Джеймс Бонд не беспокоился. Он как бы просто оценивал их как шахматист оценивает позицию. Меня беспокоила его уверенность в своих силах и чувство превосходства, светившееся в его глазах. Он ведь не видел этих людей в деле, не знал, на что они способны и как в любой момент могут выхватить оружие и снести наши головы, как артист в цирке выстрелом сбивает кокосовые орехи, а

затем бросить наши тела в озеро, привязав к ним камни, чтобы не всплыли. Но Джеймс Бонд начал говорить, и я забыла о своих кошмарах и просто слушала, наблюдая за его лицом.

— В Англии, — начал он, — когда мужчина или изредка женщина перебегает от русских с важной информацией, существует определенная процедура. Возьмем, к примеру, Берлин. Это наиболее распространенный путь для перебежчиков. Сначала их доставляют в разведку и относятся к ним на первых порах с очень большой подозрительностью. Это для того, чтобы проверить и убедиться в том, что они не двойные агенты, то есть люди, которые делают вид, что перебежали, а как только служба безопасности дает им добро, начинают шпионить против нас изнутри и передают добытую информацию обратно русским. Существуют также тройные агенты. Эти люди делают то же, что и двойные, но потом передумывают и под нашим контролем снабжают русских ложными сведениями. Понимаете? В действительности это очень сложная игра. Но в нее играют и политики, и дипломаты, здесь замешан и национализм, и комплекс силы, который используется в отношениях между странами. И никто из этой игры добровольно не выходит. — Это как охотничий

инстинкт.

— Понимаю. Моим сверстникам это все кажется идиотизмом. Все равно как старая детская игра. Нам нужны новые Джеки Кеннеди. Всеми этими играми занимаются старики. Они должны передать власть молодым, у которых подсознание не отягощено манией войны. Как будто война является единственным решением всех вопросов. Это же все равно, что бить детей. Очень похоже! Каменный век какой-то.

Он улыбнулся:

— Сказать по правде, я с вами согласен, но широко не распространяйте ваши идеи, а то я останусь без работы. Во всяком случае, после того, как перебежчик проходит через сито в Берлине, его переправляют в Англию и там с ним заключают сделку. Он рассказывает все, что знает о стартовых площадках русских, а взамен ему выдают Британский паспорт и убежище, где русские никогда его не найдут. Конечно, этого они боятся больше всего — что русские начнут за ними охотиться и убьют. А если они работают нормально, им предоставляется выбор — Канада, Австралия, Новая Зеландия или Африка. Таким образом, после того, как они расскажут все, что знают, их переправляют в выданную ими стра-

ну. А там существует организация, ведающая приемом таких лиц. Конечно, все это происходит в глубокой тайне. Организация берет над ними шефство, постепенно подыскивает работу и вводит в общество, так, как если бы они были законными иммигрантами. Это почти всегда срабатывает нормально. Поначалу у них бывает тоска по дому, трудности с приспособлением к новому месту. Но кто-нибудь из организации всегда бывает поблизости, чтобы оказать помощь, когда они в ней нуждаются.

Джеймс Бонд закурил снова.

— Я не рассказываю вам чего-нибудь такого, о чем русские не знают. Единственным секретом в этом деле являются адреса этих людей. Есть один человек. Я его называю Борис. Он живет в Канаде, в Торонто. Это просто находка! Золото высшей пробы. Он был одним из ведущих конструкторов судов в Кронштадте, был руководителем по созданию определенного типа атомных подводных лодок. Он перешел в Финляндию, а оттуда — в Стокгольм. Мы переправили его в Англию. Русские не часто сообщают о своих перебежчиках. Просто обругают и оставляют в покое. Если перебежчик занимал высокое положение, могут забрать его семью и сослать в Сибирь, чтобы

другим не повадно было. Но с Борисом все получилось по-другому. Они разослали общий приказ всем своим секретным службам уничтожить его. К счастью, организация под названием «СПЕКТР» каким-то образом узнала об этом.

Джеймс Бонд тяжелым взглядом посмотрел на парочку в другом конце зала. Они сидели не шелохнувшись, наблюдая и ожидая. Чего? Джеймс Бонд повернулся ко мне:

— Я вас не утомляю?

— О, нет. Конечно, нет. Это чрезвычайно интересно. А эти люди из «СПЕКТРА»... Я не могла читать о них где-то в газетах?

— Вероятно, да. Около года назад произошла история с кражей атомных бомб. Операция называлась «Шаровая молния». Помните? — Его взгляд блуждал где-то далеко. — Это было на Багамских островах.

— О, конечно, помню. Об этом писали во всех газетах. В это трудно было поверить. Как в детективном романе. Простите, а вы к этому тоже имели отношение?

Джеймс Бонд улыбнулся.

— В некотором роде. Но дело в том, что нам так и не удалось полностью обезвредить «СПЕКТР». Руководство его скрылось. Они представляли

собой некую самостоятельную шпионскую сеть. Они замысловато называли себя Специальным исполнительным комитетом по контрразведке, терроризму, ответным действиям и принуждению. Как я уже сказал, прослышав, что русские хотят убить Бориса, они снова зашевелились и каким-то образом узнали о его местопребывании. Не спрашивайте меня как. Эти люди чертовски хорошо осведомлены. Итак, они сообщили руководителю КГБ в Париже, — местному представителю русской секретной службы, о том, что могут выполнить эту работу за сто тысяч фунтов стерлингов. Предположительно Москва дала согласие, потому что дальше из Оттавы знаменитая королевская конная полиция связалась с нами. У них есть специальное подразделение, с которым мы тесно сотрудничаем в подобных вопросах. Они сообщили, что в Торонто находится один бывший гестаповец, парень по имени Хорст Ульманн, и что он устанавливает контакты с местными бандами. Они спросили, знаем ли мы об этом. По их сведениям, он намеревался устранить какого-то иностранца и был готов заплатить за это пятьдесят тысяч долларов. Ладно. Складываем два и два — и вот у одного из самых умных парней в нашей конторе мелькнула догадка, что

это русские стараются организовать покушение на Бориса. Потому — уголки губ Джеймса Бонда опустились — меня и послали разобраться в этом деле.

Он улыбнулся:

— Может быть, лучше включить телевизор?

— О, нет. Продолжайте, пожалуйста.

— Ну, хорошо, знаете у них в Торонто была масса неприятностей. Это вообще сложный город. А тут еще разразилась всеобщая война между местными бандами. Так что — вы, вероятно, читали об этом в газетах — канадской полиции пришлось призвать на помощь двух самых опытных сыщиков из криминального отдела Скотланд Ярда. Одному из них удалось внедрить шустрого молодого канадца к «Механикам» — это название одной из самых жестоких банд в Торонто с филиалами вдоль всей границы от Чикаго до Детройта. Именно этот молодой человек и пронюхал про этого Ульманна и про то, что тот собирался сделать. Ну, мы с приятелями из канадской полиции занялись этим делом, и опуская подробности, выяснили, что действительно готовилось покушение на Бориса, и что «Механики» должны были провести акцию в прошлый четверг, то есть неделю тому назад. Ульманн ушел в подполье,

и мы не могли найти его следов. Единственное, что мы смогли выяснить через нашего человека у «Механиков», — это что Ульманн согласился возглавить команду убийц, в которую входили три самых жестоких боевика этой банды. Они собирались совершить нападение на квартиру Бориса — просто ворваться через парадную дверь, разорвать его в клочья и смыться. Это должно было произойти ночью, незадолго до двенадцати. «Механики» должны были установить постоянный пост перед домом, чтобы проследить, когда Борис вернется с работы, и не дать ему больше никуда выйти.

Помимо охраны Бориса, моей главной задачей было добыть во что бы то ни стало этого Хорста Ульманна, потому что мы были уже почти уверены, что он человек из «СПЕКТРА», а мне надлежало следить за ними, где бы они ни появлялись. Конечно, мы не должны были подвергать Бориса опасности. Но, если бы мы спрятали его в безопасном месте, покушения не было бы, а следовательно не было бы и Ульманна. Поэтому я и был вынужден сделать довольно рискованное предложение — Джеймс Бонд мрачно улыбнулся. — Я бы сказал рискованное для меня. По фотографиям я обнаружил, что между Борисом

и мной существовало поразительное сходство. Он был приблизительно моего возраста, роста, смуглый, всегда гладко выбритый. Целый день я наблюдал за ним из полицейской машины скрытого патрулирования, чтобы изучить его походку и манеру одеваться. В день, на который было назначено убийство, Бориса должны были спрятать, а мне предстояло занять его место и «вернуться» вместо него к нему домой.

Не удержавшись, я взволнованно сказала:

— О, вам не следовало так рисковать. А что если бы они изменили план. И решили убить вас на улице или использовать бомбу с часовым механизмом, или что-нибудь еще?

Он пожал плечами:

— Мы думали обо всем этом. Риск несомненно был. Но за то, что я рискую, мне платят. — Он улыбнулся. — Во всяком случае, как видите, я здесь. Но идти по улице было неприятно и я обрадовался, когда, войдя в дом коллеги-канадцы заняли квартиру напротив, я знал, что все будет в порядке и просто должен был играть роль подсадной утки, пока охотники стреляют по диким. Я мог бы даже не заходить в квартиру, а спрятаться где-нибудь внутри дома, пока все не закончится, но тут меня осенило, что утка должна быть

настоящей. И я был совершенно прав, как оказалось. В одиннадцать часов зазвонил телефон. Мужской голос спросил: «Это мистер Борис»? Я ответил: «Да. Кто это?» — стараясь говорить с акцентом. Голос на другом конце провода назвался вымышленным именем, сказал: «Благодарю вас. Это из телефонной справочной службы. Мы просто проверяем номера абонентов в вашем районе. Спокойной ночи». Я пожелал ему того же и поблагодарил бога за то, что он надоумил меня быть в квартире и ответить на ложный звонок, сделанный с целью убедиться, что Борис действительно дома.

Последний час прошел в нервном напряжении. Ожидалась сильная перестрелка и, вероятно, куча покойников. Такая перспектива никому не нравится, даже если тебе кажется, что в тебя-то не попадут. У меня при себе была пара пистолетов очень крупного калибра. Без десяти двенадцать я занял позицию справа от двери у сплошной кирпичной стены и приготовился встретить Ульманна или одного из его бандюг, если они смогут прорваться в подъезд через полицейский заслон. По правде говоря, по мере того, как проходили минуты и я мысленно представлял себе как машина с убийцами подъезжает к дому, как

из нее вываливаются люди и тихо взбегают по ступенькам, я пожалел, что не принял предложение полиции о том, чтобы это «бдение», как они его называли, со мной разделил один из их сотрудников. Это означало, что мне пришлось бы провести с ним один на один пять часов. Я всегда предпочитаю действовать в одиночку. К тому же я не представлял, о чем бы мы могли с ним говорить в течение всего этого времени. Так уж я создан. Итак, часы отстукивали минуты и секунды. Ровно без пяти двенадцать я услышал на лестнице шорох резиновых подошв и вдруг разверзся ад.

Джеймс Бонд остановился и провел рукой по лицу. Жест был таким, словно он либо хотел что-то восстановить в памяти, либо попытаться стереть из нее какие-то воспоминания. Потом он закурил еще одну сигарету и продолжил:

— Я услышал, как лейтенант, возглавлявший группу полицейских прокричал: «Полиция! Руки вверх!» А затем раздались одиночные выстрелы и очереди из молотилки, — он усмехнулся, — то есть, простите, из автомата, и кто-то вскрикнул. Потом лейтенант закричал: «Берите того!» И в следующий момент на двери, у которой я стоял, пулями был сбит замок. Внутрь ввалился

какой-то человек. Он крепко прижимал к бедру дымящийся автомат и рыскал по комнате, ища Бориса. Я знал, что это был Ульманн — бывший гестаповец. При моей работе, собственно говоря, достаточно столкнуться с немцем или русским только один раз. Я взял его на мушку, выстрелил и выбил оружие у него из рук. Но он был проворен и прыгнул, укрывшись за открытой дверью. Дверь была сделана из тонкой древесины, и я не мог допустить, чтобы — в случае, если у него было другое оружие — он выстрелил первым. Поэтому я выпустил в дверь Z-образную очередь. Причем, стреляя, я стал опускаться на колени. И хорошо сделал, потому что когда я был уже почти на полу, он тоже выпустил короткую очередь, которая чуть не сделала пробор у меня в волосах. Но две из моих пуль попали ему, как выяснилось позже, в левое плечо и правое бедро. Он рухнул за дверью на пол и лежал тихо.

Бой с другими нападавшими затих где-то внизу, но на пороге комнаты на четвереньках появился раненый полицейский, который полз мне на помощь. Он произнес: «Приятель, помощь нужна?» Ульманн выстрелил через дверь на голос — и убил его. По этому выстрелу я определил высоту, на которой находилось оружие Ульман-

на, и выстрелил почти одновременно с ним. Затем отбежал на середину комнаты, чтобы, если понадобится, стрелять еще. Но больше не понадобилось. Он был еще жив, когда по лестнице поднялись уцелевшие полицейские, и мы снесли его вниз в машину скорой помощи. В госпитале его попробовали заставить заговорить. Но он ни слова не сказал и на следующее утро умер. Смесь гестапо и «СПЕКТРА» — это серьезное дело.

Джеймс Бонд вроде бы смотрел на меня, но его глаза меня не видели. Он сказал:

— Мы потеряли двоих и один был ранен. Они потеряли немца и одного из нападавших. А еще двое долго не протянут. Но поле битвы являло ужасное зрелище и, — его лицо внезапно осунулось и стало уставшим, — я достаточно нагляделся на подобные вещи. Когда операция была проанализирована, мне захотелось уехать. Мое руководство и канадская полиция поддержали меня: они хотели, чтобы я доложил обо всем в Вашингтоне нашим коллегам и заручился их помощью в ликвидации американского филиала банды «Механиков». Они получили тяжелый удар, и Специальный отдел канадской полиции считал, что было бы разумно преследовать и добить их, пока они не пришли в себя. Я сказал,

что хотел бы спокойно поехать на машине, а не на самолете или поезде. Мне это было разрешено, поскольку это заняло бы не больше трех дней. Я взял на прокат этот автомобиль и сегодня утром на рассвете отправился в путь. Я ехал довольно быстро, когда попал в эту жуткую грозу, — отголосок вашей, думаю. Несмотря на грозу, я побрился до Лейк Джордж и намеревался заночевать там, но он выглядел так дьявольски неприветливо, что, увидев указатель на боковой дороге с рекламой этого мотеля я решил попытать счастья. — Он улыбнулся мне, и вид у него снова стал довольно бодрым. — Вероятно, мне что-то подсказало, что в конце дороги будете вы и что у вас неприятности. Во всяком случае, за милю отсюда я проколол колесо, и вот я здесь. — Он снова улыбнулся, протянул руку и накрыл ею мою, лежавшую на стойке. — Забавно как все случается!

— Вы, наверное, страшно устали, просидев столько за рулем?

— А у меня на этот случай кое-что имеется. Будьте добры, сварите мне еще чашечку кофе.

Пока я возилась с кофеваркой, он открыл свой кейс и достал маленькую бутылочку с белыми таблетками. Взял две и, пока я подавала ему кофе, проглотил их. — «Бензедрин» — это поможет мне

не уснуть сегодня ночью. Высплюсь завтра. — Он перевел взгляд на зеркало. — Ну, вот и они. Привет. — Он ободряюще мне улыбнулся. — Теперь только не волнуйтесь. Поспите немного. Я буду рядом, чтобы ничего не случилось.

Музыка по радио стихла, и часы мелодично пробили полночь.

12. Заснешь — имеешь шанс умереть!

В то время, пока Стрелок шел к двери черного хода и вышел в ночь, тощий медленно подошел к нам и наклонился над краем стойки.

— Ладно, ребята. Кончайте трепаться. Уже полночь. Мы отключаем свет. Мой друг ищет в кладовке аварийные керосиновые лампы. Нет смысла расходовать электроэнергию. Приказ мистера Сангинетти.

Это было разумно и его голос звучал дружелюбно. Неужто они отказались от своих планов, какими бы они не были, из-за Бонда? Я сомневалась в этом. Мысли, от которых я отвлеклась, слушая рассказ Джеймса Бонда, нахлынули вновь. Я должна была провести ночь в комнате, по обе стороны от которой будут эти чудовища. Я должна сделать свою комнату неприступной. Но у них же отмычки! Бонд должен помочь мне!

Джеймс Бонд широко зевнул: «Вообще я с удовольствием немного поспал бы. Я сегодня проделал длинный путь, а завтра он будет еще длиннее. И вам после всех ваших волнений тоже

бы неплохо вздремнуть».

— Так вы идете, мистер? — глаза тощего сузились.

— У вас довольно-таки ответственная работа.

— Какая еще работа?

— Ну, вы же советчики по вопросам страхования? Да еще такой дорогой собственности. Я думаю, она стоит не меньше полумиллиона долларов. Между прочим, вы сами-то акциями этой компании владеете?

— Нет, не владеем. Мистер Сангинетти никого не держит у себя на службе с помощью таких уловок как акции.

— Это делает честь сотрудникам. Должно быть это хорошие люди. Он должен им безоговорочно доверять. Случайно не скажете название компании, в которой он страхуется?

— "Метро Эксидентэнд Хоум". — Тощий все еще стоял, расслабленно опершись о стойку, но его серое лицо напряглось. — А в чем дело? Зачем вам это, мистер? Может быть, перестанете говорить загадками и скажете, что вам нужно?

Бонд беззаботно произнес:

— Мне тут мисс Мишель рассказывала, что дела в этом мотеле шли не так уж хорошо. Догадываюсь, что это заведение не входит в гостиничные

корпорации, такие как «Кволити Кортс», «Холидей Иннз» или «Конгресс». Не входя в эти корпорации, очень трудно вести дела. И опять же то, что вас прислали сюда, приятели, пересчитать ложки, отключить электричество и тому подобное..." — Взгляд Джеймса Бонда был сочувственным. — Мне просто пришло в голову, что, должно быть, это заведение сейчас на мели. Если так, очень жаль — хорошее оборудование, прекрасное место.

Красная искорка, которую я уже однажды видела, вновь угрожающе засверкала в глазах тощего. Он тихо произнес:

— Может, перестанете молоть языком, мистер? Я больше не буду терпеть шуток какого-то англичашки. Вы меня поняли? Вы что хотите сказать, что этот мотель был построен незаконно? Может быть, вы думаете, что это мы его соорудили? А?

— Ну, не сердитесь, мистер Хоровиц. Зачем же лезть в бутылку? — Джеймс Бонд широко улыбнулся. — А блатные манеры я вам тоже могу продемонстрировать. — Внезапно улыбка сошла с его лица. — Я даже знаю, где вы им научились. Ну, а вы меня поняли?

Очевидно, он намекал на гангстерские и тюремные манеры. Тощий определенно так и понял.

Он казался озадаченным, но подавил свой гнев и просто сказал:

— Хорошо, умник. Картина ясна. Вы сыщики — все одинаковы — ищите грязь там, где ее нет. Куда к черту задевался мой напарник? Пошли. Давай придавим подушку.

Когда мы выходили через черный ход, свет погас. Джеймс Бонд и я остановились, но тощий продолжал идти, будто видел в темноте. Из-за угла здания появился Стрелок с двумя керосиновыми лампами в руках и вручил их нам с Бондом. Его безволосое лицо, желтое в свете ламп, расползлось в ухмылке:

— Счастливых сновидений, ребята!

Джеймс Бонд проводил меня до комнаты, вошел и закрыл дверь.

— Будь я проклят, если знаю, что они затеяли. Но первое, что нужно сделать — это убедиться в том, чтобы двери и окна были закрыты должным образом. Он обошел комнату, проверяя шпингалеты на окнах, исследуя петли на дверях, оценивая размеры вентиляционных решеток. — Теперь дверь, — сказал он. — Вы говорите, что у них есть запасные ключи? Мы заклиним замок, а когда я уйду, придвиньте к двери письменный стол. Это будет дополнительной баррикадой. Он вошел в

ванную комнату, нарвал полос туалетной бумаги, смочил их и скатал их в плотные комки. Несколько штук он затолкал под дверь, повернул ручки и потянул. Они держали, но если раскачать дверь, ее можно было открыть. Он вытащил эти комки и отдал мне. Затем протянул руку к поясу брюк и достал короткоствольный револьвер.

— Когда-нибудь стреляли из таких штуковин?

Я ответила, что когда-то в молодости стреляла из длинноствольного пистолета 22-го калибра по кроликам.

— Хорошо. Это «Смит-Вессон» в полицейском варианте. Удобное оружие. Запомните: целиться нужно чуть-чуть ниже. Руку держите прямо. Вот так. — Он показал, — и старайтесь на курок нажимать, а не дергать. Но в действительности это не имеет значения. Я услышу и прибегу. Теперь запомните. Вы в полной безопасности. Окна очень надежны. Рамы не сломав, не откроешь. — Он улыбнулся. — Проектировщики этого мотеля достойны доверия. Они знали все, что нужно знать о взломщиках. Эти бандюги не будут стрелять в вас через окна в темноте. Но, на всякий случай, пусть ваша кровать стоит там, где есть, а вы возьмите подушки, простыни и сделайте себе постель на полу в том дальнем углу. Револьвер

положите под подушку. Подтащите письменный стол к двери и поставьте на его край телевизор. Если кто-нибудь попытается ломиться в дверь, он смахнет его. Это вас разбудит, и вы просто выстрелите через дверь в район ручки, туда, где будет стоять человек. Прислушайтесь, вскрикнет ли он. Вы все поняли?

Я ответила, что, насколько это было возможно, поняла. Мне хотелось бы, чтобы он остался в комнате со мной. Но у меня не хватило смелости попросить его об этом, а у него вероятно, были какие-то собственные планы.

Он подошел ко мне и нежно поцеловал меня в губы. Я была так удивлена, что замерла на месте. Он же беззаботно произнес:

— Извините, Вив, но вы очень красивы. А в этом комбинезоне вы выглядите самым симпатичным помощником механика гаража, которого мне когда-либо приходилось видеть. Теперь не волнуйтесь. Поспите немного. Я за вами пригляжу.

Я обвила руками его шею и тоже крепко поцеловала его в губы, сказав:

— Вы самый удивительный человек, какого я встречала в своей жизни. Спасибо вам за то, что вы здесь. И пожалуйста, Джеймс, — будьте осторожны! Вы их не видели так, как пришлось мне.

Они действительно очень жестокие. Пожалуйста, останьтесь невредимым.

Он снова поцеловал меня, но в этот раз коротко и отстранил от себя. Затем сказал:

— Не волнуйтесь. Я видел и не таких. Теперь делайте, что я вам сказал и засыпайте. Спокойной ночи. Вив.

И ушел.

Какое-то мгновение я стояла, глядя на закрытую дверь, потом пошла почистила зубы и приготовилась ко сну. Посмотрела на себя в зеркало. Выглядела я ужасно — умытая, без грима с кругами под глазами. Ну и денек! Но главное не это! Я не должна его потерять! Я не должна позволить ему исчезнуть! Однако в глубине души я знала, что это все равно произойдет. Он должен жить один, так же, как и я. Ни одной женщине не удалось удержать его. И ни одной не удастся. Он был одиночкой, такие люди никого не допускают в свое сердце. Они не могут ни с кем связывать себя. Я вздохнула. Ну, и ладно. Ну, и пусть. Пусть уходит. Не заплачу! И потом не буду плакать, разве я не приняла решение впредь всегда действовать хладнокровно?

Глупая идиотка! Глупая, влюбленная гусыня! Нашла время думать о глупостях как кисейная

барышня! Я сердито тряхнула головой и отправилась в спальню, чтобы заняться тем, что он мне велел.

Ветер все еще был силен, и за окном, выходящим во внутренний двор, стоял ужасный шум, издаваемый ветвями деревьев. Луна появлявшаяся в разрывах быстро бегущих облаков, освещала два высоких квадрата окон находившихся в разных концах комнаты и таинственно просвечивала через тонкие с красным узором занавески. Когда луна пряталась за облаками, пятна кроваво-красного света похожего на тот, которым пользуются в фотолабораториях, темнели и становились тусклыми, желтыми лужицами света от керосиновой лампы. Без яркого электрического света эта продолговатая комната напоминала какую-то жуткую декорацию. Углы скрывались в темноте, и казалось, что сама комната ждала кого-то, кто созвал бы всех скрывавшихся в темноте и сказал им, что делать.

Я попыталась успокоиться. Приложила ухо поочередно к стенам соседних номеров, но ничего не услышала. Прежде чем забаррикадировать дверь, я вышла из комнаты и осмотрелась по сторонам. Из-под дверей 8-го и 10-го номеров пробивался свет, так же как и из 40-го номера

Джеймса Бонда в конце коридора слева. Все выглядело мирно и спокойно. Я вернулась в комнату и оглядела ее в последний раз. Я сделала все, что он велел, вспомнила, что собиралась помолиться, встала на колени на ковре и вознесла молитву. Я не только благодарила Бога, но и просила его о защите. Затем приняла две таблетки аспирина, прикрутила фитиль и, задув пламя, отправилась в угол комнаты, где на полу приготовила себе постель. Расстегнув молнию комбинезона и расшнуровав туфли, но не снимая их, я завернулась в простыни.

Я никогда прежде не принимала аспирина, равно как и других медикаментов. Тщательно изучив показания к применению, я включила его в аптечку первой помощи, которую мой практический ум подсказал мне взять с собой в дорогу. Поскольку силы мои были на пределе и я была полностью вымотана, аспирин оказался для меня таким же сильнодействующим средством, как и морфий. Я впала в приятное полусонное состояние, в котором не ощущала опасности. Кругом была темнота, а перед глазами стояло милое, влекущее к себе лицо. Теперь я знала, что существуют на свете такие мужчины. С глупой сентиментальностью я вспомнила о первом

прикосновении его руки, о каждом поцелуе в отдельности. Потом я в полудреме вспомнила о револьвере, сунула руку под подушку, чтобы убедиться, что он на месте, и счастливо заснула.

И вдруг сразу проснулась. Какое-то мгновение я лежала, вспоминая где я. Ветер прекратился и стало очень тихо. Я осознала, что лежу на спине. Так вот что меня разбудило. Я бросила взгляд на красный квадрат окна в верхней части противоположной стены. Луна снова появилась из-за облаков. Какая мертвая тишина! После многочасовой грозы она казалась теплой и обволакивающей. Мне снова захотелось спать, я повернулась на бок, так, чтобы лицо было обращено в сторону комнаты, и закрыла глаза. Но когда я снова стала погружаться в сон, в моем мозгу засверкала какая-то беспокойная мысль. И прежде чем я успела снова закрыть глаза, они заметили в комнате нечто необычное. Я неохотно снова открыла их. Понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что же я увидела: тончайшие полоски света в щелях платяного шкафа, стоявшего у противоположной стены. Как глупо! Я не плотно прикрыла дверь и лампочка внутри шкафа, которая работала в автоматическом режиме, не отключилась. Нехотя я встала с постели.

Какая мука! И вдруг, сделав пару шагов, я вспомнила: внутри шкафа не должно было быть света! Электричество ведь отключено!

Мгновение я стояла, приложив руки ко рту, а затем, когда я повернулась и нырнула за оружием, створки шкафа с грохотом распахнулись, оттуда вывалилась согнутая фигура Стрелка с фонарем в одной руке и чем-то свисавшим в другой и прыгнула на меня.

Мне казалось, что я пронзительно завизжала, а может быть, визг был лишь внутри меня. В следующее мгновение что-то взорвалось рядом с моей головой, и я почувствовала, что грохнулась на пол.

Затем наступила полная темнота.

Первое, что я почувствовала, придя в себя — ужасная жара. Меня волокли по земле. Потом я почувствовала залах дыма и увидела пламя. Я попыталась кричать, но поняла, что из моего горла вырывалось только звериное завывание. Я попыталась отбиваться ногами. Но чьи-то руки крепко держали меня за лодыжки. Внезапно я поняла, что меня тянут по мокрой траве. Сломанные ветром ветки, ударяя меня по голове, дополнительно к старой вызывали новые приливы головной боли. И рядом со мной оказался стоящий на ко-

ленях человек, который рукой крепко зажал мне рот. Прямо в ухо зашептал голос — это был голос Джеймса Бонда. — Ни звука! Лежите тихо! Все хорошо. Это я.

Я вытянула руку и нащупала его плечо. Оно было обнаженным. Я пожала его, и он убрал руку от моего рта.

— Ждите меня здесь, — прошептал он. — Не шевелитесь. Через секунду вернусь, — и бесшумно уполз.

Бесшумно. Никакой шум, производимый им, не имел никакого значения: позади меня стоял оглушительный рев и треск пламени. По деревьям метались оранжевые отблески. Я осторожно встала на колени и превозмогая боль, повернула голову. Справа от меня вдоль всего ряда жилых кабин стояла огненная стена. Боже, от чего же ты спас меня! Я ощупала свое тело и дотронулась до волос. Повреждений не было. Только на затылке была пульсирующая шишка. Я поняла, что могу стоять, поднялась на ноги и попыталась вспомнить, что же произошло после того, как меня ударили, не не смогла. Они должно быть подожгли мотель, а Джеймс каким-то образом вовремя оказался рядом со мной и вытащил меня на улицу.

Между деревьев раздался шорох, он снова был рядом со мной. На нем не было рубашки, но загорелую, потную, блестящую в отблесках пламени грудь перепоясывало что-то вроде сбруи, на которой под левой подмышкой висела кобура с тяжелым автоматическим пистолетом. Его глаза блестели от напряжения и возбуждения, а закопченное лицо и спутанные волосы делали его удивительно похожим на пирата.

Он мрачно улыбнулся и кивнул в сторону пламени.

— Вот в чем их игра. Сжечь мотель и получить страховку. Они сейчас рассыпают термитный порошок, чтобы огонь перекинулся на административный корпус. Плевать. Если я прихвачу их сейчас, то только спасу мистеру Сангинетти его собственность. А если мы выступим в качестве свидетелей, то страховки ему не видать как своих ушей. И его посадят. Поэтому давайте немного подождем и дадим ему возможность занести все убытки в свои книги.

Я вдруг вспомнила о своем драгоценном имуществе и робко спросила:

— А мы можем спасти револьвер?

— Все в порядке. У вас пропали только платья, если вы их оставили в ванной. Я забрал револь-

вер, когда вытаскивал Вас. И еще я выбросил наружу ваши сумки, все, что спас, я спрятал в лесу. Последними загорятся навесы для автомобилей, так как у них с обеих сторон кирпичные стенки. Они в каждый коттедж бросили по термитной бомбе. Это даже лучше, чем бензин. Они маленькие и не оставляют никаких следов для сыщиков из страховых компаний.

— Но вы же могли обгореть!

В темноте на мгновение сверкнули его зубы, обнажившиеся в улыбке.

— Поэтому я и снял пальто. Я должен выглядеть прилично в Вашингтоне.

Мне это не показалось смешным.

— А как насчет вашей рубашки?

Послышался грохот, и в воздух над рядом кабин взметнулся столб огненных искр. Джеймс Бонд произнес:

— А вот и моя рубашка. Сейчас на нее проваливается крыша. Он замолчал и провел рукой по грязному, потному лицу, отчего оно стало еще более грязным. — У меня было предчувствие, что нечто в этом роде должно случиться. Вероятно, мне нужно было лучше подготовиться. Например, заранее поменять колесо на машине. Если бы я это сделал, мы бы уже уехали. Мы бы

смогли пробраться к ней за кабинами, доехать до Лейк Джорджа или Гленз Фолз и прислать сюда полицию. Но я подумал, поменяй я колесо — у наших «друзей» появился бы повод попросить меня уехать. Я бы мог отказаться, конечно. Или сказать, что без вас не уеду. Но тогда могла бы начаться стрельба. Мне удалось бы справиться с обоими, если бы я начал стрелять первым. А если бы они убрали меня со сцены, вы снова очутились бы там, откуда мы начали. Вы были главной фигурой в их плане.

— Я все время это чувствовала. Не знаю, почему. Потому, как они со мной обращались, я знала, что ничего не значу для них. Но зачем-то я была им нужна.

— Вы должны были быть причиной пожара. В качестве доказательства Сангинетти привел бы показания управляющих, ну, этой четы Фэнси — они конечно завязаны в этом деле по уши… — Я вспомнила, как изменилось их отношение ко мне в последний день, как пренебрежительно они обращались со мной, как с каким-то мусором, который скоро выбросят — о том, что они поручили вам отключить электричество, что само по себе выглядит абсолютно разумно, раз мотель закрывается, и в последнюю ночь пользоваться кероси-

новой лампой. Остатки лампы были бы найдены. Вы отправились спать с горящей лампой и каким-то образом опрокинули ее. Мотель вспыхивает — и все в порядке. В постройках использовано большое количество деревянных деталей, а ветер доделал бы остальное. Мое появление вызвало у них досаду, но не более. Мои останки также были бы найдены. Или во всяком случае, моя машина, наручные часы и металлические части моей сумки. Не знаю, что бы они сделали с моим оружием и тем, что лежало у вас под подушкой. Оно могло бы доставить им неприятности. Полиция проверила бы машину через канадцев, а номера на оружии через англичан. Это позволило бы установить мое имя. И почему мой второй револьвер находился под вашей подушкой? Это заставило бы полицию поразмышлять. Если бы мы были, ну, вроде как любовниками, то почему я спал в таком отдалении от вас? Может быть, мы таковыми не являлись и поэтому спали так далеко друг от друга, а я настоял на том, чтобы вы взяли один из моих револьверов, чтобы суметь защитить себя ночью? Не знаю, как они бы вышли из положения. Но думаю, когда я сказал им, что я полицейский, наши друзья подумали об оружии и о других уликах, которые не будут

уничтожены огнем и поэтому решили переждать пару часов, а затем покопаться в золе, чтобы извлечь оттуда подобные вещи. Они бы, конечно провели свои раскопки очень осторожно, не оставив отпечатков своих ног на пепле. Они же профессионалы. — Уголки его губ опустились. — Да. По стандартам.

— Но почему они вас не убили?

— Они убили. По крайней мере они так думают. Когда я оставил вас и направился к себе в комнату, я подумал, если они намерены расправиться с вами, то первым делом они должны отделаться от меня. Поэтому я уложил на свою кровать куклу. Очень хорошо сделанную. У меня уже есть опыт по этой части. В кровати должно лежать нечто, напоминающее человеческое тело. Это можно сделать из подушек, полотенец и постельного белья. Нужно также иметь что-нибудь похожее на волосы. Это я соорудил из сосновых игл: темная горка на подушке, почти закрытая простыней. Очень искусное сооружение. Потом я повесил свою рубашку на спинку стула стоящего рядом с кроватью, это еще одна уловка: видя на стуле рядом с кроватью предмет одежды, преступник решает, что хозяин одежды — в постели. Я оставил прикрученную лампу рядом с постелью,

чтобы им легче было продемонстрировать свое искусство стрельбы, если они им владели. Запихал самодельные клинья под дверь, а ручку двери, подпер спинкой стула, чтобы доказать, что не лишен естественного чувства осторожности. Затем я закинул сумку за плечо и затаился среди деревьев. — Джеймс Бонд кисло улыбнулся. — Они дали мне час времени. Подкрались так тихо, что я ничего не услышал. Затем раздался треск выламываемой двери и короткая серия хлопков — они пользуются глушителями. Потом внутренность кабины озарилась от взрыва. Я полагал, что все предусмотрел, но оказалось, что это было не совсем там. Мне потребовалось почти пять минут, чтобы добраться до вашей кабины, лавируя между деревьями. Я не волновался. Хоть я и знал, что они быстрее доберутся до вашей кабины, я был готов в любой момент выскочить на открытое пространство, услышав лишь выстрел из вашего револьвера. В какой-то момент, обходя вечером все номера, Стрелок, вероятно, пробил отверстие в стене, за шкафом в вашей комнате, оставив только обои, чтобы потом прорезать их острым ножом. Вероятно, он поставил отбитый кусок стены на место, а может быть и нет. Не знаю. Во всяком случае, ему этого делать было не

нужно. У нас с вами не было случая зайти в номер 8 да и необходимости тоже. Первое, что я понял, это что ваша комната освещена горящим пламенем. Я помчался со всех ног, петляя под навесами для машин, так как услышал, что они возвращаются по коридору, открывая двери всех номеров, бросая туда бомбы и затем аккуратно закрывая двери, чтобы все выглядело «как положено».

Все это время Джеймс Бонд время от времени бросал взгляд на крышу административного корпуса, видневшуюся над горящими кабинами. И вдруг произнес как бы между прочим.

— Они подожгли его. Теперь я должен заняться ими. Как вы себя чувствуете, Вив? Смелость вас не покинула? Как голова?

Я нетерпеливо произнесла.

— Ох, со мною все в порядке. Но, Джеймс, нужно ли вам с ними связываться? Пусть уходят. Что они значат? А вы можете пострадать.

Он твердо произнес:

— Нет, дорогая. Они нас чуть не убили. В любой момент они могут вернуться и обнаружат, что ваш револьвер исчез. В этом случае мы лишимся преимущества внезапности. И я не могу позволить им так уйти. Они убийцы. Если уйдут, завтра убьют кого-нибудь еще. — Он весело улыбнул-

ся. — Кроме того, они лишили меня рубашки.

— Хорошо, тогда вы должны позволить мне вам помочь. — Я дотронулась до него рукой. — Вы будете осторожным, хорошо? Я не смогу без вас. Я не хочу снова остаться одна.

Он не обратил внимания на мою руку и сказал почти холодно: — Не нажимайте на руку, в которой я держу оружие. Я должен это сделать. Это моя работа. Теперь, — он вручил мне «Смит Вессон», — вы тихо двигаетесь за деревьями к стоянке номер три. Она в темноте, и ветер отгоняет огонь в другую сторону. Вы можете подождать там, вас там не заметят. Если мне понадобится помощь, я буду знать, где вас найти. С места не двигайтесь. Если я позову, бегом ко мне. Если со мной что-нибудь случится, идите вдоль берега озера как можно дальше от этого места. После этого пожара завтра здесь будет куча полицейских. Тогда незаметно вернитесь и свяжитесь с кем-нибудь из них. Они вам поверят. Если начнут спорить, попросите их позвонить в ЦРУ в Вашингтон, — увидите, как они завертятся. Просто скажите им, кем я был. В моем снаряжении есть номер, нечто вроде опознавательного знака 007. Постарайтесь не забыть!

13. Перестрелка

«Я была… Кем же я была?»

Зачем он сказал это, подал Богу, судьбе — или кто там еще распоряжался нами сегодня ночью — эту мысль? Нужно всегда гнать от себя дурные мысли. Они живут, распространяются в нашем сознании, как звуковые волны. Если Бог или судьба настроены в данный момент на твою волну, они могут воспринять мысль о смерти, но истолковать ее превратно, как просьбу!

Поэтому я не буду думать ни о чем подобном, чтобы не усугублять темный настрой судьбы! Какая ерунда! Это Курт мне внушил подобные идеи. Он всегда был набит «космическими ценными реакциями», «криптограммами жизненных сил» и другой тевтонской мистикой, которую я однако впитывала будто он лично являлся — а он иногда на это намекал — «Главной Движущей силой» или по крайней мере, ее частью, которая контролировала все эти вещи. Конечно, Джеймс Бонд произнес это скорее как суеверное заклинание удачи, — так лыжники, с которыми я была знакома в Европе, желали друг другу пе-

ред спуском: «Чтоб ты сломал себе шею и ноги!» Таким пожеланием они хотели отвести дурной глаз и предотвратить несчастный случай. А Джеймс Бонд был британцем: он произнес эту на самом деле ничего не значащую фразу, чтобы приободрить меня. И все же лучше бы он ее не произносил. Перестрелки, гангстеры, покушения были частью его работы, его жизни. Но не моей, и я бы предпочла, чтобы он был более деликатным и человечным по отношению ко мне в этот момент. Где он сейчас? Крадется в тени, маскируясь в отблесках пожара, предельно настороженный, готовый к любым опасностям? И что делают наши враги? Ждут где-нибудь в засаде? Заговорит ли внезапно оружие? Последуют ли за этим крики и стоны?

Я добралась до стоянки номер 3 под навесом для автомобиля держась рукой за грубо оштукатуренную кирпичную стену. Ощупывая дорогу в темноте, осторожно сделала несколько последних шагов, выглянула из-за угла и посмотрела в сторону пляшущих теней пламени отбрасываемых другими коттеджами и административным корпусом. Никого не было видно, ничто не двигалось, кроме языков огня, которым налетающий порывами ветер, не давал загаснуть. Стали зани-

маться огнем стоящие позади коттеджей деревья — с их засыхающих ветвей в темноту сыпались искры. Если бы не гроза, то наверняка начался бы лесной пожар, и тогда, беспечная девчонка с разбитой лампой безусловно оставила бы свой след в истории Соединенных Штатов Америки! Разнес бы ветер этот пожар? На десять миль? На двадцать? Сколько бы деревьев, птиц, животных уничтожила бы якобы эта маленькая погибшая девчонка из Квебека?

Рухнула крыша еще одного из коттеджей. При ее падении снова взметнулся огромный столб оранжевых искр. Затем закачалась резная деревянная крыша административного корпуса. Она прогнулась и провалилась как плохо приготовленное суфле. В воздух весело взлетели снопы искр, быстро уносимых ветром в сторону, где они и гасли. Дополнительная вспышка огня высветила две стоявших рядом с дорогой автомашины, серый «Сандерберд» и блестящий черный «Седан». Но никаких признаков присутствия гангстеров не было, равно как и Джеймса Бонда. Внезапно я осознала, что не имею никакого представления о времени. Посмотрела на часы. Было два. Таким образом, с момента, когда это все началось, прошло только пять часов! А казалось

— недели. Моя же прежняя жизнь казалась мне отдаленной от меня годами. Мне было трудно теперь вспомнить даже последний вечер, когда я сидела и думала об этой жизни. Все неожиданно стерлось в памяти. Все заполонил страх, боль, опасность. Это было похоже на кораблекрушение, авиационную или железнодорожную катастрофу, на землетрясение, ураган. Человек понимает это, лишь когда что-то подобное случается с ним, самим. Черные крылья беды вмиг закрывают небо, и нет ни прошлого ни будущего. Вы проживаете каждую минуту и секунду, так, как будто они последние. Не существует никакого другого времени и никакого другого места, кроме как сейчас и здесь.

Тут я увидела своих мучителей. Они шли по траве в мою сторону. У каждого в руках была большая коробка. Это были телевизоры. Должно быть, они спасли их от огня, чтобы продать и заработать немного наличности. Они шли рядом — тощий и толстый коротышка. Пламя от горящих коттеджей освещало их потные лица. Подойдя к обугленным аркам перехода, ведущего в здание офиса, они посмотрели вверх на все еще горящую крышу, чтобы убедиться, что она на них не рухнет и быстро пересекли переход.

Где же Джеймс Бонд? Сейчас такой подходящий момент, чтобы прихватить их, пока у них заняты руки! Теперь, поворачивая направо к своей машине, они были всего в двадцати ярдах от меня, я вжалась в темноту навеса для машин. Но где же Джеймс? Может, мне следует побежать за ними и напасть на них самой? Не будь идиоткой! Если промахнешься, а ты определенно промахнешься, это будет твоим концом. А если они сейчас обернутся, увидят ли они меня? Виден ли мой белый комбинезон в темноте? Я вжалась еще глубже. Их фигуры виднелись в квадратном проеме выезда из-под навеса. Они шли по траве всего в нескольких ярдах от все еще вертикально стоявшей северной стены административного корпуса, до которой ветер пока еще не давал добраться огню. Вскоре они скроются за углом и последняя возможность будет упущена!

Но они вдруг остановились как вкопанные. Перед ними стоял Джеймс Бонд, твердо держа в руке револьвер нацеленный в пространство между двумя фигурами. Его голос прозвучал как удар кнута о землю:

— Вот так-то голубчики. Игры кончились. Повернуться. Первый, кто бросит телевизор, получит пулю!

Они медленно повернулись вокруг, встав лицом к моему убежищу. А потом Джеймс позвал меня:

— Выхода. Вив! Мне нужна помощь!

Я вытащила тяжелый револьвер из-за пояса и быстро побежала по траве. Когда до гангстеров оставалось около десяти ярдов Джеймс скомандовал:

— Стой там. Вив, я скажу, что тебе делать. — Я остановилась. На меня уставились два злых лица. Тощий приоткрыл рот от удивления и напряжения. Стрелок изрыгнул поток ругательств. Я навела свой револьвер на телевизор, которым он прикрывал живот. — Закрой рот или я пристрелю тебя.

Стрелок осклабился:

— Вот как? Ты очень испугаешься от звука выстрела.

Джеймс произнес:

— Ну, ты, заткнись, или, получишь дырку в своей поганой голове. Теперь слушай. Вив. Мы должны забрать оружие. Зайди сзади того, кого зовут Страх. Приставь свой револьвер к его спине и свободной рукой пошарь у него под мышками. Работа не очень приятная, но ничего не поделаешь. Если нащупаешь оружие, дай мне знать, а я

скажу, тебе, что делать дальше. Будем делать все не спеша. Я прикрою другого. А если этот Страх пошевелится, стреляй.

Я сделала так, как мне велели. Зашла сзади тощего и прижала револьвер к его спине. Затем левой рукой ощупала его правую подмышку. От него исходил отвратительный, смердящий запах. Я внезапно почувствовала омерзение от того, что находилась так близко к нему, да еще так интимно ощупывала.

Конечно же, у меня дрогнула рука, и он не преминул этим воспользоваться. Он моментально, резким движением, бросил телевизор, изогнувшись, как змея, ладонью выбил револьвер у меня из рук и прижал меня к себе.

Грохнул выстрел из пистолета Джеймса Бонда, и я ощутила движение воздуха от пролетевшей пули. А потом я стала сопротивляться, как дьявол, отбиваться ногами и царапаться. Но это было все равно, что сражаться с каменной статуей. Он просто еще крепче прижал меня к себе, и я услышала, как он произнес: «Хорошо, англичашка. Что дальше? Хочешь, чтобы даму шлепнули?»

Я почувствовала, что хватка одной из его рук ослабела — он попытался достать оружие. Тогда я снова начала отбиваться. Джеймс Бонд резко

произнес: «Вив, разведите ноги в стороны!»

Автоматически я сделала то, что мне велели. Вновь прозвучал выстрел из пистолета. Тощий выругался и отпустил меня. В тот же миг позади меня раздался страшный грохот, заставивший меня обернуться. В момент выстрела Стрелок с силой швырнул телевизор через голову в сторону Джеймса Бонда, телевизор попал ему в голову и сбил с ног.

Когда Стрелок заорал: «Эй, Страх, линяем!», я нырнула за револьвером и, распластавшись на траве выстрелила в него. Я, конечно, промахнулась, но Стрелок побежал, петляя словно футболист, по лужайке по направлению к коттеджам. Тощий безнадежно отставая, бежал за ним. Я снова выстрелила, но револьвер подпрыгнул вверх, а затем они оказались вне пределов досягаемости моего оружия и Стрелок скрылся в одном из номеров, расположенных по правой стороне.

Я поднялась на ноги и побежала к Джеймсу Бонду. Он стоял на коленях на траве, прижимая руку к голове. Когда я подбежала, он отвел руку в сторону, посмотрел на нее и выругался. Чуть пониже волос у него была большая рана. Ничего не сказав, я побежала к ближайшему окну административного корпуса и разбила его рукояткой

револьвера. На меня пахнуло жаром, но огня не было. Прямо внизу, так, что я могла достать рукой, стоял стол, за которым еще недавно сидели гангстеры, а на нем, среди дымящихся обломков крыши — аптечка первой помощи. Джеймс Бонд что-то кричал, но я уже перемахнула через подоконник. Задержала дыхание, схватила коробку и вывалилась наружу. От дыма из глаз лились слезы.

Я тщательно, насколько это было возможно, обработала рану. Затем достала из аптечки антисептик и большой кусок лейкопластыря. Рана была не глубокой, но скоро на этом месте образуется здоровый синяк. Он сказал: «Извини, Вив. В этом раунде я сильно напортачил». Я тоже так думала и спросила: «Почему ты их просто не пристрелил? С этими телевизорами в руках с ними было легко справиться.»

Он ответил резким тоном:

— Никогда не мог убивать хладнокровно. Но по крайней мере в ногу, я должен был ему выстрелить. Должно быть, только оцарапал ее и он все еще может участвовать в игре.

Я ехидно заметила:

— Мне кажется, что тебе тоже чертовски повезло участвовать в этой игре. Почему Стрелок

не убил тебя?

— Для меня это тоже загадка. Похоже, в коттедже номер 1 у них что-то вроде штаба. Вероятно, он оставил там оружие, пока они занимались делом. Может быть, он не хотел носить с собой патроны из-за того, что кругом огонь. Во всяком случае, война объявлена и нам предстоит довольно серьезная работа. Главное — не спускать глаз с их машины. Они будут очень стараться удрать. Но сначала они должны как-то убить нас. Они попали в очень неприятное положение и будут драться как черти.

Я закончила обработку раны. Джеймс Бонд наблюдал за первым коттеджем. Потом сказал:

— Лучше перейти в укрытие. У них внутри может быть что-нибудь тяжелое, и они, должно быть уже кончили перевязку ноги Страха. — Он поднялся на ноги, резко дернул меня за руку и крикнул: — Быстро! Одновременно я услышала звон разбиваемого где-то справа стекла и оглушающий грохот, как мне показалось, пулемета. Пули впились в боковую стену административного корпуса у самых наших ног.

Джеймс Бонд улыбнулся: — Извини еще раз. Вив! У меня сегодня не очень хорошие, манеры. Я исправлюсь. — Он улыбнулся. — Давай-ка поду-

маем минутку.

Это была долгая минутка. От пышущего жаром административного корпуса с меня катился пот. Огонь пока не повредил северную стену и тот участок стены недалеко от парадного входа, где мы прятались. Все остальное было морем огня. Но ветер пока отгонял огонь в южном направлении и мне казалось, что этот участок кирпичной кладки продержится еще долго. Большинство коттеджей уже догорало: на той стороне просеки пламя уменьшалось и искры уже так не летели. Я вдруг подумала, что пламя должно было быть видно на расстоянии многих миль. Может быть, даже в Лейк Джордже или Гленз Фолз, но никто почему-то не поспешил на помощь. Вероятно, дорожная патрульная служба и пожарные были по горло заняты в связи с теми разрушениями, которые произвела гроза. К тому же они наверняка считают, что огонь не распространится на их любимые леса по сильно промокшей земле.

Джеймс Бонд сказал:

— Вот что мы будем делать. Во-первых, я хочу, чтобы ты находилась где-нибудь, откуда ты мне сможешь помочь и где бы я о тебе не беспокоился. В противном случае, насколько я понимаю, этих людей, они сосредоточатся на тебе, полагая, что

я сделаю все, даже дам им возможность уйти, только чтобы ты не пострадала.

— Это правда?

— Не говори глупостей. Ты под прикрытием развалин этого дома перейдешь дорогу, стараясь быть незамеченной, пойдешь вдоль нее, пока не окажешься прямо напротив их машины. Веди себя тихо. Даже если один из них или они оба подойдут к машине, не стреляй, пока я не скажу. Поняла?

— Но где же будешь ты?

— Если наша цель — машины, то мы занимаем так называемую внутреннюю линию обороны. Я буду находиться где-нибудь здесь и дам им возможность напасть на меня. Это ведь им нужно поскорее избавиться от нас и убраться отсюда. Пусть попробуют. Время работает против них. — Он посмотрел на часы. — Уже почти три. Сколько осталось до рассвета?

— Около двух часов. Здесь светает около пяти. Но их же двое, а ты один. Они возьмут тебя, как они это называют, в «клещи».

— Один из крабов потерял клешню. Во всяком случае мой план самое лучшее, что я могу предложить. Теперь иди через дорогу пока они чего-нибудь не придумали. Я отвлеку их.

Он подошел к углу здания, выглянул из-за него и быстро произвел два выстрела в сторону коттеджа, где они укрылись. В ответ послышался звон разбитого стекла, а потом угрожающе заработал автомат. Пули расплющивались о кирпичную стену и уносились через дорогу в лес. Джеймс Бонд отпрянул и ободрительно улыбнулся: «Давай!»

Я побежала направо через дорогу, стараясь, чтобы строение офиса находилось между мной и последним коттеджем а затем стала продираться сквозь деревья. Они снова цеплялись и рвали на мне одежду и царапали тело, но на этот раз на мне была подходящая обувь, а ткань комбинезона была прочной. Я углубилась довольно далеко в лес, а затем стала двигаться влево. Решив, что удалилась достаточно далеко — я стала медленно перемещаться к тому месту, которое было освещено пламенем. Я вышла точно туда, куда было нужно, прямо к первой линии деревьев на расстоянии двадцати ярдов от которых, на другой стороне дороги, стоял черный «Седан». Мне хорошо было видно освещенное пляшущим светом пожара поле боя.

Все это время луна то появлялась, то исчезала в быстро летящих облаках, то освещая все ярким

светом, то оставляя лишь мерцающие отблески огня. Вот луна в очередной раз полностью вышла из-за облаков, и в ее свете я увидела такое, что чуть не вскрикнула. Тощий, извиваясь на животе как червяк, полз по направлению северной части офиса. Оружие в его руке ярко блестело в лунном свете.

Джеймс Бонд находился там, где я его оставила и чтобы он никуда не исчез, оттуда. Стрелок вел непрерывную с интервалами в несколько секунд стрельбу одиночными выстрелами по углу стены к которой пробирался тощий. Вероятно, Джеймс Бонд понимал смысл этой непрерывной стрельбы. Он наверняка знал, что она велась для того, чтобы прижать его к земле, потому что он начал двигаться влево по направлению к горящей половине здания. Вот он уже бежал, низко согнувшись, по порыжевшей траве через вздымающиеся клубы дыма и искр по направлению к обугленным, мерцающим руинам левого ряда коттеджей. Я успела заметить, как он нырнул под один из навесов для машин, где-то в районе пятнадцатой стоянки, и исчез. Я решила, что он попытается среди деревьев, растущих позади коттеджей добраться до Стрелка с тыла.

Я наблюдала за тощим. Он почти добрался до

угла офиса. Вот он уже там. Одиночные выстрелы прекратились. Не целясь, держа оружие в левой руке Тощий высунул его за угол и вслепую выпустил всю обойму в сторону передней стены, где Джеймс и я стояли еще совсем недавно.

Поскольку ответного огня не последовало, он как змея вытянул голову за угол и сразу же отдернул ее. Затем встал на ноги и помахал рукой, показывая, что нас там не было.

Откуда-то из-за первого коттеджа вдруг раздались два выстрела, за которыми последовал леденящий кровь вопль, от которого у меня сердце замерло и появился Стрелок, двигавшийся спиной. Он стрелял правой рукой с бедра, левая висела вдоль тела. Он продолжал бежать задом, вскрикивая от боли, но продолжая стрелять короткими очередями из автомата. Что-то едва заметно зашевелилось под одним из навесов и оттуда раздался ответный выстрел из тяжелого автоматического оружия. Стрелок засек цель, выстрелил и пистолеты Джеймса Бонда замолчали. Затем заговорили вновь, уже из другого места, и один из выстрелов Бонда, должно быть попал в автомат, потому что Стрелок неожиданно уронил его и побежал к черному «Седану», откуда тощий, извиваясь, прикрывал его огнем

из двух пистолетов. Пуля Джеймса Бонда, вероятно, заклинила механизм автомата, так как он продолжал самопроизвольно стрелять, крутясь на траве как огненное колесо фейерверка и разбрызгивая пули во все стороны. Затем тощий оказался на водительском месте, я услышала, как завелся двигатель, из глушителя вырвался дым. Он широко распахнул боковую дверь. Стрелок нырнул в нее и от резкого рывка машины дверь захлопнулась.

Я не стала ждать Джеймса, выбежала на дорогу и открыла стрельбу по заднему стеклу. Я слышала как некоторые из моих пуль ударялись о металл. Но вот раздался щелчок бойка: патроны кончились. Я стояла и ругалась: уходят! В этот момент раздались уверенные звуки выстрелов из пистолета Джеймса откуда-то с дальнего конца лужайки. Последовал ответ из переднего окна машины. Это продолжалось до того момента, когда показалось, что «Седан» сошел с ума. Он развернулся, описав большую дугу, и помчался через лужайку прямо на Джеймса. На мгновение фары автомобиля осветили его. На обнаженной груди блестел пот, а он продолжал стрелять, стоя в классической позе, словно ожидая нападения дикого зверя. Я испугалась, что его задавят, и

помчалась к нему по траве. Но машина вильнула в сторону и ревя двигателями, на самой большой скорости рванула прямиком к озеру.

Я стояла и смотрела как зачарованная. Лужайка оканчивалась неподалеку отсюда невысоким утесом — всего около двадцати футов. Внизу находилось озерцо с рыбой, а на краю лужайки были расставлены грубо обработанные столы и лавки, на которых могли сидеть участники пикников. Машина продолжала лететь вперед, и, независимо от того, налетит ли она на лавки или нет, она неизбежно на такой скорости должна была свалиться в озеро! Но она промчалась мимо всех лавок и, в тот момент когда я, чтобы не закричать от ужаса, зажала рот руками, взлетела в воздух и шлепнулась на воду в горизонтальном положении, произведя гигантский всплеск и треск. Потом она очень медленно стала погружаться в воду, образовав водоворот из пузырьков воздуха и выхлопных газов. Скоро от нее уже ничего не осталось на поверхности кроме багажника, части крыши и заднего стекла, косо глядящего в небо.

Джеймс Бонд все еще стоял, уставившись в озеро, когда я подбежала к нему и обхватила его руками:

— С тобой все в порядке! Ты не ранен?

Ошеломленный происшедшим, он повернулся ко мне, обнял за талию, крепко прижал к себе и как-то неуверенно произнес:

— Да. Со мной все в порядке. — Он оглянулся на озеро. — Я должно быть, попал в водителя, в тощего, убил его, а его труп заблокировал акселератор.

Казалось он стал приходить в себя. Натянуто улыбнулся:

— Ну что ж, хорошо. Это определенно упростило ситуацию. Мы избавлены от многих хлопот. Они умерли и похоронены в момент смерти. Не могу сказать, что мне их жаль. Это была парочка настоящих головорезов. — Он отпустил меня и вложил пистолет в кобуру. От него пахло порохом и потом. Это было восхитительно. Я встала на цыпочки и поцеловала его.

Мы повернулись и медленно побрели по траве. Огонь теперь вспыхивал эпизодически и поле боя находилось почти в темноте. На моих часах было три тридцать. Вдруг я почувствовала себя полностью, абсолютно разбитой.

И как бы эхом моих мыслей прозвучали слова Джеймса:

— Действие бензедрина закончилось. Как насчет того, чтобы немного поспать? Три или

четыре коттеджа остались в хорошем состоянии. Не возражаешь против номеров 2 и 3?

Я почувствовала, что краснею, но сказала с упрямством в голосе:

— Мне все равно, что ты думаешь, Джеймс, но я не оставлю тебя сегодня. Можешь выбирать любой — второй или третий. Я буду спать на полу.

Он рассмеялся и притянул меня к себе. — Если ты будешь спать на полу, я тоже. Но мне кажется, было бы большой глупостью не воспользоваться прекрасной двуспальной кроватью. Давай остановимся на номере 3. — Он взглянул на меня, изображая светскую галантность: — Или вы предпочитаете номер 2, мадам?

— О, нет. Третий номер — это рай!

14. Бимбо

В коттедже номер три, нечем было дышать. Пока Джеймс Бонд собирал наш «багаж» в лесу, я открыла форточки и отвернула угол простыни на двухспальной кровати. Казалось, я должна была бы чувствовать смущение, но я не чувствовала его. Мне просто нравилось готовить ему постель при лунном свете. Потом я попробовала включить душ и обнаружила, что каким-то чудесным образом, давление в трубах здесь сохранилось полностью, хотя дальше по линии многие ее участки должны были вовсе расплавиться. Я содрала всю одежду с себя, сложила ее в аккуратную кучку, зашла в душ и распечатала кусок мыла «Камея». «Порадуйте ваших гостей розовой „Камеей!“ — с ароматом дорогой французской косметики и нежнейшим действием лучшего питательного крема!», вспомнила я рекламную надпись на упаковке. Затем стала очень осторожно, стараясь не надавливать на синяки, намыливать тело.

Из-за шума воды в душе я не слышала, как он вошел в ванную комнату. Но вдруг еще две руки

стали мыть меня, ко мне прижалось голое тело и я ощутила запах пота и пороха. Я обернулась, улыбнулась в его мрачное лицо. Его руки обняли меня и наши губы встретились в поцелуе, который, казалось никогда не кончится. Струя воды под которой мы стояли, заставила нас закрыть глаза. Когда я уже почти не могла дышать, он вытащил меня из-под воды и мы снова поцеловались, легко. Когда его руки касались моего тела, я испытывала такое сильное желание отдаться ему, что у меня начинала кружиться голова.

— Пожалуйста, Джеймс! Пожалуйста, не надо! Или я упаду. И будь нежнее. Ты, мне делаешь больно!

В полумраке лунного света в ванной его глаза были как две узкие щели. Вдруг они расширились, и в них появились нежность и смешинки.

— Извини, Вив. Я не виноват. Это все мои руки. Они не хотят отпускать тебя, а им еще нужно вымытьменя . Я ведь грязный, придется тебе этим заняться. Меня они не послушаются.

Я рассмеялась и потянула его под душ.

— Хорошо. Но пощады не жди. Последним кого я мыла, был пони, мне было тогда двенадцать лет. К тому же я почти ничего не вижу.

Я взяла мыло. — Нагни голову. Постараюсь,

чтобы мыло в глаза не попало.

— Если оно попадет в глаза, я… — он вынужден был замолчать, так как я принялась намыливать его лицо и волосы. Затем перешла на руки и грудь. Он стоял нагнувшись, держась обеими руками за водопроводную трубу.

Я остановилась. — Остальное — сам.

— Ничего подобного. И остальное вымоешь ты, и сделаешь это как положено. А что если начнется мировая война и тебе придется быть медсестрой? Тебе следует научиться мыть мужчину. Между прочим, что это за чертово мыло? От меня пахнет как от Клеопатры.

— Это очень хорошее мыло. В нем содержатся дорогие французские ароматические вещества. Так написано на упаковке. И пахнет от тебя изумительно. Это гораздо лучше, чем порох.

Он рассмеялся. — Ну ладно. Продолжай. Но поторопись!

Я нагнулась и продолжила и, конечно, через минуту мы снова были в объятиях друг друга под струей воды. Наши тела от мыла и воды были скользкими. Он выключил воду, поднял меня, вынес из-под душа и начал медленно вытирать банным полотенцем. Я стояла, опершись на его свободную руку и блаженствовала. Потом я взяла

полотенце и вытерла Джеймса. А потом он поднял меня на руки, отнес в спальню и положил на кровать, а я через полуприкрытые ресницы наблюдала за тем, как он задергивал занавески и запирал дверь.

Потом лег рядом со мной.

Его руки и губы были неторопливыми и наэлектризованными, его тело было нежным и безжалостным. Позже он сказал мне, что, когда наступил момент, я закричала. Я этого не помнила. Помнила только то, что передо мной неожиданно разверзлась бездна сладостного восторга и поглотила меня. Я впилась ногтями в его бедра. Потом сквозь дрему я слышала, как он говорил мне что-то очень приятное, еще раз поцеловал меня, потом его тело опустилось рядом и затихло. А я лежала на спине, таращилась в красноватую темноту и прислушивалась к его дыханию.

Я никогда в жизни не занималась любовью вот так, когда участвуют не только тело, но и все чувства. С Диреком это было приятно. С Куртом удовлетворительно, но эмоций там не было вообще. Это же было нечто совершенно иное. Наконец-то я поняла, как много это может значить в жизни.

Думаю, что знаю, почему мне было так хорошо с этим человеком которого я встретила всего шесть часов назад. Кроме того, что он чрезвычайно привлекателен, властен, мужествен, он появился ниоткуда, как принц в сказке, и спас меня от дракона. Он мог бы просто заменить колесо на своей машине и уехать или, когда возникла опасность, он мог бы легко спастись сам. Но он сражался за мою жизнь, как за свою собственную. А потом, когда дракон был повержен, он взял меня как вознаграждение. Я знала, что через несколько часов он уедет, несмотря на все протесты любви, без извинений, и не ища предлога. Этим все и кончится.

Каждая женщина немножко любит насилие. Она любит, когда ее берут. Его восхитительная жестокость по отношению к моему покрытому синяками телу придала его любви особое очарование. Конечно же сыграло свою роль то, что наши нервы одновременно успокоились сразу, когда прошло напряжение и исчезла опасность. Благодарность, которую я, естественно, испытывала к своему избавителю помогла мне не чувствовать ни сожаления, ни стыда. Для меня этим все не кончится, будет масса последствий. Скажем, после него другие мужчины не будут

удовлетворять. Но какие бы неприятности у меня ни случились, он никогда о них не узнает. Я не буду преследовать его и пытаться повторить то, что между нами было. Я буду далеко от него, отпущу его следовать своей дорогой, на которой будут другие женщины, бессчетное количество других женщин, которые, вероятно, доставят ему такое же физическое удовлетворение, какое он получил со мной. Меня это не волновало. По крайней мере, я убеждала себя, что меня это не волнует, потому что ни одна из них никогда не сможет владеть им так, как это удалось мне. И всю свою жизнь я буду благодарна ему. Я запомню его навсегда, как воплощение моего героя.

Как же я глупа. И что это я устраиваю драму из-за этого обнаженного мужского тела, лежащего рядом со мной? В конце концов" он просто профессиональный агент, который выполнил свою работу. Его научили пользоваться оружием убивать людей. Что в этом замечательного? Храбрый, сильный, безжалостный с женщинами — это его профессиональные качества, за них ему платили. Он был кем-то вроде шпиона, шпиона который сегодня меня любил. Даже не любил. Переспал со мной. Почему я должна делать из него своего героя, клясться, что никогда его не

забуду? Неожиданно у меня появилось острое желание разбудить его и спросить: «Ты можешь быть хорошим? Добрым?»

Я повернулась на бок. Он спал и спокойно дышал, уткнувшись головой под левую подмышку. Правая рука была засунута под подушку. Снова ярко светила луна. Через занавески просачивался красный свет. Я низко склонилась над ним, вдыхая запах мужчины, сгорая от желания дотронуться до него, провести рукой по его загорелой спине до самого того места, где загар резко сменялся белой, кожей, не загоравшей под плавками.

Я долго смотрела на него, потом снова легла на место. Нет, все же он был именно таким, каким я его себе представляла. Да, он был создан для любви.

Красные занавески на другом конце комнаты легко колыхались. Полусонными глазами я старалась разглядеть почему. Ветер стих, и снаружи не было слышно ни звука. Я лениво перевела взгляд на другое окно. Здесь занавески были недвижимы. Должно быть с озера дул легкий ветерок. Да спи ты, ради бога, — сказала я себе.

И тут неожиданно занавески с шуршанием раздвинулись и огромное, блестящее, похожее

на репу лицо, освещенное луной заглянуло в комнату.

Я никогда не думала, что волосы действительно могут вставать дыбом. Я думала, что это придумали писатели. Но теперь я сама слышала, как, поднимаясь, они терлись о подушку и ощутила прикосновение воздуха к коже головы. Я хотела закричать, но звук замер в горле. Я буквально окаменела. Я не могла пошевелить ни ногой ни рукой. Я думала, что эти выражение тоже взяты из художественной литературы. Но это было правдой. Я просто лежала и таращила глаза. Физически почти я ничего не ощущала. Я не могла шелохнуться — лежала как доска. Лицо за окном ухмылялось. Вероятно, от физического усилия зубы оскалились, как у зверя. Лунный свет отражался от зубов, глаз и от макушки лысого черепа — все это было похоже на детский рисунок. Лицо привидения медленно поворачивалось, рассматривая комнату. Оно увидело белую кровать, очертания двух голов на подушке. Голова прекратила вертеться и рядом с ней появилась рука, а в ней — блестящий металл. Рука неуклюже нанесла удар по окну и разбила стекло.

Звон стекла заставил меня очнуться от оцепенения. Я закричала и толкнула Джеймса в бок.

Вероятно, его еще раньше разбудил звук разбиваемого стекла, а я своим толчком, даже, наверное, помешала ему прицелиться. Затем раздался грохот двух выстрелов и жесткий звук пули, расплющивающихся о стену над моей головой. Голова исчезла.

— С тобой все в порядке. Вив? — Голос был нетерпеливым, с нотками отчаяния.

Он убедился, что со мной ничего не случилось, не стал ждать ответа. Кровать сотряслась и неожиданно проем двери осветился лунным светом. Он бежал так тихо, что я не слышала его шагов по бетонному полу на стоянке машин, но могла явственно представить себе, как он распластывается по стене и петляет из стороны в сторону. Я просто лежала, оцепенев от ужаса — еще одно литературное выражение, но очень точное, — засыпанная острыми осколками стекла, и вспоминала ужасную блестящую похожую на репу голову, которая должно быть, принадлежала привидению.

Джеймс Бонд вернулся, но не произнес ни слова. Первое, что он сделал, дал мне стакан воды. Ничего особенного, — родители всегда поступают так, если их детям приснятся кошмары. Его приход вернул комнате ее привычное очертания.

Пропало ощущение, что ты находишься в черно-красной пещере с вооруженными привидениями. Затем он взял банное полотенце, подставил стул к разбитому окну, взобрался на него и занавесил окно полотенцем.

Я наблюдала за тем, как то напрягаются, то опадают его мышцы и вдруг подумала, как странно выглядит человек без одежды, если он не занимается любовью, а просто движется по комнате, выполняя какую-нибудь домашнюю работу. Я подумала, что, вероятно, следует быть нудистом, чтобы относиться к этому спокойно, но только до сорока лет. Потом сказала: — Джеймс, никогда не полней.

Он закрепил полотенце, спрыгнул со стула и рассеянно произнес:

— Не буду. Ты права. Толстым быть нехорошо.

Потом он поставил стул к письменному столу, где он стоял прежде, и взял пистолет, лежавший на столе. Проверив его, подошел к своей сложенной небольшой кучкой одежде, достал новую обойму, заменил ее, подошел к кровати и положил пистолет под подушку.

Теперь я поняла, почему он лежал в такой позе — засунув правую руку под подушку. Я догадалась, что он всегда так спал. Ну и жизнь — как

у пожарного, в постоянном ожидании, вызова. Опасность — его работа. Он подошел, сел на край кровати с моей стороны. В просачивающихся пятнах света лицо его выглядело расстроенным. Он попытался улыбнуться, но у него вышло лишь некое подобие улыбки.

— Извини, Вив, — сказал он. — Нас опять чуть не убили из-за меня. Я должно быть теряю бдительность. Если так пойдет дальше, у меня могут быть неприятности. Помнишь, когда машина ушла под воду, над водой осталась часть крыши и заднее стекло? Очевидно, там в углу сохранилось достаточное количество воздуха. Я был чертовым дураком, что не довел дело до конца. Стрелку понадобилось лишь разбить заднее стекло и доплыть до берега. Он был ранен несколько раз. Ему, должно быть, было очень тяжело двигаться. Но он добрался до нашего коттеджа: с нами должно было быть все кончено. Не заходи утром за коттедж. Он представляет собой очень неприятное зрелище. — Он посмотрел на меня, ища сочувствия. — Во всяком случае, прости меня, Вив. Я не должен был этого допускать.

Я выбралась из кровати, подошла к нему и обвила его шею руками. Его тело было неподатливым. Я притянула его к себе и поцеловала. — Не будь

глупым, Джеймс! Если бы не я, ты бы не попал во всю эту заваруху. А если бы не ты, где бы я сейчас была? Вот уже несколько часов, как я была бы поджарена. Жаль только, что ты так мало спал. Ложись в постель, я тебя согрею.

Он притянул меня к себе, провел руками по моему телу и крепко прижал его к своему. Так мы стояли довольно долго, не шевелясь, и я почувствовала, как в его тело перетекало мое тепло. Затем он поднял меня и осторожно положил на кровать. Он взял меня неистово, почти грубо. И опять кто-то, кто вовсе не был мной, кричал, а потом мы лежали рядом прижавшись друг к другу. Его сердце бешено колотилось, а я вдруг обнаружила, что моя правая рука вцепилась в волосы на его груди.

Я разжала согнутые пальцы и дотронулась до его руки.

— Джеймс, что такое бимбо? — спросила я.

— Зачем тебе это?

— Я скажу, когда ты мне скажешь.

Он сонно рассмеялся. — На языке гангстеров так называют проституток.

— Я так и думала. Они все время меня так называли. Наверное это правда.

— У тебя нет для этого данных.

— Обещаешь, что не будешь думать обо мне как о бимбо?

— Обещаю. Ты просто цыпленок. И я чувствую себя с тобой теленком.

— Что это значит?

— Это значит, что я с ума схожу по этой девушке. Хватит вопросов. Спи. — Он нежно поцеловал меня и повернулся на бок.

Я обвилась, крепко прижалась к его спине и ягодицам. — Так очень приятно спать, Джеймс. Как ложки. Спокойной ночи, Джеймс.

— Спокойной ночи, дорогая Вив.

15. Сердечные шрамы

Это были последние слова, которые он произнес. Когда я проснулась на следующее утро, его уже не было. Только на постели, где он лежал, была вмятина и подушка сохраняла его запах. Чтобы в этом убедиться, я выпрыгнула из кровати и побежала посмотреть, на месте ли серая машина. Ее не было.

День был прекрасным. На земле лежала обильная роса и в траве угадывалась дорожка, протоптанная им, когда он шел к своей машине. Над просекой с криком пролетела птица и откуда-то из глубины деревьев раздался печальный плач голубя.

Руины мотеля были черными и ужасными. Из развалин административного корпуса поднимался призрачный вертикальный шлейф дыма. Я вернулась в коттедж, приняла душ и быстро начала паковать свои вещи в две переметные сумки. И здесь на туалетном столике я увидела письмо. Я села на кровать и прочла.

Оно было написано на фирменной бумаге мотеля, которая лежала в письменном столе. Почерк

был разборчивым и ровным. Написано не шариковой, а перьевой ручкой.

"Дорогая Вив.

Тебе, видимо, придется давать показания полиции, поэтому перехожу к делу. Сейчас я еду в Гленз Фолз, где подготовлю полный отчет для полиции. До этого я сообщу дорожной полиции, чтобы они немедленно прибыли к тебе. Я также свяжусь с Вашингтоном и они почти наверняка обяжут власти Олбани взять расследование на себя. Я приму все меры, чтобы тебя не слишком беспокоили и чтобы, после того как ты дашь показания, тебе разрешили уехать. В Гленз Фолз будут осведомлены о моем маршруте и регистрационном номере машины. Они смогут найти меня, где бы я не находился, если тебе понадобится моя помощь или им дополнительная информация. Тебе не удастся найти ничего на завтрак, поэтому я попрошу полицейских привезти с собой термос с кофе и бутерброды, чтобы не дать тебе умереть с голоду. Я бы очень хотел остаться с тобой! Хотя бы для того, чтобы взглянуть на мистера Сангинетти! Но я сомневаюсь, что он появится сегодня утром. Полагаю, не получив сообщения о выполнении задания от своих головорезов, он умчал в Олбани и сел в первый самолет на юг, чтобы

пробраться в Мексику. Я сообщу в Вашингтон об этой моей догадке, и, если они пошевелятся, то смогут прихватить его. За это он получит пожизненный срок, как говорится «отныне и впредь», или «Розарий» на языке, который мы с тобой начали изучать. А теперь слушай. Ты, и в какой-то мере я, спасли страховой компании, по крайней мере, полмиллиона долларов, за это полагается большое вознаграждение. Мне по службе не разрешено получать вознаграждения. К тому же, фактически ты приняла на себя всю основную тяжесть и являешься главной героиней. Не спорь со мной! Я совершенно серьезно собираюсь поставить этот вопрос и проследить, чтобы страховая компания тебя не обманула. И еще. Я совсем не удивлюсь, если одного или обоих этих бандитов разыскивает полиция и за их головы назначено вознаграждение. За этим я тоже прослежу. Что касается будущего. Будь осмотрительна и пусть тебя не преследуют кошмары. Такое случается не часто. Считай, что попала в серьезную автомобильную катастрофу, в которой тебе удачно повезло остаться живой. И будь всегда такой же чудесной, какая ты есть. Если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, где бы ты не находилась, можешь связаться со мной письмом или

телеграммой. Только не по телефону.

Мой адрес: Министерство Обороны, Сториз Гейт, Лондон, Юго-Запад, для меня.

Всегда твой, Дж. Б.

P.S. Давление в шинах твоего мотороллера слишком высокое для дорог Юга. Не забудь немного спустить колеса.

P.P.S. Попробуй вместо «Камей» мыло «Альпийские цветы».

Я услышала рев приближающихся мотоциклов. Когда они остановились, раздался короткий вой сирен, оповещающий об их прибытии. Я засунула письмо за пазуху, застегнула молнию и вышла навстречу Закону.

Это были два сотрудника полиции штата, крепкие, молодые и очень симпатичные. Я почти позабыла о существовании подобных людей. Они откозыряли мне так, словно я была представительницей королевской семьи. «Мисс Вивьен Мишель?» Говорил лейтенант, который был старший по званию из них. Второй тихо сообщил по радио об их прибытии.

— Да.

— Я лейтенант Морроу. Мы знаем, что вчера ночью у вас были неприятности. — Он указал рукой в перчатке в сторону развалин. — И кажется,

немалые.

— О, это пустяки, — произнесла я небрежно. — В озере машина с трупом. И еще один лежит позади коттеджа № 3.

— Да, мисс. — Мне показалось, что он не одобрял моего легкомыслия. Он обернулся к своему напарнику, — О'Доннел, взгляните, что там, ладно?

— О'кей, лейтенант. — О'Доннел трусцой побежал по траве.

— Итак, давайте где-нибудь присядем, мисс Мишель.

Лейтенант наклонился и из сумки, прикрепленной к седлу, достал аккуратный сверток.

— Привез завтрак. Боюсь, там только кофе и пончики. Подойдет? — Он протянул сверток.

Я одарила его улыбкой, мощностью в одну свечу.

— Ужасно любезно с вашей стороны. Я умираю с голода. У озера есть несколько скамеек. Мы можем найти такую, откуда не видно утонувшую машину. — Я пошла впереди по траве и мы сели. Лейтенант снял фуражку, достал блокнот и сделал вид, что читает свои записи, давая мне возможность поесть.

После этого он посмотрел на меня и впервые

улыбнулся. — Не беспокойтесь, мисс. Я не собираюсь снимать с вас допрос. Для этого приедет капитан. Он, кстати, может появиться в любой момент. Когда я получил команду срочно двигаться сюда, я располагал только голыми фактами. Но меня очень волнует, что с того момента как я получил это задание, меня не оставляют в покое. По пути сюда на шоссе № 9 я слушал по радио полицейские переговоры. Этим делом, оказывается, заинтересовались не только в Олбани, но и высшее руководство в Вашингтоне дышит нам в спину. Никогда не слышал столько переговоров по радио. А теперь, мисс, не могли бы вы мне сказать, почему Вашингтон вмешался в дело и почему там узнали о нем раньше, чем в Гленз Фолз, хотя отсюда до Вашингтона не меньше двух часов езды на хорошей скорости.

Я не смогла удержаться от улыбки, таким он был простодушным. Я почти слышала, как он кричал О'Доннелу по дороге сюда: «Черт, в любую минуту вслед за нами сюда может пожаловать Джек Кеннеди!» Я улыбнулась:

— Ну ладно, я расскажу вам. Есть один человек, его зовут Джеймс Бонд. Он тоже причастен к этому делу. Это он спас меня и пристрелил этих двух гангстеров. Он что-то вроде агента английской

секретной службы. Он ехал на машине из Торонто в Вашингтон с докладом по какому-то делу. У него спустило колесо, и он остановился в мотеле. Если бы не это, я сейчас была бы уже покойницей. Полагаю, что он весьма важная фигура. Он подозревает, что мистер Сангинетти попытается удрать в Мексику или куда-нибудь еще. Но это почти все, что я о нем знаю, кроме того, разве, что он показался мне чудесным человеком.

Лейтенант выслушал меня с пониманием:

— Наверное, так оно и есть, мисс, если он вытащил вас из этой передряги. Но он наверняка связан с ФБР, они редко вмешиваются в дела местного значения. Только, если попросят или если дело имеет общегосударственное значение.

Издалека раздался пронзительный вой сирен. Лейтенант Морроу встал и надел фуражку.

— Благодарю вас, мисс. Я просто хотел удовлетворить свое любопытство. Дальше этим делом будет заниматься сам капитан. Не волнуйтесь. Он приятный парень.

Подошел О'Доннел: «С вашего позволения, мисс». Лейтенант отошел с ним, слушая его доклад, а я прикончила кофе и медленно поплелась за ними, думая о сером «Сандерберде», который сейчас накручивал мили по дороге на Юг, и о

загорелых руках на его рулевом колесе.

Кавалькада, поднимая пыль на дороге вьющейся среди сосен, выглядела внушительно. Она состояла из штабного автомобиля, «скорой помощи», еще двух полицейских машин и «техпомощи», которая двинулась по траве в мою сторону и спустилась к озеру. Казалось, все, знали свой маневр, и очень скоро вся территория покрылась движущимися фигурами в коричневато-зеленых и темно-синих мундирах.

Плотный человек, направившийся ко мне навстречу в сопровождении младшего офицера, который, как оказалось, был стенографистом, всем своим видом напоминал показательного кинематографического детектива. Он медленно двигался, был целеустремлен, и у него было доброе лицо. Он протянул руку.

— Мисс Мишель? Я капитан Стонор из Гленз Фолз. Давайте поговорим, где-нибудь в спокойной обстановке. Например, в одном из коттеджей. Или вы предпочитаете остаться на воздухе?

— Если вы не возражаете… Я по горло сыта этими коттеджами. Почему бы нам не посидеть там, за моим обеденным столом? Кстати, благодарю вас за заботу. Я умирала от голода.

— Благодарите не меня, мисс Мишель. — Глаза

капитана холодно сверкнули. — Это ваш английский друг, капитан третьего ранга Бонд, помимо всего прочего предупредил нас и о том, что вы голодны.

Итак, значит он капитан третьего ранга. Это было единственное звание, которое мне отныне нравилось. И, конечно, этот капитан невольно злился на него: англичанин — и с такими полномочиями! Да еще вдобавок ко всему связанный с ФБР и ЦРУ! Ничто не могло бы больше вывести из себя кадрового американского полицейского. Я решила быть как можно более дипломатичной.

Мы присели и после обычных полицейских формальностей меня попросили рассказать всю историю.

На это ушло два часа. По ходу дела капитан Стонор задавал вопросы. Время от времени к нему подходили люди и отрывисто что-то шептали ему на ухо. В конце беседы силы мои совсем иссякли. Принесли кофе и сигареты для меня («На службе не курю, спасибо, мисс Мишель»). Затем мы все расслабились. Стенографисту разрешили уйти. Капитан Стонор послал за лейтенантом Морроу и пошел с ним к рации, чтобы передать предварительный доклад в штаб, а я наблюдала за обломками черного «Седана», которые подняли

на верх утеса и тащили теперь по траве к дороге. К ним подъехала «скорая помощь» и я отвернулась, когда на траву из-под обломков осторожно вытащили мокрый тюк. Страх! Я снова вспомнила эти холодные, с красными искрами на дне глаза, почувствовала на себе его руки. Неужели это он?

Я услышала, как капитан сказал: «Все копии — в Олбани и Вашингтон. Понятно?» Затем отвернулся и сел напротив меня.

Он смотрел на меня добрыми глазами и говорил что-то незначительное. Я смотрела на него с пониманием и отвечала: «Нет, нет». Я его спросила, когда по его мнению, мне можно было бы уехать.

Капитан Стонор сразу не дал ответа. Вместо этого он медленно поднял руку к фуражке, снял ее и положил на стол. Жест перемирия — копия жеста лейтенанта, заставил меня внутренне улыбнуться. Затем он порылся в карманах, достал сигареты и зажигалку. Предложил мне и сам прикурил. Здесь он впервые улыбнулся мне совершенно неофициально: «У меня кончается дежурство, мисс Мишель». Он удобно откинулся на лавке, скрестил ноги, положил левую лодыжку на правое колено и обхватил ее рукой. Неожиданно он стал похож на доброго семьянина средних лет

на отдыхе. Он сделал первую глубокую затяжку и смотрел как улетучивался дым. Потом произнес: "Вы можете уехать в любой момент, мисс Мишель. Ваш друг, капитан Бонд очень просил, чтобы вас беспокоили как можно меньше. И я рад услужить ему и вам. И, — он улыбнулся с неожиданным юмором, — мне бы не хотелось, чтобы подобная просьба поступила из Вашингтона. Вы вели себя очень храбро. Нечаянно вы оказались среди очень опасных преступников, и я бы хотел, чтобы мои дети вели себя, окажись они на вашем месте, точно так же. Этих двух бандюг разыскивали. Я включу ваше имя на получение вознаграждения по линии полиции, а так же и по линии страховой компании, которое конечно же будет щедрым. Мы выдвигаем против этих Фэнси предварительное обвинение в сговоре с целью обмана. А мистер Сангинетти уже находится в бегах, как и предполагал капитан Бонд. И сейчас полиция разыскивает его. Против мистера Сангинетти будет выдвинуто обвинение в преступлении, которое карается смертной казнью. Когда мы его поймаем, возможно, вы понадобитесь в качестве свидетеля. Штат оплатит вам проезд, где бы вы ни находились, проживание и обратную дорогу. Все это, — капитан Стонор стряхнул пепел с

сигареты — обычный порядок, полиция за этим проследит. — Проницательные голубые глаза внимательно посмотрела на меня, а затем прищурилась: — Но я не совсем удовлетворен таким окончанием дела, — он улыбнулся. — Теперь, когда у меня, так сказать кончилось дежурство и мы с вами побеседуем с глазу на глаз…

Я попыталась изобразить интерес и беззаботность, но мне хотелось знать, что же последует.

— Оставил ли вам капитан Бонд какие-нибудь инструкции, письмо? Он сказал мне, что оставил вас спящей сегодня, рано утром. Что он уехал в районе шести часов и не хотел вас будить. Абсолютно правильно, конечно. Но, — капитан Стонор исследовал кончик сигареты. — Ваши показания и показания капитана Бонда свидетельствуют о том, что вы находились в одном номере. Вполне естественно в этих обстоятельствах! Вы, конечно же, не хотели остаться в одиночестве прошлой ночью. Но после такой захватывающей ночи прощание выглядит несколько неожиданным. Надеюсь, у вас с ним не было никаких неприятностей? Не хотел ли он, скажем, воспользоваться вашим положением, если вы понимаете, что я имею в виду? — Глаза его извинялись, но он внимательно смотрел на меня.

Я покраснела от злости и резко произнесла:

— Конечно нет, капитан. Да, он оставил мне письмо. Абсолютно открытое. Но я не упомянула о нем, так как оно не добавит ничего к тому, что вы уже знаете. — Я расстегнула молнию на груди и вытащила письмо, еще больше покраснев. Чертов мужик!

Он взял письмо, внимательно прочитал его и вернул: «Очень хорошее письмо. Очень, э, деловое. Я ничего не понял про мыло».

Я вкратце объяснила: «О, это шутка. Он считал, что мыло в мотеле слишком пахло духами».

— Понятно. Да, конечно. Ну, прекрасно, мисс Мишель. — Глаза снова стали добрыми. — Ну, а теперь, вы позволите мне сказать вам кое-что лично? Как если бы вы были моей дочерью? А вы ведь могли бы быть даже моей внучкой, если бы мои дети появились на свет чуть раньше. — Он хихикнул по-домашнему.

— Нет. Пожалуйста, говорите все, что хотите.

Капитан Стонор вытащил другую сигарету и закурил: "Мисс Мишель, все, что говорит капитан Бонд правильно. Вы действительно как бы попали в тяжелое дорожное происшествие, и вы не хотите, чтобы вас преследовали кошмары, но тут есть нечто большее. Вас нежданно-негаданно

как гром с ясного неба, так сказать, насильно вовлекли в подпольную войну преступников, войну, которая никогда не прекращается. Вы знаете о ней лишь по книгам и фильмам. И, как это случается в кино, сыщик спасает девушку от разбойников. — Он перегнулся через стол и посмотрел мне прямо в глаза. — Не поймите меня неправильно, мисс Мишель и, если сочтете мои слова неуместными, просто забудьте о них. Было бы естественно, если бы спасший вас сыщик стал в ваших глазах героем, человеком, достойным поклонения, если бы даже вы захотели выйти за него замуж. — Капитан откинулся назад и улыбнулся, как бы извиняясь. — Встречи, произошедшие при таких обстоятельствах, оставляют шрамы на сердце. Они являются огромным потрясением для любого, черт бы его побрал, гражданина. Но больше всего они сказываются на таких молодых людях, как вы. Я полагаю, — его добрый взгляд стал немного жестче, — и у меня есть на то веские основания, что прошлой ночью вы вступили в интимные отношения с капитаном Бондом. Боюсь, что это одна из наших наименее приятных обязанностей — уметь распознавать и такие вещи. — Капитан Стонор поднял руку. — Я не буду больше проявлять любопытство, рас-

спрашивая вас о таких личных делах. Они меня не касаются, но было бы очень жаль, хотя это и совершенно естественно, почти неизбежно, если бы вы потеряли душевный покой из-за этого блестящего молодого англичанина, который просто спас вам жизнь. — Приветливая отеческая улыбка была смешана с иронией. — В конечном счете все сказано и все произошло именно так, как случается в книгах и в кино, не правда ли? Почему бы этому не произойти в жизни?

Я заерзала от нетерпения, мне хотелось, чтобы эта лекция поскорее окончилась и я могла уйти.

— Я заканчиваю. Осталось совсем немного, мисс Мишель. Я знаю, что вы думаете обо мне как о нахале, но с тех пор как я, служа в полиции, перешагнул через средний возраст, меня стал интересовать, как я это называю послеродовой период, наступающий после таких происшествий. Особенно, когда выживший участник происшествия молод и на него произвело сильное впечатление, то, через что ему пришлось пройти. Если можно, мисс, хотелось бы поделиться с вами одной мыслью, и после этого я пожелаю вам всяческих удач и благополучного путешествия на этом вашем маленьком безумном мотороллере.

Глаза капитана Стонора продолжали смотреть

в мои, но в них сбился фокус. Я знала, что услышу сейчас нечто, идущее от всего сердца. Это так редко случается при общении с детьми. Я забыла о том, что хотела поскорее уйти, и вся обратилась в слух.

— Подпольная война, о которой я говорил — преступная битва, которая идет не прекращаясь, неважно между конкретно кем — между полицейскими и грабителями, между шпионами и контрразведчиками… Это сражение между обученными армиями. Одна сражается на стороне закона или за то, что ее страна считает справедливым, другая является противницей закона и справедливости. — В этот момент капитан Стонор разговаривал сам с собой. Мне показалось, что он говорил нечто, чрезвычайно для него важное, о чем, вероятно, он говорил и в своих выступлениях или статьях в каком-нибудь полицейском журнале. — Но у представителей высших эшелонов всех этих сил, у самых искусных профессионалов, участвующих в этой войне есть одно смертельно опасное качество. Оно свойственно всем — и «нашим» и «не нашим». — В подтверждение этих слов сжатый кулак капитана медленно опустился на деревянную крышку стола. В его глазах светилась преданность своему

делу и праведный гнев. — У руководителей и гангстеров, у ФБР, у оперативного состава, у шпионов высшего класса, у контрразведчиков — у всех у них холодные сердца. Они хладнокровные, безжалостные, жестокие убийцы, мисс Мишель. Да, даже у «друзей», так же как и у «врагов». Они вынуждены быть такими. Они не выживут, если такими не будут. Вы меня понимаете? — Глаза капитана снова были в фокусе и смотрели на меня с дружеским расположением. Я была взволнована, но мне стыдно в этом признаться, сердце мое оставалось глухо. — Потому мне хотелось бы, чтобы вы запомнили следующее, моя дорогая. Я переговорил с Вашингтоном и разузнал кое-что о господине Бонде. У него выдающийся послужной список. Но держитесь подальше от всех этих людей. Они не для вас. Неважно, как их зовут — Джеймс Бонд или Стрелок Моргант. Они оба и все им подобные живут в джунглях, где вы провели лишь несколько часов и откуда вам удалось вырваться. Поэтому пусть у вас не будет ни сладких воспоминаний об одном, ни кошмарных — о другом. Они оба отличаются от вам подобных. Это просто совсем другой тип людей. — Капитан Стонор улыбнулся. Это как ястребы и голуби, если вы извините меня за это банальное сравнение.

Вы меня поняли? — Должно быть, по выражению моего лица нельзя было сказать, что я все это восприняла сердцем. Голос его стал резким:

— Ладно. Тогда пойдемте.

Капитан Стонор встал и я последовала за ним. Я не знала, что сказать. Я вспомнила свою первую реакцию, когда Джеймс Бонд появился в двери мотеля: О, боже, еще один из этих! Но я помнила и его улыбку, его поцелуи, его руки, обнимающие меня. Я смиренно шла рядом с этим большим уютным человеком, который с самыми добрыми намерениями поделился со мной этими мыслями. Но единственное, что мне хочется — плотно позавтракать и наконец выспаться где-нибудь за сотни миль от этого мотеля с романтическим названием «Сонные сосны».

Когда я уезжала, было уже двенадцать часов дня. Капитан Стонор сказал, что у меня будет масса хлопот с прессой, но он постарается не допустить ее ко мне как можно дольше. Я могла сообщить им о Джеймсе Бонде все, кроме того, чем мы занимались и где его можно найти. Он мог быть просто человеком, который вовремя появился, сделал свое дело и поехал дальше.

Я упаковала сумки, а молодой полицейский лейтенант Морроу прикрепил их к моему мото-

роллеру и выкатил «Веспу» на дорогу. Пока мы шли по лужайке, он сказал: «Следите за выбоинами, на дороге в Гленз Фолз, мисс. Иные из них такие глубокие, что подъезжая к ним, лучше сигналить: на дне могут уже находиться другие водители таких вот маленьких машин». Я засмеялась. Он был четок, весел и молод, но без лишних сантиментов и склонен к авантюрам, судя по всему. Вероятно, он был более подходящим для меня типом мужчины.

Я попрощалась с капитаном Стонором и поблагодарила его. Затем, видимо, не без оснований решив, что вид у меня глуповатый, надела защитный шлем, опустила похожие на блюдца очки, села на мотороллер и нажала на педаль стартера. Слава богу, маленький двигатель завелся сразу! Сейчас я им покажу! Я быстро выжала сцепление и резко рванула машину. Кругом из-под заднего колеса полетела рыхлая грязь и галька. А я умчалась как ракета и через десять секунд включив прямую передачу, ехала с ровной скоростью, сорок миль в час. Поверхность дороги, насколько видел глаз впереди выглядела нормально. Поэтому я позволила себе обернуться и нахально подняла руку в прощальном приветствии. Маленькая группа полицейских, стоящая перед

дымящимся строением офиса, энергично ответила тем же. А потом я поехала по длинной, прямой дороже, окаймленной двумя рядами столетних сосен. Мне показалось, что соснам жаль отпускать меня, не оставив в памяти никакого следа.

Никакого? А что это там капитан детективов говорил насчет сердечных «шрамов»? Я ведь ему не поверила тогда. Мои «шрамы» залечил чужеземец, который спал с пистолетом под подушкой, секретный агент, который был известен только под своим кодовым номером.

Секретный агент? Да плевать мне на его профессию! Номер? Я его уже забыла! Я точно знала, кто он был и какой он был. И каждую мелочь, связанную с ним, я буду всю жизнь хранить в своем сердце.